

#2(54), 2020 część 2

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Ukraina, Kijów)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#2(54), 2020 part 2

East European Scientific Journal
(Ukraine, Kiev)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w Ukraina, Kijów,
Pobedy Avenu, 56/1, Biuro 115**

**Sp. z o.o."Grupa Konsultingowa
"Образование и наука"**

**Ukraina, Kijów, Pobedy Avenu, 56/1,
Biuro 115**

**E-mail: info@eesa-journal.com,
<http://eesa-journal.com/>**

**Reprezentacja czasopisma naukowego
w krajach afrykańskich.**

Republika Angoli.

ADAMSMAT_SU_LDA,

**Sede: Rio Longa_ prédio Z11 Quarteirão Z,
Nº23, Município: BELAS, província: LUANDA**

E_mail: Adamsmat@mail.ru

Contribuinte n° 5417331007

Tel:+244-929527658

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the Ukraine, Kiev, Pobedy
Avenue, 56/1, office 115**

**LLC "Consulting group
"Образование и наука"**

**Ukraine, Kiev, Pobedy Avenue, 56/1,
office 115**

**E-mail: info@eesa-journal.com,
<http://eesa-journal.com/>**

**Representation of a scientific journal in
African countries:**

Republic of Angola

ADAMSMAT_SU_LDA,

**Sede: Rio Longa_ prédio Z11 Quarteirão Z,
Nº23, Município: BELAS, província: LUANDA**

E_mail: Adamsmat@mail.ru

Contribuinte n° 5417331007

Tel:+244-929527658

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Болсынбекова Г. БОЛАШАҚ МАМАННЫҢ ИННОВАЦИЯЛЫҚ ІС-ӘРЕКЕТТІ БАСҚАРУҒА ДАЯРЛЫҒЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ	4
Водько В.И. ЕРЕТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И СЕКТЫ В СИРОЯЗЫЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ РИМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V В.	10

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гребнева В.В., Гребнев А.В. РОЛЬ ТЕЛЕСНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ И ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ВРАЧЕЙ	15
Степкин Ю.П. “ФЕНОМЕН АВТОРИТЕТА» КАК ФАКТОР ОБЩЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	20

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Aytan A.A. SYNONYMIC FEATURES OF POSPOSITIONS IN AZERBAIJANI LANGUAGE	26
Kudratkhodjaev Sh.T., Irnazarov Sh.K. ANOTHER LOOK AT PR-COMMUNICATION	30
Rakhimova G.V. IMPROVEMENT THE CULTURE OF USING MEDIA FUNCTIONS OF ADOLESCENTS	34
Tashmukhammedova L.I. THE ROLE OF HEADLINE IN INCREASING THE EFFECTIVENESS OF MEDIATEXT	36
Khasanova G.Kh. MAIN TRENDS OF MODERNIZATION OF EDUCATION SYSTEM: NATIONAL AND INTERNATIONAL ANALYSIS	38
Butunbaeva T.A. A METAPHOR IN THE POETRY OF AZAM UKTAM AND MINKHOJIDDIN MIRZO	41
Гаджиева Т.И. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК КАК МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	43
Гордиенко Е.В. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕРМИНОГРАФИИ В ЦЕЛОМ И МЕДИЦИНЫ В ЧАСТИ	47
Смаглій В.М. МАРГІНАЛЬНА ЗОНА ВЕРБАЛІЗОВАНОГО КОНЦЕПТУ WORD	52
Ibragimov Yu.M. RESEARCH OF DIALECTAL KINSHIP TERMS IN UZBEK DIALECT IN THE REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN	55
Щербак Г.В. ОРГАНІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ ОЦІНКА У МЕЖАХ МЕДИЧНОГО ДИСКУРСУ	58

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Болсынбекова Г.

Қазақ инновациялық гуманитарлық
- заң университетінің докторанты
Семей қаласы, Қазақстан

БОЛАШАҚ МАМАННЫҢ ИННОВАЦИЯЛЫҚ ІС-ӘРЕКЕТТІ БАСҚАРУҒА ДАЯРЛЫҒЫН ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Аннотация. Қазақстан Республикасындағы білім беру жүйесін модернизациялау үдерісі білім мазмұны мен сапасын арттырып, білім берудегі ұлттық моделін жетілдіріп, инновациялық технологиялар жөнінде жаңаша педагогикалық көзқарас қалыптастыру сияқты кешенді шараларға қатысты. Кез-келген мемлекеттің экономикалық жетістігі, елдің білім жүйесі мен азаматтарының білім дәрежесіне байланысты. Себебі білім арқылы қоғамның интеллектуалдық капиталы мен инновациялық әлеуеті қалыптасады.

Аннотация. Модернизация системы образования в Республике Казахстан принимала участие в комплексных мероприятиях, таких как улучшение содержания и качества образования, совершенствование национальной модели образования и формирование нового педагогического подхода к инновационным технологиям. Экономический успех любой страны зависит от системы образования страны и уровня образования ее граждан. Потому что через интеллектуальное образование формируется интеллектуальный капитал и инновационный потенциал общества.

Annotation. Modernization of the education system in the Republic of Kazakhstan took part in complex activities, such as improving the content and quality of education, improving the national education model and forming a new pedagogical approach to innovative technologies. The economic success of any country depends on the country's education system and the level of education of its citizens. Because through intellectual education intellectual capital is formed and the innovative potential of society.

Түйін сөздер: білім, инновация, инновациялық іс-әрекет

Ключевые слова: знание, инновация, инновационные деятельность

Keywords: knowledge, innovation, innovative actions

Кіріспе. Қазір елімізде білім берудің жаңа жүйесі жасалып, әлемдік білім беру кеңістігіне енгуге бағыт алды. Ол оқу-тәрбие үрдісіндегі өзгерістерге байланысты болып жатыр. Өйткені, білім беру парадигмасы өзгеріп, білім берудің мазмұны жаңартылып, жаңа көзқарас, жаңа қарым-қатынас пайда болуда.

Қазақстан Республикасы «Білім туралы» Заңында «Білім беру жүйесінің басты міндеті-оқытудың жаңа технологияларын енгізу, білім беруді ақпараттандыру, халықаралық коммуникациялық желілерге шығу, ұлттық және жалпы адамзаттық құндылықтар, ғылым мен практика жетістіктері негізінде жеке адамды қалыптастыруға дамытуға және кәсіби шыңдауға бағытталған білім алу үшін қажетті жағдайлар жасау» деп атап көрсеткендей, қазіргі кезеңде әр ұстаздың алдына қойылып отырған басты міндеттердің бірі - инновациялық озық үлгідегі тәжірибелерді м еңгеру.

Ғылым мен техниканың дамыған, ақпараттық мәліметтер ағыны қатты күшейген заманда ақыл-ой мүмкіндігін қалыптастырып, адамның қабілеттері мен талантын дамыту білім беру мекемелерінің басты міндеті болып отыр. Ол бүгінгі білім беру кеңістігіндегі ауадай қажет жаңару оқытушының қажымас ізденімпаздығы мен шығармашылық жемістері арқылы келмек. Сондықтан да мемлекеттік білім стандарты деңгейінде оқу үрдісін ұйымдастыруда жаңа педагогикалық технологияны

енгізуді міндеттейді. Оқу-тәрбие үдерісінде жаңа педагогикалық технологияларды енгізудің алғы шарты оқытушылардың инновациялық іс-әрекетін қалыптастыру. Жаңа педагогикалық технологияны үйреніп, меңгерген әрбір оқытушы сабақ нәтижесінің жоғары деңгейге көтерілгенін көре алады.

Білім беру мазмұны ол тек қана белгілі білім мен іскерлік және дағдылар жиынтығын меңгеріп ғана қоймай, оны тұлға ретінде дамытып, тәжірибесіндегі қиындықтарды өз бетімен әрі тиімді шешуге, тұлға ретінде өз орнын әлеуметтік ортада анықтауға қабілетті болып, білім мен тәжірибе, іс-әрекет жасай алатындай қабілеттерінің жиынтығын меңгертуге бағыттау керек.

Мемлекетіміздің білім беру саласында бағыт белгіленіп, жүйеленді. Бұл ізгіліктілік, тұлғалық, тұлғалық-бағдарлы, іс-әрекеттік, құзыреттілік тұрғыдан білім беру. Ондағы мақсатымыз тұлғалық мүмкіндіктерді жүзеге асыру үшін барлық жағдайды тудыру. Әркім қайталанбайтын, ешкімге ұқсамайтын дара түрде қалыптасуы қажет. Сондықтан да ұйымдастыратын педагогикалық үдерістің негізгі міндеті-тұлғалық қасиеттері арқылы даралығын ашу, оның айқындалуы мен дамуына үлкен ықпал ететін, себепші күштерді ұйымдастырып, іске асыруда жетекші орын алуы тиісті. Педагогикалық үдерісте оқу-тәрбие жұмыстарын заман талабына сай ұйымдастырудың мәселелері педагогика ғылымының озық теориясы мен тәжірибесі жөніндегі ойлармен

тұжырымдалып, әр кезеңдегі заман талаптарына сай қарастырылып жатыр. Себебі білім беру парадигмасы өзгерді, білім берудің жаңа мазмұны жаңарып, жаңа көзқарас, жаңа қарым-қатынас пайда болды. Білім беру саласында барлық жағынан жаңа көзқарас, жаңа қарым-қатынас (білім мазмұнын жаңарту, жаңа базистік оқу жоспарын жетілдіру, жаңа оқулықтар мен оқу-әдістемелік кешендерге көшу, т.б.) жаңаша ойлау қалыптасуда. Қазіргі кезде оқыту үрдісінде жаңа педагогикалық технологиялар кеңінен енгізілуде. Қоғамда өз көзқарастарын қалыптастыра алатын, саналы ойлайтын, өзіндік пікірі бар, қоғамдағы болып жатқан неше түрлі қарама-қайшылықтарды түсіне білетін, еркін сөйлеп, өз пікірін ашық айтатын білімді ұрпақты тәрбиелеу қажет. Оқытушының әр сабағы, оның өзінің ізденіс нәтижесі арқасында туындаған шығармашылық жұмысы. Сондықтан әр сабақты білім алушының жадында қалатындай етіп, түрлендіргені дұрыс болады. Оқушыларымыз білім мен дарындылығы жағынан өзге елдегі өз замандастарынан кем болмауы керек. Өзекті мәселенің бірі ретінде-заман талабына сай білім беріп, өркениетті дамыған елдердің қатарына ену болып табылады.

Қазіргі ғылым мен техниканың дамыған заманында білім деңгейлерін тереңдетіп, ғылыми тұрғыда дамып, өз бетімен жұмыс істеуге дағдыланып, ойлау қабілетін дамытып, сөйлеу шеберліктерін арттырып, ақпараттық құралдарды іздестіріп және оны дұрыс пайдалана отырып, жаңа технология әдістерін тиімді пайдалану – кәсіби шеберліктің бірден бір белгісі болып табылады. Жан-жақты дамыған, шығармашылық қажеттілігі зор ұрпақ тәрбиелеу-жаңа педагогикалық технологияларды ұтымды пайдалану арқасында іске асады. Қазіргі жаһандану саясатына сәйкес жаңа технологияларды өз біліктілігіне қарай лайықтап пайдалануы қажет. Келер ұрпаққа қоғам талабына сай тәрбие мен білім беруде оқытушылардың инновациялық іс-әрекеттерінің ғылыми- педагогикалық негіздерін меңгеруі маңызды мәселелердің бірі.

Мақсаты және міндеттері. Жастарға білім мен тәрбие берудің негізі болып саналатын жалпы білім беретін мектептердің педагогикалық үрдісін жақсарту негізгі мәселе болса, бастауыш мектеп - оның, бастауыш білімнің мемлекеттік стандарты және оны мектеп тәжірибесіне енгізудегі маңызды орынды мұғалім қызметі алатыны белгілі. Бүгінгі студент - ол ертеңгі маман. Оқыту үрдісін басқарудың педагогикалық-психологиялық мәселелерін білуде педагог пен оқушының арасындағы қарым- қатынастарды жасау мұғалімінің теориялық білімінің болуын керек етеді. Соған байланысты, бастауыш оқыту педагогикасы мен әдістемесі бойынша жаңадан мазмұн және оны оқыту әдістемесін студентке үйретудің әр түрлі жолдарын қарастырылуда. Ғылыми-педагогикалық әдебиеттерді зерттеуде оқытушының инновациялық іс-әрекетіне байланысты мәселелер жан-жақты

қарастырылғанын байқауға болады. Жүйелері бағыттылық зерттеулерде инновациялық іс-әрекет креативті парадигманың жеке бас, регулятивтік-коммуникативтік және қорытынды жүйе бөлшегін талдауда анық қарастырылады.

Сұрақтың тарихы. Білім беру саласындағы қызметкерлердің алдына қойылған үлкен міндеттердің бірі – оқытудың әдіс тәсілдерін үнемі жетілдіріп, оны қазіргі заманға сай педагогикалық технологияларды меңгеру. Қазіргі кезде оқытушылар инновациялық және интерактивтік әдістемелерін сабақты беру кезінде пайдалана отырып, сабақты сапалы да қызықты өтуіне ықпал жасауда.

«Инновация» ұғымына ғалымдар әртүрлі анықтамалар береді. Мысалы, Э.Роджерс инновацияны былайша түсіндіреді: «Инновация-нақтылы бір адамға жаңа болып табылатын идея». Қазақстанда ең алғаш «инновация» ұғымына қазақ тілінде анықтама берген ғалым Н.Нұрахметов, ол мектеп жүйесін басқаруда көрініс табады деп қарастырып, өзінің жіктемесінде инновацияны, қайта жаңарту кеңістігін бірнеше түрге бөлді: жеке түрі (жеке – дара, бір-бірімен байланыспаған); модульдік түрі (жеке – дара кешені, бір-бірімен байланысқан); жүйелі түрі (мектепті толық қамтитын).

Соңғы жылдары елімізде «инновация» ұғымы кеңінен таралды. Инновациялық қозғалыстар білім беру жүйесінің жаңаруына көп үлес қосты. Инновация бірнеше мәселелер тоғысында пайда болады да, ауытқымай, жаңа мәселелерді шешіп, білім беру үрдісінің үнемі жаңартуға жетелейді.

Педагогикалық инновация-білім беру жүйесінің, оның бөлім компоненттерінің сипаттамасын жақсартатын және жаңалықтардан тұратын, мақсатты өзгерістер болып табылады. Қазіргі кездегі инновациялық білім беру - оқу мен әлеуметтік- тәрбиелік іс-әрекеттің үрдісі мен олардың нәтижесі, ол адамның және қоғамның іс-әрекетінің жаңа түрін жоспарлап, оны ынталандырады.

Мемлекеттік білім беру саласы қызметкерлерінің алдына қойылып отырған басты міндеттерінің бірі – оқытудың әдіс-тәсілдерін үнемі жетілдіріп, жаңа педагогикалық технологияны игеру. Ұрпаққа заман талабына сай тәрбие мен білім беруде инновациялық іс-әрекеттің ғылыми-педагогикалық негіздерін меңгеруі маңызды мәселенің бірі. Себебі жаңа педагогикалық технологияны меңгеруге, кәсіби білімін жетілдіруге дайындау аспектісінің бірі және педагогтың жеке тұлғасын қалыптастырудағы іс-әрекеттің нәтижесі болып табылады. Болашақ оқытушының инновациялық даярлығын қалыптастыруда ең алдымен инновациялық белсенділікті ескеру керек. Оған оның көзқарасы, жаңаны біліп, үйренсем, оны ары қарай қолданыста қолдансам т.с.с. жаңа әрекеттерін айтуға болады. Инновациялық іс-әрекет - қазіргі оқу орнының даму тәртібінің бір аспектісі. Инновациялық іс-әрекет әлеуметтік-экономикалық жағдай тудырған

басқа білім беру сфераларынан белгілі бір стандарттың межесінен ауытқу мен балама жүйе енгізу шараларын атқарады. Инновациялық іс-әрекет жаңалықтарды ойлап шығару, зерттеу, қолданысқа дайындау, іс жүзінде пайдалану сияқты үдерістермен сипатталады. Болашақ оқытушының инновациялық іс-әрекеті жалпы әрекеттің реттілігі және нақтылығымен сипатталады. Қазір оқу орындары өздері ұсынып отырған көп нұсқалыққа байланысты өздерінің қалауы бойынша кез-келген үлгіге сәйкес қызмет етуге мүмкіндік алды. Осы бағытта білім берудің әртүрлі нұсқадағы мазмұны мен құрылымы, ғылымға және тәжірибелерге негізделген жаңа идея мен технологиялар бар. Педагогтың инновациялық іс-әрекетке қатысуы оқытушының жаңалыққа деген көзқарасы, педагогикалық білімі мен біліктілік деңгейі, педагогикалық іс-тәжірибесі, теориялық педагогикалық деңгейлерімен сипатталады.

Сондықтан да әртүрлі оқыту технологиялары мен оқу мазмұны әр білім алушының жас және жеке дара психологиялық ерекшеліктеріне қарай таңдалып, тәжірибеде сынап қарау маңызды. Ғылыми-педагогикалық әдебиетте іс жүзінде анықталған оқыту үрдісінің нәтижелерін көрсетін әдіс-тәсілдер мен түрлері көбінесе жаңа, инновациялық болып табылады. Инновациялық үдерістерді енгізуде үш өзара байланысты күштер анықталады: енгізілген технологияның ерекшеліктері; жаңашылдардың инновациялық әлеуеті; жаңалықты ендіру жолдары.

Жаңа инновациялық оқыту технологиялары кәсіптік қызметтің ерекше түрі болып саналады. Инновациялық оқыту технологиясын меңгеру үшін педагогикалық мол тәжірибені жұмылдыру керек. Бұл өз қызметіне шығармашылықпен қарайтын, жеке басында белгілі іскерлік қасиеті бар адамды керек ететін жұмыс. Шынында да, әр педагог жаңа инновациялық технологиялары меңгеру барысында өзін-өзі дамытады да және өзін-өзі қалыптастырады. Соған байланысты педагогикалық технологияларды қолданып, жаңа білім мазмұнын, инновациялық әдіс-тәсілдерді, жаңа оқу жоспары мен оқу бағдарламаларын енгізудің тиімді құралы болып отыр. Педагогикалық технологияларды енгізуде оқытушының іс-әрекетінің маңызы өте зор. Қазіргі кездегі білім беру саласындағы оқытудың озық технологияларын меңгеру оқытушының интеллектуалдық, адамгершілік, рухани, кәсіби және де басқа көптеген адами келбетінің қалыптасуына игі әсерін тигізеді сондай-ақ өзін-өзі дамытып, оқу-тәрбие үдерістерін тиімді ұйымдастыруға көп көмегін тигізеді. Қазақстанда білім беру жүйесіндегі басқару мәселелері де ғалымдардың зерттеу нысанынан тыс қалмады. Оны республика ғалымдары бірнеше бағытта зерттеді. Жоғары оқу орындарында білім беру жүйесіндегі оқу үдерісін басқару Ш.Т.Таубаева, С.С.Хасенов, Е.Ш.Қозыбаев, жалпы орта білім беру жүйесіндегі мектепті басқару Н.А.Әбішев, К.Д.Қарақұлов, кәсіптік-техникалық білім

жүйесіндегі оқу үдерісін басқару Б.К.Момынбаев, К.Ө.Өстеміров, оқу-өндірістік комбинатты, жастарға еңбек және экономикалық білім беруді басқару Қ.Ж.Аганина, А.М.Мүсілімов, Г.Т.Хайруллин және т.б. ғалымдар өз еңбектерінде қарастырған.

Болашақ мамандарды даярлау, олардың кәсіби бейімделуін қалыптастыру мәселелері – қазіргі кезде кезек күттірмейтін өзекті қоғам талабының бірі. Сондықтан да болашақ педагог-психологтардың жаңа педагогикалық инновациялық технологияларды қолдануға даярлығын қалыптастырудың құрылымдық-мазмұндық моделі жасалды.

Болашақ маманның жаңа инновациялық педагогикалық технологияларды қолдануға даярлықты қалыптастыруда мынандай көрсеткіштерді қамти алады:

Мотивациялық өлшемдерге танымдық қызығуды қалыптастыру бейнесін жатқызып, оған болашақ маманды қалыптастырып, құндылық қарым-қатынас, болашақ маманның кәсіби шеберлігін арттыруға, болашақ мамандығын жақсы көруге, ұрпақ тәрбиесінде өзінің жетекші орнын сезініп, кәсіби біліктілік деңгейін көтеруге, инновациялық іс-әрекетке жақын болуын айтуға болады.

Мазмұндық өлшемдеріне болашақ маманның мәдениеттілігі мен әдіснамалық дайындықтарының деңгейі, мамандық бойынша алған білімі, педагогикалық білім жүйесі, педагогикалық үрдістің заңдылықтары, қозғаушы күштің теориялық білім негізімен қарулануын айтуға болады. Оған педагогикалық үрдістің теориялық негізі мен жеке тұлға теориясының ғылыми негізін меңгеруі, педагогикалық іс-әрекет теориясының негізін білуі, білім алушының барлық мүмкіндіктерін пайдалану кезінде инновациялық іс-әрекеттің көбінесе нәтижелі болатындығын сезіне алуын көрсетуге болады.

Бейімділік өлшемдеріне болашақ маманның барлық жағдайда да бейімделе алу қабілеттерін: бейімділік жағдаятына бағдарлануы, микроорта өзгерістеріне қарай ыңғайлы инновациялық педагогикалық технологияларды таңдауы. Бейімділік өлшемдері болашақ маманның білім алушы мәртебесінен оқытушы мәртебесіне ауысуының ерекшеліктерін сезіне отырып, бейімділік іс-әрекеттердің жаңаша әдіс-тәсілдерін жақсы жағынан тиімді пайдалана алатындығымен өзгешеленеді.

Танымдық өлшемдері болашақ маманның әлеуметтік кәсіби қоршаған ортаны тез арада тануы, кәсіби жүзеге асырудың нәтижелі де тиімді түрде әдіс-тәсілдерін пайдалануы, инновациялық педагогикалық технологияларға қызығушылық танытуымен ерекшеленіп көрінеді. Соған болашақ маманның әлеуметтік кәсіби қоршаған ортаны білуі, кәсіптік білімді өз тәжірибесінде кеңінен қолдануы, инновациялық педагогикалық технологияларды меңгеруі мен үйренулерін айтуға болады.

Іс-әрекеттік өлшемдері болашақ маманның кәсіби іс-әрекет мақсаттары мен міндеттерін анықтауы және педагогикалық қарым-қатынастық үрдісті тиімді жүзеге асыра алуы. Болашақ маманның пәнді жақсы меңгеріп, оқу-тәрбие үрдісінің психологиялық, педагогикалық негіздерін білуімен, қатар педагогикалық үрдісті жоспарлай алатын, жүзеге асыра алуымен анықталады.

Технология өлшемдері оқытудың әдістемелік мақсаттарын, оқыту үрдісін, оның міндеттерін анықтай алатын, оқытудың нәтижесін болжай алатын, сондай-ақ психологиялық-педагогикалық білімдерді меңгергендігімен көрінеді. Бұған болашақ маманның оқу- тәрбие үдерісінде сабақты тиімді ұйымдастыруы, жақсы қарым- қатынас жасай алуымен қатар, сабақ өткізу деңгейі жоғары болатындай, аса тиімді педагогикалық технологияның бірін тандап алуы керек.

Шығармашылық өлшемдеріне шығармашылық ептілік пен белсенділікті болашақ маманның шығармашылық-ізденушілік дамытуы жатады. Бұған болашақ маманның ғылыми – зерттеу жұмыстарға талдау жасауы, өз білімін әрі қарай жетілдіруге және инновациялық әдіс-тәсілдерді қолдануға ерекше жаңалықтар мен өзгерістер енгізуі, сонымен қатар сол жаңалықтарды шығармашылықпен қолданылуы жатады.

Әр педагогтің инновациялық іс-әрекеттерін қалыптастырудың педагогикалық шарттарына: инновация туралы білуі мен білімі; инновацияны жан-жақты меңгеруі; инновациялық іс-әрекеттерінің диагностикасын меңгеруі; инновацияны тәжірибеге енгізу жұмыстары; инновацияны тәжірибеде дұрыс қолдана білуін жатқызуға болады.

Білім беру ордаларында бүгінгі күнде белең алып отырған кемшіліктер баршылық, атап айтқанда: білім сапасының төмен болуы; білім саласына мемлекет тарапынан реформалар жүргізілсе де олардың мардымсыздығы; білім алушылардың өз бетінше білім алу дағдысының жоқтығы; білім алушылар мен оқытушылардың өзара бірлескен қызметті ұйымдастыруда жаңалық енгізудің шығармашылық еңбектерінің болмауы.

Бұл тығырықтан шығудың бір - ақ жолы, ол - оқу-тәрбие процесінде инновациялық әдіс-тәсілдерін ендіру, білім алушылардың білімге деген қызығушылығы мен талпынысын арттырып, өз бетімен ізденіп, шығармашылық еңбек жасауға үйрету. Инновациялық үдерістің негізі – жаңалықтарды қалыптастыру арқылы жүзеге асыратын тұтастық қызмет. Инновация білім алушылардың білім деңгейінің жоғарлауына көп әсер етеді. Инновациялық іс-әрекет біріншіден, жаңалықты тандап, оны іске асыру болса, екіншіден, сол жаңалықты жүзеге асыратын білікті мамандардың инновациялық даярлығын қажет етеді. Мамандардың инновациялық даярлығын қалыптастыру үшін келесі жағдайларды қарастыру керек: білім беру мекемелері басшыларының

инновацияны енгізудің құндылығын түсінуі; материалдық-техникалық базаны жақсартып, күшейтуі; әдістемелік жұмыстардың жасалуына жаңа бағыт беру, олардың шығармашылығын арттыруда ізденіс жұмыстарын жүргізу; шығармашылық мүмкіндіктерін барынша ашуға жол беру; жаңа идеясы бар шығармашылық қабілеті жоғары маманның көп болуы. Болашақ маманның инновациялық даярлығын қалыптастыру мәселесіне қатысты болашақ маманның кәсіби-педагогикалық іс- әрекеттің нобайын емес, оның озат педагогикалық тәжірибемен, білім беру саласындағы ұйымдастырушылық өзгерістері, ғылыми жетістіктері мен жаңалықтар жасауымен, оларды игеруде кезінде оқыту мен тәрбиелеуді тәжірибеде пайдалану арқылы байланысты үрдістерді – инновациялық үрдістерді жүзеге асырудағы тиімді ықпал ететін үлгісін айтады. Болашақ маманның кәсіби- педагогикалық инновациялық іс-әрекетін оның оқытумен, тәрбиелеумен байланысты инновациялық мәселелерді шешу ретінде қарастырып, берілген мәселелерді шешуге мүмкіндік беретін инновациялық іс-әрекеттің бағдарлаушы бөлігі болып табылатын білімдерді кәсіби-педагогикалық инновациялық білім деп, ал орындаушы бөлігі болып табылатын іскерліктерді кәсіби-педагогикалық инновациялық іскерліктер деп атаймыз. Болашақ маманның кәсіби- педагогикалық инновациялық іс-әрекетке даярлығының мазмұнын аталған білімдер мен іскерліктер құрайды. Сонымен, болашақ мұғалімнің кәсіби-педагогикалық инновациялық білімдері мен іскерліктерінің жүйесі кәсіби-педагогикалық инновациялық іс- әрекеттің моделі болып саналады.

Білім сапасын арттырудағы жаңа инновациялық технологияларды оқып, біліп, оны үйреніп, талдау жасай келіп, келесідей тұжырым жасауға болады:

– білім алушылардың білім мен біліктілік сапасын арттырудағы жаңа инновациялық технологияның көп түрлерінен тандап алып, одан пайда болатын нәтиже кәсіби біліктілікке тікелей байланысты;

– жаңа инновациялық технологияларды ендіру жүйемен және мақсатты түрде жүргізілсе, сонда ғана жетістіктерге жетуге болады;

– жаңа инновациялық оқыту технологияларын енгізу кезінде, оқу орнындарының материалдық- техникалық базасының қазіргі заманға лайықты еместігі, оның сондай-ақ жетіспеушілігі, кадрлық әлеуметтің төмендіктерінде көп кедергі келтіреді.

Қазір ұрпақтың саналы да сапалы білім алуының маңызды шартының бірі – оқу орындарында білім беру процесстеріне жаңа инновациялық технологияларды кіргізу анық екендігі белгілі. Сондықтан да ғылыми-техникалық прогресстен артта қалмай, жаңа педагогикалық инновацияларды нақтылы уақытында қабылдай отырып, оны жақсы етіп өңдеп және оны нәтижелі пайдалану – әрбір жаңашыл оқытушының негізгі

міндетінің бірі болып саналады. Оқу орындарында инновациялық басқару жүйесін ендіру арқылы оны ары қарай пайдалы түрде жүзеге асыру басты міндет деп санау керек. Болашақ жоғары кәсіби мамандардың кәсіби даярлығын жетілдіру жолдары А.В. Усова, И.Л. Беленок, Б.К. Момынбаев, М.А. Құдайқұлов, Ш.Т. Таубаева, А.Е. Әбілқасымова, А.Б. Абибуллаева, О.С. Сыздықов, А.Г. Қазмағамбетов, Б.Т. Кенжебеков, С.М. Кеңесбаев, Қ. Ералин, Б. Тойлыбаев, К.М. Беркімбаев, А.З. Тұрсынбаев және т.б. ғалымдардың еңбектерінде талданған. Қазіргі кезде педагогикалық инновацияның білім беру жүйесіндегі маңызды мәселелерінің бірі – жаңалықтарды топтастыру. Жаңадан ашылған әдісті жан-жақты түсіну үшін, жаңалықтың басқа жаңалықтардан ерекшелігін, айырмашылығын және артықшылығын көре білу керек. Ғалымдардың пікірінше, инновациялық процестердің маңызды міндеттерінің бірі жаңашыл педагогикалық идеяларды негіздеп, оларды тәжірибеде қолдану процесіне басшылық жасау болады.

Зерттеу әдістері. Бүгінгі күнде әр қоғам мамандарының өздерінің алдына қойған талаптарына сай «маман моделін» маман профессиограмасын жасау міндеті-жұртшылық назарларын өзіне аударуда. Бұл міндетті шешуде ғылыми зерттеулер жүргізіп жүрген ғалымдар, педагогтар мен психологтар бар, атап айтқанда Н.В. Кузьмина, Ф.Н. Гоноволлин, В.А. Слостеннин, А.И. Щербак, Н.А. Сорокин жатқызуға болады.

Болашақ маманның инновациялық іс-әрекеттерін төрт түрлі өлшеммен сипатталауға болады:

- инновациялық іс-әрекеттің керек екендігін сезуі;
- оқу үрдісіне жаңалық енгізуге шығармашылық пен қызмет жасауға даярлықтардың бар болуы;
- енгізілетін жаңалықтар бағытының дұрыстығы, тиімді нәтиже әкелетініне сенімді болуы;
- проблема шешуде қолданылатын инновациялық іс-әрекетті өзіне ғана қабылдап, оны енгізуі.

Инновациялық даярлықты жалпы кәсіби — педагогикалық даярлықтың негізгі және сондай-ақ маңызды саласы екендігі белгілі. Инновациялық даярлық деген ұғымды қалай түсіну қажет? Бұл өте күрделі ұғым. Оқытушылардың инновациялық даярлығына оқыту үдерісінің теориясы және тәжірибесі, оның мүмкіндіктерін жатқызуға болады. Нақтырақ айтқанда, оқытудың мақсаттары мен мазмұнын, оны ұйымдастырудағы қолданылатын тиімді әдіс-тәсілдерін жете білу, оларды іске асырудағы жолдарын меңгеруді — инновациялық даярлықты анықтайтын белгілері деп айтуға болады. Осыған орай, педагогикалық қызметті атқаратын қажет адамның бойында дидактикалық қабілеттер болу керек: оқыту процесін жоспарлай білу, мақсатты түрде ұйымдастыра алу, жүйелі түрде бақылау және

бағалау ісін орындап отыруы. Оқытушылардың инновациялық іс-әрекетке даярлығын қалыптастыру үлгісін құру үшін білім берудің жаңа парадигмасы мен білім берудегі инновациялық үдерістердің тенденциясын ескеру керек.

Қазір уақыт талабына сай әр түрлі әдістер мен ізденістерді, жаңа идеяларды жан – жақты қолданып, жаңаша оқытудың тиімді жолдарын тауып, оны күнделікті іс - әрекетінде жүйелі түрде қалыптастыру керек. Сонымен қатар, белсенділік пен жеке – дара жұмыс істеуін ынталандыру, жеке көзқарастың қалыптасуы, дамуы, оқу еңбегінің нәтижесінің тиімді болуын талап етеді. Яғни, әр адамның жас ерекшеліктерін ескере отырып, оның қабілетін анықтау, өздік танымдық іс - әрекетіне бағыт беру, оның субъектілік қызметін жетілдіріп, соған негіздеп оқыту - бүгінгі күннің өзекті мәселесінің бірі. Бүгінгі күнде елімізде бүкіл дүниежүзілік білім беру кеңестігіне кіру мақсатында білімнің жаңа жүйесі құрылуын ескерсек, айтылып жатқан мәселелердің өзектілігі нақтылана түседі. Сондықтан оқу – тәрбие үрдісіндегі негізгі мақсат – білім сапасы мен оның тиімділігін қалыптастыра отырып, әр жеке тұлғаның білімді меңгеруіне, есте сақтау дағдының қалыптасуына, өз бетімен жетілуіне, дамуына үлкен жауапкершілікпен қарау. Оқытушы жаңа педагогикалық технологияның, теория мен концепцияның авторы, талдау жасаушысы, зерттеушісі, тұтынушысы және насихатшысы қызметін атқарады. Осы процесті басқару оның өз қызметінде тәжірибесі немесе жаңа идеялар, мен әдістемелерді дұрыс тандау жасауы, бағалауы мен қолдануын қамтамасыз етеді. Қазіргі кезеңде педагогика ғылымының бір ерекшелігі – тұлғалық дамуына бағытталған оқыту технологияларын шығаруға алға қарай ұмтылуы. Ал, мұның өзі мамандар қауымына зор жауапкершілікпен қатар үлкен міндет артады. Мұндай міндеттерді шешуде олар ғылым негіздерін, олардың болашақ іс-әрекеттердің берік негізі әрі тірегі болатындай етіп оқытуды, оқу-тәрбие үрдісін, білім мазмұнын жанартумен бірге, сондай-ақ, оқытудың әртүрлі әдіс-тәсілдері мен әр алуан құралдарды қолдануының тиімділігін арттырумен, оқытудың инновациялық технологиясын меңгеруімен, педагогикалық жаңалықтарды тәжірибеге енгізуді талап етеді.

Қорыта айтқанда, жаңа инновациялық педагогикалық технологиялардың басты, негізгі міндеттері:

- әр білім алушының білім алуы, дамуы, басқа да іс-әрекеттерін мақсатты түрде ұйымдастыра білуі;
- білім мен біліктілікке сәйкес келетін бағдарды тандап алатын дәрежеде тәрбиелеуі;
- өз бетімен жұмыс істеу дағдыларын қалыптастыруы, дамытуы;
- аналитикалық ойлау қабілетінің дамуы.

Қорытынды. Қазір білім беру саласында оқытудың жаңа педагогикалық технологияларын

меңгермегенше, білімді де білікті маман болу мүмкін емес.

Қазіргі нарықтық экономикасының сұраныстарын қанағаттандыратындай және экономиканың, өндіріс салаларының дамуына сәйкес білімді жастарды құзыретті тұлға ретінде қалыптастыру үшін оқытушылар оқытудың жаңа технологияларын пайдалана отырып, оны одан әрі де заман талабына сай жетілдіріп отыруы керек. Қазіргі кезде жоғары оқу орындарының ең бір басты міндеттерінің бірі білімді, кәсіби білікті де құзыретті мамандар даярлау болып табылады.

Білімді да білікті мамандар әрқашан өзгеріп отыратын әлеуметтік –экономикалық үдерістерді талдай білуге, нарықтың бәсекеге қатыса алатын да оған сай шешімдер қабылдап, жүзеге асыра білуге дайын болуы тиіс.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Қазақстан Республикасында 2020 жылға дейінгі білім беруді дамытудың Мемлекеттік бағдарламасы. -Астана, 2010.
2. Жүнісбек Ә. Жаңа технология негізі – сапалы білім. – //Қазақстан мектебі, №4, 2014
3. Камзина Б.М. Жаңа инновациялық технологияларды оқу-тәрбие үрдісіне енгізудің педагогикалық шарттары // Валеология. № 3.– 2006.
4. Қабдықайыров Қ. Инновациялық технологияларды диагностикалау. – А., 2004
5. Көшімбетова С. Инновациялық технологияны білім сапасын көтеруде пайдалану мүмкіндіктері. – Алматы: Білім, 2008.
6. Құрманалина Ш.Х., Мұқанова Б.Ж. және т.б. Педагогика: Оқулық. Астана: Фолиант, 2007
7. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. - Москва, 2002.
8. Роджерс Э. Инновация туралы түсінік. – //Қазақстан мектебі, №4, 2006.
9. Сенкибаева А.Т. Мұғалімнің кәсіби құзырлығын дамыту. //Білім берудегі менеджмент, №4.2009

Русс.:

1. Развитие образования в Республике Казахстан до 2020 года Государственная программа. -Астана, 2010.

2. Жунисбек А. Основой новой технологии является качественное образование. - // Казахстанская школа, №4, 2014

3. Камзина Б.М. Педагогические условия внедрения новых инновационных технологий в учебный процесс // Валет. - 2006. - № 3.

4. Кабдықайыров К. Диагностика инновационных технологий. - А., 2004

5. Кошимбетова С. Возможности использования инновационных технологий в повышении качества образования. - Алматы: Образование, 2008.

6. Курманалина Ш.Х., Муканова Б.Ж. и так далее. Педагогика: Учебник. Астана: Фолиант, 2007

7. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: открытие, развитие и реализация. - Москва, 2002.

8. Роджерс Э. Концепция инноваций. - // Казахстанская школа, №4, 2006.

9. Сенкибаева А.Т. Развитие профессиональной компетентности учителя // Менеджмент в образовании, №4.2009

Англ.:

1. Development of education in the Republic of Kazakhstan till 2020 State program. -Astana, 2010.

2. Zhunisbek A. The basis of the new technology is quality education. - // Kazakhstan School, №4, 2014

3. Камзина Б.М. Pedagogical conditions of introduction of new innovative technologies in educational process // Valet. - 2006. - № 3.

4. Kabdykayrov K. Diagnostics of innovative technologies. - А., 2004

5. Koshimbetova S. Opportunities for using innovative technology in improving the quality of education. - Almaty: Education, 2008.

6. Kurmanalina Sh.Kh., Mukanova B.Zh. and so on. Pedagogy: Textbook. Astana: Foliant, 2007

7. Raven J. Competence in the modern society: the discovery, development and realization. - Moscow, 2002.

8. Rogers E. The concept of innovation. - // Kazakhstan School, №4, 2006.

9. Senkibaeva A.T. Development of teacher professional competence // Management in education, №4.2009

Vodko V.I.

*Odessa I.I. Mechnikov National University,
the faculty of history and philosophy,
the Department of The World History,
(Ukraine, Odessa, Dvorianska street, 2)*

HERETICAL MOVEMENTS AND SECTS IN THE SYRIAN SPEAKING PROVINCES OF ROME IN THE FIRST HALF OF THE 5TH CENTURY

Водько Владислав Игоревич

*Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова
Факультет истории и философии,
Кафедра Всемирной истории.
(Украина, г. Одесса, ул. Дворянская 2)*

ЕРЕТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И СЕКТЫ В СИРОЯЗЫЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ РИМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V В.

Summary. This article discusses the first half of the V- th century existing in Syria heretical and sectarian movements. The heresies of late antiquity are an important indicator of religious and social contradictions in various regions of the empire. The author attempts to identify the specifics of heresies common in the Syrian provinces of the Roman state. There is analyze of the nature of the sources created mainly by fighters against heresies from the orthodox line. The research finds out the reason for appearance of heretical and sects movements in the region, the nature of their prevalence, as well as the essence of religious and social doctrines. A classification option for heresies in Syria is proposed. The nature of the struggle against them by the state religion is analyzed. An attempt is also being made to establish the characteristics of the heresy charges as a tool in the ideological and political struggle of the period under consideration.

Аннотация. В данной статье рассматриваются еретические и сектантские движения существующие на территории Римской Сирии в первой половине V в. Ереси поздней античности являются важным индикатором религиозных и социальных противоречий в различных регионах империи. Автором делается попытка выявить специфику ересей, распространённых на территории сирийских провинций Римского государства. В работе анализируется характер источников, созданных преимущественно борцами против ересей со стороны ортодоксальной линии. Выясняется причина их появления в регионе рассматриваемых еретических и сектантских движений, характер распространенности, а также сущность их религиозных и социальных доктрин. Предлагается вариант классификации ересей в Сирии. Анализируется характер борьбы с ними со стороны государственной религии. Также делается попытка установить особенности обвинений в ереси, как инструмента в идейно-политической борьбе рассматриваемого периода.

Key words: *ancient Syria, heresies, Christianity, Maruthas of Martyropolis, Theodoret of Cyrus*

Ключевые слова: *античная Сирия, ереси, христианство, Маруф Майферкатский, Феодорит Киррский.*

Постановка проблемы. Христианство появилось на территории исторической Сирии сравнительно рано. Длительный период отсутствия там единой церковной структуры породил множество вариантов трактовки христианского учения, а также множество христианских сект, движимых теми или иными религиозными и социально-политическими мотивами. Для обозначения христианских учений и доктрин, отличных от линии официальной церкви, которая называла себя ортодоксальной, в данной статье мы будем использовать понятие «ересь», не вкладывая в него смыслового оттенка осуждения.

Еретические движения эпохи поздней античности являются важным индикатором общественно-политических и религиозных настроений в различных частях христианского мира того периода. Ереси часто становились

формами скрытого социального протеста, а также интересными попытками найти ответы на те богословские, философские и нравственные вопросы, на которые у официальной церкви не было ответов, способных удовлетворить вопрошающих или же таковые ответы рассматривались ими как не соответствующие учению Священного Писания или духу христианской традиции. Таким образом, еретические движения и секты поздней античности создавали некую альтернативу богословской и социальной доктрине ортодоксального христианства.

Их исследование составляет значительную трудность, поскольку основными источниками информации обычно становятся сохранившиеся труды их оппонентов - полемистов официальной церкви, в которых за резкими инвективами трудно,

а порой невозможно увидеть суть и логику опровергаемого ими учения. Также сложно найти ответные аргументы обвиняемой стороны, причиной чему служила либо политика по уничтожению еретических текстов, которая при поддержке светских властей проводилась официальной церковью, либо отсутствие таковых текстов в силу сектантского духа многих еретических движений, которые не считали необходимым объяснять свою позицию широким слоям населения из априори враждебного и погрязшего во зле, с их точки зрения, мира.

Отдельной интересной проблемой является выяснение региональной специфики еретических и сектантских движений, в частности, ересей в Римской Сирии. Это позволяет лучше рассмотреть влияние соседствующих с христианством религий, особенности языческих пережитков, а также характер влияния ряда других факторов на религиозную жизнь конкретного региона.

Анализ последних исследований и публикаций. По рассматриваемой проблеме следует выделить работы Дельберка (Н. Declerck), [6] Нины Пигулевской[2] и Антона Карташева[9].

Цель статьи: выяснить характер и специфику ересей, распространённых в Римской Сирии в первой половине V в.

Изложение основного материала. Основным источником для изучения еретических и сектантских движений, распространённых в сироязычных провинциях Рима первой половины V – го века, является «Краткий каталог ересей Маруфа, епископа Майферкатского» [1] – редкий случай, когда до нас доходит перечень ересей, распространённых в конкретном регионе. Данный автор занимал кафедру древнего армянского города Майферкат, он же Мартирополь, который также был одним из центров сирийской общины в регионе. Маруф был довольно образованным человеком для своего времени, писал на греческом и сирийском языках, вероятно, владел также армянским и фарси. Во времена благоприятного для христиан правления Йездигерда I (399-420) Маруф совершал христианскую миссию в Персии. Заручившись расположением шахиншаха, он также активно занимался улучшением организации христианской церкви в Персии, приобщением ее богословия и религиозной практики к ортодоксальной линии римского христианства. В частности, в 410 г. под началом Маруфа был созван собор в Ктисефоне, где персидские христиане приняли основные богословские положения первых двух вселенских соборов. Акты этого собора, как и большинство составленных Маруфом текстов, были написаны на сирийском языке. Следует обратить внимание, что в целом христианство в Персии исповедовали в основном сирийцы, которые занимали нишу торговцев и ремесленников и для которых христианская церковь была еще и некоторым объединяющим началом, помогающем консолидироваться и лучше сохранять этническую и религиозную

идентичность. По этой причине под постановлениями церковных собраний свои подписи ставили также главы городских ремесленных организаций, подчеркивая таким образом обязательность данных постановлений [2, с.197]. Маруф также написал ряд работ, важных для христианства на Ближнем Востоке, среди которых: «История мучеников Персидских» и «Литургия Маруфа». При жизни он обладал значительным авторитетом и известностью не только на Востоке, но и в столице, о чем свидетельствует глава о миссионерской деятельности Маруфа в «Церковной истории» Сократа Схоластика [3, с. 272].

В Каталоге Маруфа описывается всего 13 ересей. Характеристика, которую он давал ересям гораздо менее детальная, чем та, что дается в аналогичной работе его современника Епифания Кипрского «Панарион». Последний дал характеристику 80 ересям, многие из которых также связаны с регионом проживания сирийцев. Миссионер Маруф по большей части описывает те ереси, с которыми сам сталкивался. Однако сведения Епифаний обычно гораздо полнее. Если у Маруфа это действительно каталог, с кратким описанием, то текст Епифания содержит явные элементы полемики и попытку опровержения описываемых ересей. Кроме указанных каталогов ересей, мы использовали сведения других авторов конца IV – первой половины V в.: Иоанна Златоуста, Феодорита Кирского и других.

Среди ересей, присутствующих в Сирии V-го века, о которых говорится в каталоге, были как широко распространённые по всей империи (ариане, манихеи), так и специфические для ближневосточного региона (саббатриане, тимофеаниты).

В целом нам кажется целесообразным, опираясь на текст Каталога выделить пять типов ересей и альтернативных ортодоксальной линии христианских религиозных движений, взяв в качестве критерия основной мотив их возникновения:

- 1) ереси, возникшие под влиянием иудаизма
- 2) дуалистические ереси, испытавшие влияние зороастризма и других восточных культов.
- 3) рационалистические ереси, которые пытались под влиянием идея античной философии сделать христианское учение более логичным и рациональным.
- 4) гностические секты.
- 5) ереси и движения, в которых социальный протест против существующей несправедливости является основным мотивом.

Среди первых следует выделить саббатриан (сир: «schabtäye») и кукиан, которые возникли, вероятно, под влиянием иудаизма, имевшего в Сирии достаточно широкое распространение благодаря живущим там иудейским общинам. Саббатриане особенно почитали субботу, (отсюда название) и, в целом признавая Новый Завет, так как «новое не противоречит старому», они тем не менее вместо Евангелий на богослужении читали

«Деяния Моисея» [1, S. 7]. Кукиане, подобно иудейской секте самаритян, не верили в воскресение мертвых. По словам Маруфа, в случае смерти кого-то из близких родственников, adeptы секты находили других людей, которые за деньги погребали тела их родственников [1, s. 10].

Религиозным движением, истоки которого современники справедливо видели во влиянии иудаизма, [4, ч. 3, с. 225] но которое, с другой стороны, стало в очень незначительной степени попыткой рационального переосмысления христианства, была ересь Павла Самосатского. Отсылки к ней были очень важны для богословских дискуссий V-го века. Бытовало мнение, что она лежала в основе арианства, а впоследствии и несторианства [5, p. 853]. Ее основатель с 260 по 261 гг. занимал епископскую кафедру г. Антиохии. Павел отрицал божественную сущность Христа и различие Лиц Отца, Сына и Святого Духа, считая, что есть только одно божественное Лицо (Ипостась). Он считал, что Бог-Слово или Логос является лишь силой Божией, и Иисус Христос был по природе лишь человеком, на которого позже сошел Бог-Слово [1, s. 9].

Павел стал епископом Антиохии в 260 г. В это время Римская империя переживала кризис третьего века, а Сирия оказалась под властью Пальмирского царства. Павел, происходя из очень бедных слоев населения, получил значительное богатство и власть благодаря тому, что был лоялен новой власти. В историографии сложилось справедливое, с нашей точки зрения, представление о Павле, как о сирийском традиционалисте и противнике всего эллинского, [6, p. 117] который последовательно проводил политику насаждения семитского и восточного в церковной сфере. В Антиохии Павел, кроме епископской кафедры, занимал еще должность дукенария, что позволяло ему жить весьма роскошно. Павел был смещен с кафедры на соборе 264 г., однако впоследствии, пользуясь поддержкой пальмирских властей, смог легко вернуться к епископству. Окончательно Павла отстранили в 272 г., когда Сирия вновь оказалась под властью Рима и император Аврелиан сместил его по просьбе местной христианской общины [7, с. 326]. Ситуация с Павлом Самосатским стала примером того, как богословские различия с римской церковью тесно переплетались с сепаратистскими устремлениями части сирийской светской и церковной элиты.

Другой уже вполне рационализаторской ересью общеимперского масштаба стали ариане. В полемических текстах представителей антиохийской школы богословия это течение чаще всего представлено его крайней версией, которая получила название аномеев. По-гречески оно значит «нечестивые», «неверные», «беззаконные», что имело явный pejоративный оттенок. Иоанн Златоуст в проповеди «Против аномеев» в привычной ему риторической манере говорит, что если они негодуют, получая такое название, то пусть они избегают нечестивых с точки зрения

Златоуста дел, и тогда он не будет употреблять этого названия [8, С. 492]. Тем не менее, сохранившиеся сведения об учении аномеев говорят нам о попытке adeptов этого учения переосмыслить христианство с более рациональных позиций. Начало движения аномеев принято вести от некоего Аэция. Этот богослов происходил из Келе-Сирии, получил медицинское и философское образование, однако большую часть жизни странствовал. Находясь в Александрии, он сошелся с Евномием, [9, с. 60] вместе с которым и была разработана богословская система аномеев, отличающаяся сильной степенью рационализации. Аэций верил в возможность постижения Бога, Епифаний Кипрский указывает на популярное среди его последователей высказывание Аэция: «я так отлично знаю Бога и так разумею Его, что столько не знаю себя, сколько знаю Бога» [4, ч. 3, с. 52]. Аэций и его последователи не признавали Христа Богом. Также Епифаний подчеркивает, что у них отсутствовала этическая система. Все что нужно было делать с их точки зрения, - это познать Божественную природу. Приверженцы данного учения старались доказывать свои взгляды при помощи «Аристотелевских и геометрических силлогизмов». [4, ч. 3, с. 76] Разумеется, против такого крайнего течения рационализма в христианстве, которое в богословском плане посягало на основы вероучения, выступали именитые проповедники. Так, антиохийский пресвитер Иоанн Златоуст в проповеди «Против аномеев», приводя довольно незначительное число богословских аргументов, гораздо чаще апеллирует к их безнравственности. [8, с. 494]. С точки зрения проповедника ортодоксального христианства, неправильный образ жизни, дискредитировал их идеи среди верующих в гораздо большей степени чем богословская критика.

Часто в текстах сирийских полемистов можно встретить упоминание ариан, но без названия самого движения. Видимо, таким образом противники арианства не хотели придавать ему большей известности, полагая, что образованный читатель и так поймет, о чем речь, а не знакомому с конкретной ересью лучше о ней ни знать ничего, чтобы его душа не совратилась в ненужную сторону. Так, Феодорит Кирский, описывая житие подвижника Иулиана, приводит случай, как к тому обратились жители города Кир, с тем чтобы обличить некоего Астерия, «воспитанного в софистическом лжеумудрии». Последний, «прикрывая ложь красноречием, как приманкой, и расставляя сплетение силлогизмов, словно сети, обольстил многих из людей простых». [10, с. 164]. Очевидно, речь идет о рационалистическом арианстве. Кроме того, именно на арианство указывает статус Астерия, который получил в «еретической церкви» епископский сан. Очевидно, ни у кого, кроме ортодоксального христианства и ариан, в то время не было достаточно развитой иерархической структуры церкви, и соответственно, ни в какой иной, кроме арианства,

ереси нельзя было стать епископом.

Критикуя гностическую секту барборитов (от др. гр. βόρβορος - грязь, нечистоты), полемисты, так же, как и в случае с аномеями, часто апеллировали к нравственной составляющей их жизни. Маруф отказывается о них сообщать что-либо под предлогом «их безнравственности и великого блудодейства, [из-за их] отвратительных дел] и злодеяний, потому что они проливали кровь [детей] на колдовство» [1, s. 10]. Собственно, самоназвание происходит от Варвело (или Барбело) – одного из главных эонов гностической космологии барборитов. [4 ч. 1, с. 156]. Это учение получило множество версий, и в полемической литературе V в. часто барборитами называют гностиков в целом.

Гностическим и одновременно дуалистическим учением было маркионитство. Эта одна из древнейших раннехристианских сект, которая во втором веке распалась на две части: египетскую и ближневосточную. Во главе второй стоял Татиан Сириец. Представители этого движения проповедовали строгий аскетизм и безбрачие. Епифаний сообщает что маркионитами признавалось три божества: Бог- Начало, (невидимый), Бог- Демург и Дьявол. Дьявол - это некая середина между невидимым Богом –Началом и Богом –Демургом. [4, ч. 3 с. 130]. Сведения Маруфа по этому поводу несколько отличаются. По его словам, сирийские маркиониты признавали трех богов: Доброго, Справедливого и Злого. [1, s. 8]. Вероятно, то, что описывает Маруф, было местной сирийской трансформацией учения маркионитов, следствием упрощения первоначальной богословской системы, а также влияния зороастризма, который четко противопоставляет доброе и злое божество.

В «Истории боголюбцев» Феодорит Кирский описывает собственное противостояние с маркионитами, которых, по его свидетельству, было довольно много в области вверенного ему города Кира. Представители этой секты, по его словам, компактно проживали в отдельных селениях. Указанное обстоятельство очень затрудняло возможность их обращения в ортодоксальное христианство по одному путем личного убеждения [10, с. 164]. Тем не менее, Феодорит фиксирует, что в его епископство по меньшей мере несколько маркионитских селений (одно даже названо: Тиллим) были обращены в ортодоксию [10, с. 254].

Рассмотрим и другие дуалистические ереси. Их распространенность в Сирии было естественным образом обусловлена соседством с Персией, основной религией которой был дуалистичный зороастризм.

Самой известной из ересей данного типа в тот период является манихейство. Произойдя от учения некоего перса Мани, манихейство (от сирийского *Mānī haūwā'* – Мани - живой) довольно сильно распространилось по территории Римской империи. Тем не менее, в манихействе осталось много черт религиозных культов Ближнего Востока: почитание небесных светил, вера в

астрологию [1, s. 9]. В свое время к манихеям принадлежал впоследствии полемизировавший с ним блаженный Августин, а на Востоке против манихеев боролись Ефрем Сирин, [11, р. 190] Епифаний Кипрский и Иоанн Златоуст [8, с. 588]. Тем не менее, основным центром манихейства оставался Ближний Восток, где на сирийском языке был составлен ключевой текст этого религиозного движения - «Евангелие Ману».

Ересь дайзанитов, о которой кроме сведений из каталога Маруфа больше ничего неизвестно, также возникла под влиянием персидской религии. С позиций дуалистичного богословия дайзанитов, доброе и злое божество равнозначно участвовали в процессе сотворения мира. Представители этого религиозного движения отрицали свободу воли. Дайзаниты, так же, как зороастрицы и манихеи, почитали небесные светила, выделяя счастливые и несчастные созвездия. В их общинах было принято носить белые одежды, чтобы этим подчеркивать свою принадлежность стороне Добра [1, s. 11].

Другой ересью, сведений о которой нет нигде, кроме каталога Маруфа, является ересь, названная нами «плакальщики». Ее представители считали, что люди и Троица состоят в единстве друг с другом и для подчеркивания этой связи необходимо постоянно находиться в душевном сокрушении и желательно плакать. Тех адептов, кого видели смеющимися, по словам Маруфа, изгоняли из секты [1, s. 9].

Интересной ересью, упоминаний о которой также нет нигде, кроме каталога Маруфа, является движение тимофеанитов, в котором проявляются черты социального протеста. Для того, чтобы стать членом их общины, нужно было отдать ей свое имущество [1, s. 12]. В других движениях социальный протест выражается по больше части в бегстве от официальной церкви и от светского мира. Однако, кроме тимофеанитов, ни у кого попытки изменения устройства даже собственной общины не встречается.

Выводы. Итак, мы видим, что собранный Маруфом перечень ересей, распространенных в Сирии первой половины V в., в значительной степени отображает специфику региона, в котором ощущалось сильное влияние как персидского дуализма, радикального иудейского единобожия, так и общеимперских тенденций попытки рационального осмысления христианства. Религиозные движения, возникшие в самой Сирии, также имели большой резонанс в империи. Отсюда произошли учение Павла Самосатского, на сирийском языке было составлено «Евангелие Мани», ставшее главной книгой манихейства, в Кили – Сирии - родился вдохновитель аномеев Азий. Совершенно не удивительно, что в той же Сирии возникло и множество ярких полемистов, стремящихся доказывать правоту ортодоксальной линии. Во многом именно благодаря им мы и знаем об учениях, бывших предметами их критики.

Рассмотрение ересей имеет большое значение

для исследования религиозной жизни Римской Сирии как в силу их влияния на мировоззрение широких народных массы, так и для понимания полемики между клириками официальной церкви, которые, критикуя своих оппонентов использовали обвинения в симпатиях или даже принадлежности к той или иной ереси. Так, в 30-е г V в. Нестория обвиняли в приверженности идеям Павла Самосатского, [5, р. 851] а Кирилла Александрийского - в апполинаризме [12, с. 346].

В тоже время, пятый век стал также временем заката многих раннехристианских сект. Причиной тому в первую очередь послужило активное формирование доктрины ортодоксальной церкви, которая получив поддержку государства, стала притеснять инакомыслие, хотя бы формально универсализируя религиозные представления подданных императора.

Список источников и литературы:

1. Der Ketzer-Katalog des Bischofs Maruta von Maipherkat//Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Altchristlichen Literatur, Leipzig: J. C. HINRICHS'sche BÜCHHANDLUNG, 1899(1): 1- 17.
2. Пигулевская Н. Культура сирийцев в Средние века. М: Наука, 1979. [Pigulevskaja N. Culture of Syrians in the Middle Age. Moscow: Nayka, 1979. (In Russ).]
3. Сократ Схоластик. Церковная история. М: РОСПЭН, 1996. [Socrates of Constantinople Historia Ecclesiastica. Moscow: ROSPAN, 1996. (In Russ).]
4. Епифаний Кипрский. Творения Ч.1-3. М: Типография В. Готье, 1863-1872. [Epiphanius of Salamis, Works, parts 1-3, Moscow: Tipografija V. Got'e, 1863-1872. (In Russ).]
5. Epistola I, Ex libellis porrectis a presbyteris et diaconis, qui transmissi sunt ab episcopis et clericis et monachis, et caeteris Magnae Armeniae et Persidiis et aliis gentibus. Proclo santissimo episcopo Constantinopolitane civitatis// Magna Patrologiae cursus completus, seriae Graeca. Excudebatur et venit apud J.-P. Migne , editorem , in via dicta seu Petit - montrouge, nunc vero intra moenia Parisina, 1864(65): 851-856.
6. Н. Declerck. Deux nouveaux fragments attribués à Paul de Samosate José. Byzantion, 1984(54): 116—140.
7. Евсевий Кесарийский. Церковная история. СПб: Амфора, 2007. [Eusebius of Caesarea, Historia Ecclesiastica. Sankt-Petersburg: Amphora, 2007. (In Russ).]
8. Иоанн Златоуст. Против аномеев// Творения Св. Иоанна Златоустаго. СПб: Издание СПб духовной семинарии, 1901. Т 1 С. 483- 604. [John Chrysostom Adverse anomeus. Works of Saint John Chrysostom. Sankt-Petersburg: Izdanie SPb duhovnoj seminarii, 1901,(1): 483- 604. (In Russ).]
9. Карташев А. История Вселенских соборов. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2008. [Kartashev A. The History of Ecumenical Councils. Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo Jekzarhata, 2008. (In Russ).]
10. Феодорит Киррский История Боголюбцев. Паломник, 1996. [Theodoret of Cyrus. Religious History. Moscow: Palomnik, 1996. (In Russ).]
11. Against Mani//S. Ephraim's Prose Refutations of Mani, Marcion and Bardaisan. Transcribed from the Palimpsest B.M. Add. 14623 by the late C. W. MITCHELL, M.A., C.F. 1921 P. 190-228.
12. Донесение Иоанна, архиепископа антиохийского, и бывших с ним, императору, посланное, с сановником Палладием// Деяния Вселенских Соборов, 1910, Том 1. С. 346-348. [A report from John, Archbishop of Antioch, and those who were with him, to the emperor, sent, with the dignitary Palladium//The Acts of Ecumenical Councils, 1910;(1): 346-348. (In Russ).]

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гребнева Валентина Викторовна

кандидат психологических наук, доцент,
декан факультета психологии НИУ «БелГУ»

Гребнев Андрей Вилоревич

Врач анестезиолог-реаниматолог
отделения анестезиологии-реанимации №1

ОГБУЗ «Белгородская областная клиническая больница Святителя Иоасафа»

РОЛЬ ТЕЛЕСНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ И ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ВРАЧЕЙ

Grebneva Valentina Viktorovna

candidate of psychological Sciences, associate Professor,
Dean of the faculty of psychology of NRU "BelSU"

Grebnev, Andrey Vilenovich

A physician anesthesiologist-resuscitator
Department of anesthesiology-intensive care #1

Of RSBEPH "Belgorod regional clinical hospital Svyatitelya ioasafa"

THE ROLE OF PHYSICALITY IN THE FORMATION AND PREVENTION OF PROFESSIONAL MALADJUSTMENT OF DOCTORS

Аннотация. В статье рассматривается феномен телесности как ведущий фактор формирования и профилактики психосоматических нарушений в процессе профессиональной деятельности врачей. Предлагается методика медико-психологического скрининга данного феномена. Представлены авторские методики диагностики состояний телесности и профилактики симптомов профессиональной дезадаптации врачей. Приведены результаты эмпирического исследования, свидетельствующие о значимой роли состояний телесности в формировании симптомов профессиональной дезадаптации врачей с разным стажем профессиональной деятельности.

Annotation. The article considers the phenomenon of corporeality as a leading factor in the formation and prevention of psychosomatic disorders in the professional activity of doctors. The method of medical and psychological screening of this phenomenon is proposed. The author's methods of diagnostics of bodily States and prevention of symptoms of professional maladjustment of doctors are presented. The results of an empirical study showing the significant role of bodily States in the formation of symptoms of professional maladjustment of doctors with different professional experience are presented.

Ключевые слова. Телесность, соматическая дезадаптация, психологическая дезадаптация, системы телесности, вербальные метафоры телесности.

Keyword. Corporeality, somatic maladaptation, psychological maladaptation, systems of corporeality, verbal metaphors of corporeality.

Введение (Introduction). Актуальность изучения телесности, не только с позиций биологии и медицины, но и с позиций психологии подтверждается, возрастающим в последнее время, количеством психосоматических заболеваний. Обделенная вниманием психологов, зачастую она вынуждена обнаруживать себя через болезнь, которая является объектом внимания уже специалистов медиков. Психолог же может, обратив внимание на сигнальные проявления телесности, предупредить не только развитие болезни, но и обеспечить успешность адаптации человека к условиям среды.

В отличие от термина «тело» (физическая структура человека), телесность более широкое понятие, объединяющее индивидуальные характеристики: инстинкты, системы репрезентации, высшая нервная деятельность, соматическая и вегетативная нервные системы, а

также, темперамент, конституция, возраст и пол. Под «сигнальными» проявлениями телесности мы понимаем такие объективные признаки инконгруэнтности человека и среды как: усталость, перевозбуждение, сонливость, рассеянность, апатия, внутреннее напряжение, нарушения сна, отсутствие аппетита и др. Кроме того, она может заявлять о себе жалобами вегетативного характера: сердцебиение, головокружение, головные боли, повышение (понижение) артериального давления, боли в области сердца, живота, склонность к покраснению и т.п. Находясь в постоянном взаимодействии со средой, в обыденной жизни человек не часто обращает внимание на собственное тело, а в профессиональной деятельности, порой и вовсе игнорирует его природу. Анализируя состояние исследований проблем данного феномена, некоторые ученые отмечают тот факт, что из исследования процесса

становления человека выпала одна из фундаментальных сторон – природная жизнедеятельность самого человека, его телесное бытие [7]. Это касается множества аспектов области культурных способов переживания и проявления телесных реакций, в т.ч. болезненных расстройств, вызванных условиями профессиональной деятельности.

Новизна нашего исследования заключается в рассмотрении проблемы телесности в русле психосемантической парадигмы методом анализа психологических метафор внутрителесного опыта как вербальных предикторов качества психосоматического здоровья врачей. Психосемантический аспект исследования телесности, как системного феномена аргументирован его исходным положением, согласно которого, практически все исторические изменения в человеческом сознании, развитии культуры и росте знаний отражаются в лексической системе языка [5].

Опираясь на объективные и субъективные данные разных наук и областей человековедения, можно утверждать, что телесность является особым «продуктом» взаимодействия тела (как состояния) и среды (как ситуации), механизмы образования и состав которого чрезвычайно сложны.

Исходя из теоретического анализа проблемы телесности следует рассматривать данный феномен как систему, включающую подсистемы: соматическую (проприоцептивную) и вегетативную (интероцептивную) нервные системы (НС). Соматическая НС обнаруживает себя проприоцептивными ощущениями и управляет опорно-двигательными элементами телесности. Вегетативная НС обнаруживается через интероцепцию, как механизм управления сердечно-сосудистой и пищеварительной системами телесности. Деадаптация человека на уровне телесности может наблюдаться в случае не конгруэнтности условий среды состояниям соматической и вегетативной НС. При этом активация одной из систем (подсистем) может вовлекать в процесс активации другие системы [3].

В нашем случае сигналами о нарушении баланса в системе «организм- профессиональная среда», являющимися предикторами снижения

качества здоровья медицинских работников может выступать такой субъективный психологический феномен как употребление вербальных метафор внутрителесного опыта. Например, частое употребление субъектом фразеологизмов типа «нести крест», «остолбенеть», «развязать руки», «ноги не несут» и т.п. могут являться вербальными предикторами нарушений системы проприоцептивного опыта телесности, что в свою очередь может привести к заболеваниям опорно-двигательного аппарата. Фиксируя объективные и субъективные признаки инконгруэнтности телесности и среды, можно, с одной стороны предупредить болезнь, с другой, обнаружить наличие признаков ее развития, с третьей, разработать систему условий по профилактике и коррекции психосоматических нарушений.

Методы (Materials and Methods). Целью нашего исследования явились разработка и апробация телесно-ориентированных методов медико-психологического скрининга и профилактики профессиональной дезадаптации врачей. В качестве предмета исследования выступили особенности чувствительности систем телесности как условие профилактики профессиональной дезадаптации врачей. Мы предполагаем, что объективными признаками дезадаптации внутренних систем телесности могут являться, соответствующие им особенности вербализации внутрителесного опыта.

Для подтверждения заявленной гипотезы мы использовали, разработанные нами и апробированные на разных выборках, методики медико-психологического скрининга. Для диагностики особенностей профессиональной адаптации врачей применялась методика «Перечень поведенческих, соматических и психологических признаков профессиональной дезадаптации врачей», разработанная нами на основании двух методик диагностики: эмоционального выгорания в профессиональном общении В.В. Бойко [1] и синдрома выгорания в социальных профессиях Т.И. Ронгинской [6]. В структуру карты включен перечень кризисных, физических, психологических и поведенческих признаков профессиональной дезадаптации (табл.1)

Перечень поведенческих, соматических и психологических признаков профессиональной дезадаптации врачей (карта скрининга)

№	Признаки профессиональной дезадаптации
<i>Симптомы профессионального кризиса</i>	
1	Чувство безразличия, эмоционального истощения, изнеможения (человек не может отдаваться работе так, как это было прежде)
2	Негативное отношение к своим коллегам и пациентам (агрессивность, безразличие, конфликтность)
3	Негативное отношение к своим пациентам и их родственникам
4	Негативное самовосприятие (ощущение недостатка чувства профессионального мастерства)
<i>Соматические симптомы</i>	
5	Резкое повышение утомляемости
6	Хроническая усталость
7	Головные боли
8	Восприимчивость к изменениям внешней среды
9	Изменение артериального давления
10	Астения (бессилие, слабость)
11	Ограничение движений, боли в шее, в спине
12	Непроизвольные движения – сжимание кулаков, зажатость
13	Увеличение или потеря веса
14	Одышка
15	Бессонница
16	Половая дисфункция
<i>Психологические симптомы</i>	
17	Чувство страха и безысходности
18	Повышенное чувство ответственности
19	Периодически возникает чувство неосознанного беспокойства, тревожности
20	Резко снижается уровень энтузиазма
21	Чувство обиды, скуки, разочарования
22	Чувство неуверенности, вины, чувство невостребованности
23	Потеря удовольствий и чувства удовлетворенности работой
24	Раздражительность
25	Подозрительность
26	Ригидность (низкая приспособляемость, неприятие перемен)
27	Общая негативная установка на жизненные перспективы
<i>Поведенческие симптомы</i>	
28	Применение лекарственных стимуляторов деятельности
29	Привычка брать «работу домой»
30	Рано приходить на работу и оставаться надолго
31	Неспособность принимать решения
32	Дистанцирование от коллег
33	Поздно появляться на работе и рано уходить
34	Избегание общения, потеря прежних контактов
35	Увеличение употребления алкоголя, медикаментов
36	Конфликты на работе, в транспорте, дома
37	Личная и профессиональная необязательность
38	Работа становится все тяжелее, а сил выполнять ее — все меньше

Соматическая и вегетативная чувствительность исследовалась нами с помощью методики диагностики соматических особенностей репрезентации окружающей среды [2]. Модель

скрининга вербальных признаков психосоматической дезадаптации разработана на основе калибровки наиболее часто употребляемых в речи испытуемых фразеологизмов, отражающих

признаки соматической*, сердечно-сосудистой** и пищеварительной*** систем телесности (табл.2).

Таблица 2

Примерный перечень вербальных метафор телесности

1	Держать себя в руках*	21	Быть подавленным**
2	Зажать чувства в кулак*	22	Получить нож в спину*
3	Надавить на кого-то**	23	Отравлять жизнь***
4	Связан по рукам и ногам*	24	На меня давят**
5	Отвратительное настроение***	25	Навязло в зубах (застряло)***
6	Запереть чувства**	26	Выпустить пар**
7	Остолбенеть*	27	Топтаться на месте*
8	Грызть науку***	28	Сердце замирает**
9	Вскружить голову**	29	Проглотить кол*
10	Нести крест *	30	Взрываться от негодования**
11	Переполняться чувствами **	31	Свернуть шею*
12	Нести непосильный груз*	32	Лишняя головная боль**
13	Портить вкус ***	33	Влипнуть*
14	Тошнит от чего-либо ***	34	Завязать в узел*
15	Запутаться *	35	Напрягать мысли** и др.

Результаты (Results) и обсуждение (discussion). В исследовании принимали участие медицинские работники (n=30), с разным стажем профессиональной деятельности.

Результаты скрининга поведенческих, соматических и психологических признаков позволили нам выявить уровни профессиональной дезадаптации врачей в выборках испытуемых со стажем от 5 до 10 лет и от 15 до 25 лет (табл.3).

Таблица 3

Уровни дезадаптации врачей с разным стажем профессиональной деятельности

Стаж профессиональной деятельности	Уровни (%)		
	В*	С**	Н
5-10 лет	13.3	80.0	6.7
15-25 лет	40.0	53.4	6.6

t-критерий Стьюдента * $t_{эмп}=5.5$ ($p<0,01$); ** $t_{эмп}=3.5$ ($p<0,01$)

Как следует из сравнительного анализа двух выборок, количество признаков дезадаптации связано со стажем профессиональной деятельности. Не смотря на то, что в выборке молодых специалистов и врачей со стажем процент испытуемых с низким уровнем дезадаптации составил соответственно 6.7 и 6.6 единиц, показатели высокого и среднего уровней имеют значительные различия: высокий уровень* – 13.3% (стаж 5-10 лет), 40% (стаж 15-25 лет); средний уровень** 80% (стаж 5-10 лет) и 53.4% (стаж 15-25 лет).

Целью дальнейшего нашего исследования являлось подтверждение гипотезы о наличии связи уровней профессиональной дезадаптации врачей и

состояний телесности. Для эмпирической проверки нами были выбраны показатели соматической и вегетативной дезадаптации испытуемых.

В таблице 4 представлены уровни профессиональной дезадаптации и количество испытуемых (%) с высоким, средним и низким баллами, полученными по методике диагностики соматических признаков репрезентации окружающей среды.

Прежде всего, следует отметить, что наиболее высокая частота употребления вербальных метафор телесности в обеих выборках была выявлена по состояниям сердечно-сосудистой системы: 45.6% (стаж 5-10 лет) и 46.2% (стаж 15-25 лет) (табл.4).

Таблица 4

Показатели чувствительности систем телесности у врачей с разными уровнями профессиональной дезадаптации

Признаки дезадаптации	Дезадаптация сердечно-сосудистой системы			Дезадаптация опорно-двигательной системы			Дезадаптация пищеварительной системы		
	В*	С	Н	В	С	Н	В**	С	Н
Стаж 5-10 лет	54.3	22.1	13.6	45.6	41.6	12.8	35.4	36.4	28.2
Стаж 15-25 лет	80.0	0.0	20.0	46.2	51.0	2.8	47.2	40.8	12.0

t-критерий Стьюдента * $t_{эмп}=3.5$ ($p<0,01$); ** $t_{эмп}=3.0$ ($p<0,01$)

Данный фактор свидетельствует о высокой напряженности системы, не зависящей от стажа профессиональной деятельности, а также необходимости профилактики заболеваний этого профиля среди врачей.

В то же время, проведенный нами статистический анализ показал наличие значимых различий по критерию дезадаптации сердечно-сосудистой системы между выборками молодых специалистов и врачей со стажем ($t_{\text{эм}}=3.5$). Это может свидетельствовать о профессиональной стагнации специалистов. Значимые различия между выборками были выявлены, также, по показателям вербализации дезадаптации пищеварительной системы ($t_{\text{эм}}=3.0$).

Полученные в ходе эмпирического исследования результаты, свидетельствуют о необходимости разработки мер профилактики и психологической поддержки, направленных на формирование адаптивных ресурсов телесности специалистов медицинского профиля. Особое внимание следует уделять методам снижения индекса напряженности сердечно-сосудистой и пищеварительной систем, с учетом профессионального стажа и возраста врачей. Данные методы должны разрабатываться с учетом психологических функций и значений каждой системы, признаков и причин нарушений системы, а также условий их предупреждения и коррекции (табл.5).

Таблица 5

Психологические факторы и условия профилактики и коррекции профессиональной дезадаптации систем телесности

№	Система телесности	Психологические функции и значения	Признаки нарушений	Психосоциальные причины нарушений функций системы	Условия предупреждения и коррекции нарушений
1	<i>Сердечно-сосудистая система</i>	▪Символ жизни и любви - Кровь – носительница психической энергии. ▪Обуславливает социальную активность человека и отражает его связи с социумом.	Гипертония, гипотония, аритмия	▪Неумение согласовывать свои цели и интересы с целями общества	▪Проговаривание проблемы (исповедь (для верующих), посещение терапевта, психолога и т.п.) ▪Терпимость к чужому мнению ▪Любовь и доверие в отношениях ▪Согласование своих интересов с другими
2.	<i>Опорно-двигательная система</i>	▪Отражение психофизических отношений человека и среды. ▪Защита от среды. ▪ Адаптация к среде.	Ревматоидный артрит, сколиоз, остеохондроз	▪ Неумение управлять взаимодействием с предметно-пространственной и социальной средой	▪ Коррекция мировоззрения ▪ Направленность психофизической энергии на деятельность в обществе ▪ Релаксация ▪ Арттерапия ▪ Расширение кругозора
3.	<i>Пищеварительная система</i>	▪ «Переваривание», усвоение и применение информации ▪ Соотношение материальных возможностей с реализацией жизненных целей ▪ Критический отбор необходимой информации	Язвенная болезнь, хронический гастрит, эмоциональная диарея, неврогенный запор	▪ Недостаток любви (потребность в сладком). Потеря смысла жизни (потребность в соленой, копченой, острой пище). Подавление агрессии и внутреннее напряжение, нереализованность (изжога) ▪ Неприятие новой информации (тошнота, рвота)	▪ Научиться прощать обиды ▪ Доверять людям ▪ Принимать жизнь как Школу Развития ▪ Позитивное мышление (Если Вас кто-то (что-то) раздражает, найдите в нем плюсы и сосредоточьтесь на них)

Заключение (Conclusion). Проведенный нами эмпирический анализ профессиональной дезадаптации врачей и ее влияния на состояние систем телесности позволяет рассматривать все составляющие части телесности в их соответствии друг другу и синергии (взаимосодействии). Инконгруэнтность текущего состояния организма и объективной ситуации, в которой этот организм находится в конкретный момент, приводят к психосоматическим нарушениям основных систем телесности: опорно-двигательной, сердечно-сосудистой, пищеварительной. Выявление особенностей синергии данных систем может позволить более эффективно осуществлять меры по профилактике и устранению деструктивных факторов профессиональной адаптации врачей во взаимодействии со средой.

Литература.

1. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.- Питер.- 1999.- 105с.

2. Гребнева В.В., Гребнев А.В. Особенности соматических реакций на стресс у лиц с разными картинами здоровья // Научный журнал «Дискурс». - 2019. - № 8 (34).

3. Гребнева В.В. Психолингвистический анализ телесного бытия человека как субъекта взаимодействия со средой: метафорическая модель//Yearbook of eastern European studies. Польша. Вроцлав – No 1 – 2013. – С 215

4. Гребнева В.В. Теория и технология решения психологических проблем: Учебное пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. - 192 с. + (Доп. мат. znanium.com)

5. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. 2-е изд. доп.: М.: Эксмо. – 2013. – 448с.

6. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях//Психологический журнал. - 2002.Т3., С.85-95

7. Тхостов А.Ш. Психология телесности. - М.: Смысл, 2002.-287с.

Степкин Юрий Петрович

*социальный и медицинский психолог,
кандидат психологических наук.*

Санкт-Петербург, улица Турку дом 7, кв. 248

«ФЕНОМЕН АВТОРИТЕТА» КАК ФАКТОР ОБЩЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Реферат. Авторитет личности рассмотрен как фактор успешной деятельности людей в различных сферах общения и совместного труда. Изложена авторская концепция о сущности феномена авторитета личности и его побудительного воздействия на людей. Приведены результаты оригинальных социально-психологических исследований автора.

Ключевые слова. Авторитет, личность, отношение авторитета, внушение, подражание, убеждение, психическое заражение, ценность, побудительное воздействие, психорегуляция, психотренинг, социально-психологические исследования.

Задача данной статьи – дать ,по возможности, полное и научно обоснованное представление о «феномене авторитета», исследованного нами на кафедре социальной психологии факультета психологии Санкт-Петербургского(Ленинградского) Госуниверситета. Работа была выполнена автором на основе его оригинальных теоретических разработок и эмпирических исследований под научным руководством профессора А.А.Бодалева.. Главной ее задачей было выяснить *сущность* «феномена авторитета» и его *побудительного воздействия* на членов социальной группы в процессе их общения и деятельности. Автором был выполнен ряд взаимосвязанных социально-психологических исследований на разных группах испытуемых, которыми были студенты- старшекурсники нескольких ВУЗов, рабочие первичных производственных коллективов и их руководители(мастера), инженерно-технические работники НИИ.

Все это позволило понять сущность «феномена авторитета», социально-психологический «механизм» его формирования и

причины его побудительного воздействия на членов социальной группы. А также его сущностную взаимосвязь с феноменами внушения, подражания, психического заражения, исследованными великим русским психологом, психотерапевтом и психиатром В.М.Бехтеревым, что стало отправным моментом в нашем понимании *сущности побудительного воздействия* «феномена авторитета» на людей. В целом, наше исследование позволило понять важную роль и значение «феномена авторитета» как регулятора общественных отношений в Социуме, которую он осуществляет вместе с «феноменом власти». Последний под его влиянием может менять свои «подчиняющие характеристики» на более мягкие и гуманные, делая властные воздействия более приемлемыми для членов Социума и ,как правило, более эффективными. Такое происходит ,если их взаимодействие порождает «феномен авторитета власти», когда граждане добровольно подчиняются требованиям власти, понимая их справедливость и необходимость.

Не вызывает ,поэтому, сомнения, что «феномен авторитета», обозначаемый древнейшим

латинским термином «*autoritas*», является важнейшим фактором успешности субъекта любой деятельности в «сфере познания, труда и общения». Деятельность психолога или психотерапевта в медицине, руководителя на производстве, преподавателя в ВУЗе, учителя в школе, воспитателя в детском саду, любого другого субъекта деятельности в любой сфере взаимодействия людей бывает успешнее, если они обладают *авторитетом* у своих реципиентов, подчиненных, учащихся, воспитанников, и т.д. В рамках «отношения авторитета» первые выступают в роли *субъектов авторитета*, вторые – в роли *объектов авторитета*. Эти роли весьма своеобразны, проходя трансформацию от «социально-психологической ипостаси», характерной для зарождения «феномена авторитета», до «социальной», когда он сформировался и окреп (14,15,16).

Многие исследователи, в разные времена и в разных социальных дисциплинах, бились над решением этой «можно сказать, «вечной проблемы», пытаясь понять природу этого социально-психологического феномена, его сущность и детерминацию, причины и свойства его побудительного воздействия на людей. Сошлемся на некоторых из них. Особого упоминания заслуживают воззрения выдающегося отечественного педагога, психолога и организатора подростковых коллективов Антона Семеновича Макаренко на *авторитет воспитателя* (9). Его литературные труды и огромный педагогический опыт не утратили своего значения и по сегодняшний день. В его *психологической концепции*, где одним из главных является вопрос о взаимоотношениях личности и коллектива, *проблеме авторитета воспитателя и родителя* уделяется весьма серьезное внимание. Психологические типы, описанные в его произведениях, представляют собой яркие образчики авторитетных и неавторитетных людей – его современников. Взгляды А.С. Макаренко на сущность *авторитета воспитателя*, на способы его завоевания представляют большую познавательную ценность как в практическом, так и в научном планах. Мы с благодарностью ссылаемся на его психолого-педагогические разработки в своем диссертационном исследовании, в частности, на открытое им явление и понятие, так называемого, «ложного авторитета» воспитателя и родителя.

Важная группа факторов *авторитета педагога* как организатора детских коллективов рассматривается в трудах профессора Л.И. Уманского и его сотрудников по *психологии организаторских способностей*, представляющих собой выдающийся вклад в разработку актуальной и важной проблемы *психологии управления* (20). Образовательный и воспитательный процессы сродни в этом плане процессу управления, требуя от педагога не только умелой передачи своих знаний ученикам, но и талантливой организации их

совместной деятельности. Л.И. Уманский убедительно показал, что умение глубоко и полно понимать психологию людей – «психологическая избирательность» – является важнейшей особенностью талантливых организаторов. Она дополняется группой свойств, характеризующих «психологический такт» педагога, состоящий в его умении найти верный тон, нужную форму обращения с учащимися. В этом случае создается возможность его эффективной коммуникации с ними, в результате чего, между ними облегчаются контакты, растет доверие, возникает необходимое взаимопонимание, что способствует формированию его авторитета у них и успеху его педагогической деятельности. Трудно переоценить значение *личного авторитета школьного психолога*, когда он проводит «психорегулятивные сеансы» с учащимися. Термином «психорегуляция» мы обозначаем психологическое воздействие психолога на психологические структуры реципиентов с использованием методов убеждения, внушения, подражания, психического заражения. Цель такого воздействия – компенсировать неблагоприятное психологическое состояние реципиента и помочь ему преодолевать его самостоятельно. Опираясь на собственную «психорегулятивную практику» и опыт работы известных психотерапевтов, можно сделать обобщающий вывод, что психорегуляция бывает наиболее успешной, если ее процесс протекает в рамках «отношения авторитета», возникающего между психологом и реципиентами (17).

На это обстоятельство обращали внимание многие видные специалисты, одним из которых был П.И. Буль. Опираясь на свой многолетний и плодотворный опыт работы гипнотерапевтом, он отмечал: «Уже давно было отмечено огромное значение авторитета врача, а врача психотерапевта, в особенности, для его практической работы. Более того, он должен сам позаботиться о создании своего врачебного авторитета во имя пользы дела, во имя здоровья своих будущих больных. Нельзя это важное дело пускать на самотек или отдавать в руки недоброжелателей, на волю случая или стечения обстоятельств». И далее: «При большом авторитете врача-психотерапевта даже негативные моменты начинают работать на вас» (3). В обстоятельной докторской диссертации известного психотерапевта В.Н. Куликова были изучены различные аспекты данной проблемы. В частности, был установлен важный факт, что коэффициент сопряженности между авторитетностью суггестора и эффектом его внушения равен 0,94, то есть между ними существует почти прямолинейная зависимость, указывающая, что авторитет психотерапевта действительно является одним из важных факторов эффективной психотерапии (8).

И здесь возникает естественный вопрос: «Что представляет собой «феномен авторитета личности», который выполняет такую важную роль в межличностном общении людей?». Ответ на него

позволяет понять и **сущность побудительного воздействия** этого феномена на людей, как свойства, **имманентно** ему присущего и способствующего достижению «психорегулятивного эффекта». Поэтому охарактеризуем авторитет личности как феномен межличностного общения и взаимодействия людей в совместной деятельности (14,16).

Феномен авторитета личности можно рассматривать с разных сторон, но три из них являются наиболее важными – это его сущность, психологические механизмы побудительного воздействия и тот конечный эффект, к которому это воздействие приводит. Сущность этого феномена определяется тем значением, какое имеет тот или иной человек для других людей как член социальной общности и как участник социально значимой деятельности. Из этого следует, что важнейшим фактором авторитета личности выступает **объективная ценность** ее свойств, которая проявляется в ходе совместной деятельности с другими людьми (4,5,6,19). В этом плане все социально значимые свойства данного человека представляют собой **атрибуты** авторитета. Т.е., те свойства, на основании которых объективно, в принципе, может возникнуть «отношение авторитета» между данной личностью и другими людьми.

Однако, реальным фактором его возникновения, в каждой значимой ситуации, бывает **субъективная ценность** свойств данной личности, как возможного субъекта авторитета. Нелегко разглядеть в человеке его действительные, объективные свойства, чаще всего они являются нашими субъективными интерпретациями их или даже качествами, приписанными нами этому человеку. И то, что мы получаем в нашем восприятии и оценочном суждении о них и является «субъективной ценностью», нашим «субъективным образом», вероятно отражающим его объективные свойства. Поскольку формируется этот «субъективный образ» под влиянием наших перцептивных актов, обладающих той или иной степенью погрешности, наших ценностных установок и оценочных суждений, обладающих той или иной степенью «предвзятости». Однако, эта **сущность** может оказаться лишь *кажимостью, представлением о человеке, далеким от реальности*. Но на его основе мы будем строить свои отношения с ним, принимая или отвергая его.

Заметим здесь, что мы не исповедуем агностицизм в познании людьми друг друга, а рассматриваем это *познание* как достаточно сложный и длительный процесс восхождения от субъективного к объективному, от неточного и неполного знания о человеке к более точному и полному, отражающему, в итоге, его *реальную сущность*.

Выше сказанное позволяет все социально значимые свойства личности, прошедшие «обработку» нашими ценностными установками и оценочными

суждениями, считать **основаниями** авторитета личности. Именно они позволяют возникнуть «отношению авторитета» как **реальному феномену**. В психологическом плане это и означает, что авторитет должен быть рассмотрен как результат отражения в сознании людей социальной значимости, ценности, полезности тех свойств, которые присущи данному человеку как **потенциальному субъекту авторитета** (15).

Такое понимание сущности авторитета личности позволяет объяснить особенности его **побудительного воздействия** на людей, осуществляемого посредством психологических феноменов внушения, подражания, психического заражения. В этом плане авторитет выступает как **особое социально-психологическое свойство личности, обладающее выраженным побудительным эффектом** (14). Известно, что любое свойство личности обладает большим или меньшим побудительным эффектом в меру того значения, какое оно имеет для нас. Любое свойство личности предполагает отношение в качестве своей актуальной формы, как на это указывали выдающиеся отечественные психологи С.Л. Рубинштейн и В.Н. Мясищев [10,13]. Однако, авторитет представляет собой **особое - интегративное свойство личности**, которое формируется на базе других – «ординарных» свойств: профессиональных, нравственных, интеллектуальных, и других. Мощный побудительный эффект феномена авторитета объясняется «суммацией значений» этих «ординарных» свойств. И авторитет как социально-психологическое свойство, возникающее и утрачиваемое в совместной деятельности человека с другими людьми, может исчезнуть, если произойдет переоценка «базовых» свойств личности. То есть, это – преходящее свойство, изменяющееся под влиянием множества социальных и психологических факторов (14,15,16).

Характерная форма проявления и существования побудительного эффекта авторитета – внушение, и, прежде всего – **непреднамеренное или непроизвольное внушение**, которое, по мысли В.М. Бехтерева, может осуществляться незаметно для воспринимающего его человека (1). И чем выше «незаметность» этого влияния авторитетного человека, чем более оно кажется нам само собой разумеющимся, тем больше авторитетность этой личности у нас. Этот вид внушения, открытый выдающимся отечественным психологом, позволяет адекватно понять **сущность побудительного воздействия** феномена авторитета. Есть все основания отнести его к **имманентно, т.е., изначально присущим свойствам** авторитета личности. В то же время, **преднамеренное внушение** представляет собой особый вид целенаправленной деятельности человека, например, психолога в ситуации проведения им психорегулятивного сеанса. И к сущности феномена авторитета личности оно имеет опосредованное отношение (15, 16).

Подражание представляет собой «форму отражения» побудительного эффекта авторитета личности. Мы разделяем, несомненно верную точку зрения известного психолога профессора А.Г. Ковалева, согласно которой **внушение** являет собой способ влияния людей друг на друга, а **подражание** – способ отражения этого влияния в процессе общения и деятельности (7). Наиболее типичной формой подражания авторитетному человеку является **непроизвольное подражание**. Оно характерно для людей, находящихся под влиянием этого человека, - «объектов авторитета», на молодежном сленге – его «фанатов». Такое подражание происходит почти бессознательно, хотя и не исключает контроля их сознания за изменениями личностных свойств авторитетного человека. Процесс познания ими его свойств ,конечно, продолжается, хотя и менее активно и критично. **Непроизвольная форма подражания** характерна для зрелой фазы «феномена авторитета». Ей предшествует, так называемое, **произвольное подражание**, когда «объекты авторитета» осознанно и с удовольствием имитируют поведение авторитетного для них человека, следуют его поступкам, разделяют его взгляды и вкусы. «Фанаты» известных и популярных людей, например, футболистов или хоккеистов, наглядно демонстрируют этот вид подражания.

Под влиянием перечисленных психологических механизмов наши мнения, взгляды, социальные установки, особенности поведения **рефлексивно изменяются**, приобретая характеристики, присущие мнениям, взглядам, социальным установкам, особенностям поведения авторитетного человека(14, 15, 16). В этом состоит одна из важнейших функций феномена авторитета личности в Социуме. Согласно известной концепции Х. Келлмана, изменение наших социальных установок (attitudes) может осуществляться в трех формах: интернализации, идентификации и внешнего подчинения. Наиболее глубокое изменение их достигается в первом случае, когда мнение авторитетного человека включается в нашу ценностную структуру, становясь нашим личным мнением (21).

В зависимости от характера оснований авторитета личности выявляются три его формы: моральный, функциональный и формальный. Основаниями **морального авторитета** служат мировоззрение человека и его нравственные свойства. Эта форма является ядром авторитета личности, ибо она обуславливается системой ценностных установок Общества, его социально-политической структурой, этическими нормами и правилами общежития. **Функциональный авторитет** формируется на основе профессиональной компетентности человека, его разнообразных деловых качеств, отношения к своей профессиональной деятельности. В совокупности с моральным авторитетом они образуют единый **личный авторитет** человека, который, в известной мере, противостоит той

разновидности авторитета личности, которую мы назвали **формальным авторитетом**. Носителем последнего, в сущности, является тот социальный статус, который человек занимает в общественной структуре. Наиболее значительной его разновидностью является **должностной авторитет руководителя**, характерным основанием которого выступают властные полномочия.

Формальный авторитет имеет исключительное значение в некоторых социальных организациях, таких, например как воинские. Но и любая другая социальная организация может эффективно функционировать, если авторитет личности в необходимой мере формализован. Если организация построена так, что моральным и функциональным авторитетом обладают все ее члены и никто из них – формальным, то такая организация не сможет нормально функционировать. Личные предпочтения ее членов будут препятствовать этому. Хотя выдвижение среди них «неформального лидера», как например, в политической партии, может стабилизировать ее организационную структуру. Но до поры до времени, лишь до выдвижения нового «неформального лидера», который начнет борьбу со «старым» за первенство. Поэтому, кому-то из них придется присвоить особый формальный статус, например, генерального секретаря партии, чтобы разрешить «кризис». В этом плане, интересна роль формального авторитета как формы фиксации и консервации личного авторитета личности на определенном социальном уровне.

Эти виды авторитета могут дополнять, а могут и контрастировать друг с другом. Длительное и значительное падение личного авторитета может привести к потере авторитета формального, а вместе с ним – и к изменению социального статуса человека. Иначе говоря, формальный авторитет не является «личным капиталом» данного человека, он постоянно должен подкрепляться его личным авторитетом, о чем всегда следует помнить руководителям и всем, облеченным властными полномочиями(15). А также педагогам, тренерам, врачам, родителям, и т.д. Здесь вспоминается открытый А.С. Макаренко феномен «ложного авторитета», когда ,например, родитель считает возможным «воспитывать» своих «отпрысков» как ему заблагорассудится, только на том основании, что он их родитель. Этого недостаточно для нормального воспитания, надо, чтобы родитель завоевал личный авторитет у своих детей, воспитывая их не столько «нотациями» и принуждением к «правильному поведению», сколько личным примером(9).

Общая закономерность, характерная для всех обследованных нами групп респондентов, *состоит в том, что основания морального авторитета личности доминируют среди всех остальных*. Они выполняют важнейшую функцию, обеспечивая саму возможность эффективной межличностной коммуникации между потенциальными сторонами «отношения авторитета». Наша позитивная оценка моральных качеств авторитетного человека

облегчает контакты с ним, возбуждает наше доверие к нему, создает предпосылки взаимопонимания с ним. А значит, *подготавливает необходимую «психологическую почву» для формирования «отношения авторитета»* между нами как «актерами социальной интеракции». Понятно, что это характерно для авторитетных людей, для неавторитетных - картина будет противоположной. Мы будем избегать контактов с ними, негативно оценивая их личностные свойства, или приписывая им таковые.

Интеграция всех трех форм авторитета личности достигается в рамках конкретных **социальных ролей**, исполняемых субъектом деятельности, что приводит к образованию совокупного авторитета личности как субъекта социальной роли – *его интегративной формы*. Это и есть *реально существующий* авторитет личности, который присущ человеку как субъекту деятельности и члену социальной организации (14,15,16). Формируется этот реальный феномен на базе не каких-то отдельных, пусть и очень важных свойств, а на основе их совокупностей, в которые они объединяются под влиянием особых социально-психологических факторов в, так называемые, **«оценочные эталоны»**. Эти эталоны имеются у каждого из нас «про запас» и актуализируются при оценке нами другого человека и выполняют, по мысли академика А.А. Бодалева, роль своеобразных «мерок». Основываясь на них, мы относим данного человека к какому-то психологическому типу, представление о котором у нас сформировалось ранее (2). Эти идеи плодотворно разрабатывает профессор В.Н.Панферов (11,12).

Возвращаясь к *проблеме авторитета личности* отметим, что в социальных группах, различающихся по характеру деятельности, формам общения и структуре ценностных установок, действуют разные по содержанию и факторам «оценочные эталоны». Эти эталоны выступают в качестве «критериев отбора», на основе которых члена контактной группы могут признать авторитетным, если он обладает определенным набором ценимых в ней личностных свойств, или неавторитетным, если ему присущи, по мнению окружающих, малоценные личные качества. Эти свойства и качества, полученные членами группы в их перцептивных образах и оценочных суждениях, могут быть далеки от реальных, но все равно выполняют свою роль «оснований авторитета». В процессе общения они могут уточняться и становятся более реальными, правда, не всегда в достаточной мере.

Наше исследование **в студенческих группах** выявило четыре эталона авторитетных людей и три – неавторитетных. (Испытуемыми были студенты старших курсов Института киноинженеров, факультета психологии Ленинградского Государственного Университета, Высшего Художественно-промышленного Училища им.В.И. Мухиной). Одни из них - общего характера и объединяются факторами высокой

информативности: «общее развитие личности» (25,8 %) и «эффективность убеждающей коммуникации» (20,1 %), - для авторитетных студентов. И «Общая культура личности» (25,8 %) – для неавторитетных. Другие эталоны более специфичны. Здесь авторитетными признаются студенты, обладающие «Прагматической направленностью личности», а также «Артистической» и «Художественной». А для неавторитетных студентов характерен эталон «Негативистическая направленность личности». Они не умеют считаться с мнениями других людей, не скромны и не бескорыстны, неспособны войти в положение другого человека, не умеют ладить с людьми, хотя и могут обладать некоторыми положительными качествами.

В первичном производственном коллективе действуют, иные «оценочные эталоны» авторитетных и неавторитетных людей. Факторный анализ, в-частности, выявил, что свойства личности руководителя такого коллектива, наиболее тесно связанные с его авторитетом у рабочих, объединяются фактором «эффективность организаторской деятельности» (30,2 %). Это, главным образом, основания морального и функционального авторитетов руководителя. Среди первых наибольшим значением обладают свойства, выражающие его отношение к людям: выдержанность, доброжелательность,

понимание нужд подчиненных, и др. Особенное значение эти свойства имеют в женских коллективах, где неавторитетность руководителя напрямую связана с его негативными характерологическими качествами: раздражительностью, резкостью в общении с людьми, самомением, и т.д.

Такова краткая характеристика авторитета личности как социально-психологического феномена и фактора ее успешной деятельности в любой из ее разновидностей. Авторитет вообще и личности, в-частности, выполняет в жизни Общества, наряду с феноменом власти, ряд важнейших функций по сплочению его членов, унификации их ценностных ориентаций, нормализации их поведения, и других. Важна его роль и в более ограниченных сферах, какими являются, например, педагогика, спорт, медицина и ее особая область – психотерапия. Для работы психолога в этом направлении больше подходит термин - «психорегуляция». Кратко рассмотрим этот психологический феномен.

Психорегуляция, по своей сути, представляет собой организационно- психологический процесс, в котором психолог направляет реципиента по пути компенсации своего неблагоприятного психологического состояния. (Заметим, что психолог имеет дело не с «психическими болезнями», а с психологическими состояниями. Исключение составляют медицинские психологи, но последнее слово остается за психиатром). В этом процессе важную роль играют все названные выше формы авторитета личности, и прежде всего,

формальный авторитет психолога, определяемый его статусными характеристиками. Эти характеристики в первую очередь «работают» на авторитет психолога, вызывая у вероятных реципиентов чувство доверия и расположения. Но здесь, как и везде, надо знать меру, чтобы не «переборщить» в самовосхвалении. Затем «в дело вступает» его моральный авторитет, главным основанием которого является его отношение к своему визави: внимательное и доброжелательное, вызывающее у него еще большее доверие и расположение. Наконец, наступает очередь профессионального авторитета, основанного на профессиональных знаниях, умениях и навыках. Эти две последние формы авторитета и определяют, в конечном счете, успешность психорегулятивной сессии в целом. Ее критериями будут удовлетворенность реципиентов результатами психорегулятивной практики и, конечно, объективные показатели их состояния (17).

Опираясь на эти принципиально важные в теоретическом и практическом планах выводы, на значительный опыт работы медицинским психологом, мы разработали оригинальную психорегулятивную методику **«Релаксационно-суггестивного психотренинга»(РСПТ) - «Семь шагов» - «Seven steps»**. Она позволяет сформировать искомое «отношение авторитета» между сторонами «психорегулятивного процесса» и, на его основе, оказывать эффективное *психорегулятивное воздействие* психолога на реципиентов. Психолог здесь выступает *индуктором*, наводя определенное психологическое состояние на реципиентов, но не вводя их в гипнотический транс. Хотя сильно астенизированные и внушаемые индивиды могут входить в сноподобное состояние или даже погружаться в здоровый физиологический сон. Вместе с тем, *индуктор* является одновременно и *суггестором* и *психотренером*, внушая своим подопечным нужные состояния и обучая их приемам *саморегуляции и самоконтроля*.

Мы имели хорошую возможность в течение 7 лет работать медицинским психологом в одной из лучших психиатрических больниц Санкт-Петербурга, занимаясь психодиагностикой и психорегулятивной практикой. Нашими подопечными были пациенты санаторных отделений в стадии ремиссии. Результаты этой весьма интересной работы опубликованы нами в научной статье, посвященной краткому изложению *психорегулятивного тренинга «РСПТ»*(18). В более развернутом виде эта методика представлена в нашей монографии «Феномен авторитета личности», СПб, 2015(15).

Литература

1. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.-
2. Бодалев А.А. Личность и общение. М., «Педагогика», 1983.- 270 с.

3. Буль П.И. Техника гипноза и внушения. СПб., ЛИО Редактор, 1992. – 142 с.
4. Василенко В.А. Ценность и оценка. Киев, 1969.- 110 с.
5. Кейзеров Н.М. Власть и авторитет. М., «Юридическая литература», 1973.- 264 с.
6. Киселев Ю.В. Роль авторитета в общественной жизни: автореф. дис. канд. филос. наук. Л., 1966.- 19 с.
7. Ковалев А.Г. Взаимовлияние людей в процессе общения и формирование общественной психологии. Учен. зап. ЛГУ. – Л., 1964. – Т. 254. – С. 74- 81.
8. Куликов В.Н. Социально-психологический аспект суггестии. Автореф. дисс. докт. психол. наук. Л., 1974.- 30 с.
9. Макаренко А.С. О родительском авторитете. Собр. соч. в 7 томах, т.4., М., 1957, - 105 с.
10. Мясичев В.Н. Психология отношений : Избр. труды. Л., 1973. – 381 с.
11. Панферов В.Н. Психология человеческих отношений. Избранное. СПб: АНО ИПП, 2009, 497с.
12. Панферов В.Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопознания людей. Вопросы психологии, № 5, 1982, с.139-141.
13. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.- 208 с.
14. Степкин Ю.П. Исследование авторитета личности как социально -психологического явления. Автореферат дисс.канд.псих.наук, Л. ЛГУ, 1976 г. 18 с.
15. Степкин Ю.П. Феномен авторитета личности. СПб, 2015.- 274 с.
16. Степкин Ю.П. Авторитет личности. Системное социально-психологическое исследование. Saarbrücken, Deutschland, 2013.- с.273.
17. Степкин Ю.П. Авторитет личности психолога(психотерапевта) в психорегулятивной практике. «Вестник психотерапии», № 44(49), СПб, 2012, с. 14-23.
18. Степкин Ю.П. Опыт применения релаксационно-суггестивной психотерапии в санаторном отделении психиатрической больницы. «Вестник психотерапии». 2004. – № 11.- с. 147–151.
19. Тугаринов В.П. Теория ценностей. Л., ЛГУ, 1968.- 218 с.
20. Уманский Л.И. Психология организаторских способностей. Автореф. дисс. докт. психол. наук. М., 1968.- 30 с.
21. Kellman H.H. Three processes of acceptance of social influence: compliance, identification and internalization. //J." Papers and Meetings of the Amer. Psychol. Assoc", Aug., Washington, 1956.- p. 31-37.

23 февраля 2020 г.

Ю.П.Степкин.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Aytan Arzulla Ahmadova

Ph.D on philology

Ganja State University

SYNONYMIC FEATURES OF POSPOSITIONS IN AZERBAIJANI LANGUAGE

Ахмадова Айтан Арзулла

Кандидат филологических наук

Гянджинский Государственный Университет

Summary. Postpositions give words a new meaning, which is due to their internal lexical meaning. From this point of view, the postpositions may also reflect various semisological phenomena, one of which is synonymy. Synonyms of postpositions are not equal with synonym of independent lexical meaning. The synonym of the postposition is not based on the independent lexical meaning, where functional synonym is derived. In this regard, the synonym of the postpositions is determined by its pure functional-grammatical position. The article explores the synonymic properties of likeness postpositions “*kimi, qədər, tək*”(like, as), direction postpositions “*tərəf, doğru, sarı, qarşı*”(to, towards), distance postpositions “*kimi, qədər, -dək, -cən, -cən*”(till), affiliation postpositions “*aid, dair, məxsus, haqqında, barəsində*”(belong, about, related).

Резюме. Послелогои придают словам новое значение, что обусловлено их внутренним лексическим значением. С этой точки зрения послелогои также могут отражать различные полусологические явления, одним из которых является синонимия. Синонимы послелогов не могут быть синонимами независимого лексического значения. Синоним послелога не основан на независимом лексическом значении, здесь в основном имеется ввиду функциональный синоним. В связи с этим синоним послелогов определяется с его чисто функционально-грамматическим значением. В статье исследуются синонимические свойства послелогов, определяющих сходство “*kimi, qədər, tək*” («Как», «подобно», «наподобие», «такой же, как»), определяющих направление “*tərəf, doğru, sarı, qarşı*” (в, на), определяющих расстояние “*kimi, qədər, -dək, -cən, -cən*” («до»), определяющих принадлежность “*aid, dair, məxsus, haqqında, barəsində*” (о, обо).

Key words: *postpositions, likeness, distance, direction, shades, synonyms*

Ключевые слова: *послелогои, сходство, расстояние, направление, оттенки, синонимы*

Introduction

The colorful and rich relationship between grammatical meaning and grammatical form manifests itself, one of which is synonymy. Synonym is a broad language fact, encompassing all language units that have a certain form and meaning. Of course, not only lexical, but grammatical meanings should also be taken into account. Therefore, synonyms should not be considered merely lexical words. In this context, the definitions of synonyms are often not accurate. For example, "Synonym is a semasiological event that calls for and distinguishes reality by various forms and associated with the same thing, event, sign or movement" (4,7), what is missing from this view is that only lexical words are meant here. However, the auxiliary parts of the speech also have synonyms. Therefore, when speaking of forms and content relationships in words, including synonyms, it is important to note the general grammatical features that include both lexical and grammatical meanings.

Every word used in the communication process is an expression of thought to some extent or another. The auxiliary parts of the speech play a role not only in linking words with each other, in forming different grammatical meanings, and in creating certain lexical-semantic meanings. In this respect, the locations of the auxiliary parts of speech are determined by their grammatical function, postpositions adds some meaning to the word or sentence that it belongs to. The

use of auxiliary parts of speech in a specific syntactic environment is directly related to this feature.

Within the auxiliary parts of the speech, the postposition differs from the others by its specific features, as it adds a certain meaning to the word attached. In addition to the word, it acts as a member of the sentence and can also take on some grammatical formulas. These features are related to the fact that the postpositions have certain logical meanings compared to other auxiliary parts, it means, although postpositions do not mean lexical separately, they still hold relevant meaning.

Note that although other auxiliary parts of the speech have different types of meanings, in fact it is a functional division that is not related to meaning, because conjunction and moderations either execute or reinforce any meaning in a word or sentence. The postpositions give them a new meaning, which stems from their internal lexical meaning. From this point of view, the postpositions may also reflect various semisological phenomena, one of which is synonymy.

Obviously, synonyms of postpositions are not same with synonyms of the words with independent lexical meaning. The synonym of the postposition is not based on the independent lexical meaning, where functional synonym is derived. In this regard, the synonym of the postpositions is determined by its pure functional-grammatical position. (16, 9).

The combination of postpositions in different

meaning groups is based on the fact that they are synonymous. Although postpositions in these groups are usually interchangeable, this is not always the case. This is due to the origin of these postpositions, the peculiarity of the meaning group, the characteristic of the words they join, and so on. This difference can be seen clearly when comparing different groups of meanings.

Synonyms of postpositions

1. Synonym postpositions that express similarity. They are postpositions such as “like, as” (“*kimi*, *qədər*, *tək*”). These postpositions that related with words in nominativ and genitive can sometimes be used interchangeably. For instance: *As you can see, these salty deserts should be as green as our developing villages* (S.Əhmədov).

The “as” (*kimi*) in this sentence can be substituted with the synonyms mentioned (*qədər*, *tək*). But the postposition “*qədər*” is not successful as others due to replacement ability. Even in most cases this replacement is not possible. For instance: *Gulqaz preferred not to argue as (kimi) her mother did* (M.İbrahimov).

In this example, the postposition “*kimi*” can be substituted for postposition “*tək*”, but this rule does not apply to postposition “*qədər*”. Postpositions “*kimi*” and “*qədər*” are synonyms. But there is some differences between their meaning. Thus, if postposition “*kimi*” means a qualitative comparison, postposition “*qədər*” compares quantitatively. (15, 117). In our opinion, we should look for the reason for the lexical-semantic meanings of the lexical units in which these words are isolated. Thus, although there are different opinions about the origin of the postposition “*kimi*”, we consider the conclusion of Zeynalov more accurate. According to the author, the word is similar to the word “*kip*” (tight). This idea comes from M. Kashgari's work “*Divanu Lugat - it-Turk*”. Here the word “*kip*” has two meanings: mold and similar (7, 302).

So, the same word used in our language today is taken from the appropriate version of the word “*kip*” and that is why as postposition it gives compare meaning to the word attached. The postposition “*qədər*” is of Arabic origin and means quantitative. Because the quantity itself also has a concept of quality, these words can be interchangeable in the postposition function. However, the initial semantics distinguish them from certain situations.

As for the third word “*tək*” isə Researchers point to the fact that it is used in the form of an “*tag*” (arch) in ancient monuments in two ways: 1. Similar, appropriate, 2. *To touch* (18, 428). A. Rajabov notes that this word is used in several meanings in the monuments of the Gokturk: 1. Comparing, 2. Time, 3. Last place, 4. similarity (12, 443-444). As you can see, this word is used in the modern language to mean both postpositions “*tək*” and “*dək*” (like, as). First of these is synonym of postposition “*kimi*”. Therefore, alternatives “*kimi*” and “*tək*”, which have historically been the same, have a higher chance of replacement. From this point of view, it is possible to easily use “*tək*” instead of the suffix “*kimi*” in the above two different

sentences.

It should also be noted that in modern spoken language, as well as in oral folk literature works—postposition “*tək*” is also used in the form “*təki*”. The famous couplet of M.P.Vaqif “*Günəş təki hər çıxanda səhərdən*” (“Every morning as the sun rises”) also gives a basis for this statement. In some modern dialects, even “*təkin*”, “*dəkin*” (like, as) forms are used (1, 26).

Interestingly, some researchers also point out that the postposition “*təki*” has time meaning. Q.Kazimov along with “*tək*” presents postposition “*təki*” separately, notes that they are synonyms signifying compare, similarity and time meanings and references I.Malikzadeh with such sample: *Ayaq səsləri eşidən təki gözlərini açdı* (She opened her eyes as she heard foot steps) (8, 340). However, it would not be appropriate to present this form as an independent postposition. In our opinion, this form is a dialect variant of the postposition “*tək*”.

Note that in our language, there is also postposition “*ca*” that this morpheme, which is homonym, gives different meanings to the word. This postposition connects with nouns in genitive, dative case and creates different meanings with different cases. The linguistic literature shows that this postposition is synonymous with various postpositions. Firstly this postposition is synonymous with the morphem “*ilə*” (along). Məsələn: *Nə gözəldir yol boyunca söyüdlər* (How beautiful willow trees along the way). (S.Rustam). We can replace postposition “*ca*” with morphem “*ilə*” (along).

By the way, there is no exact idea about the word “*boyunca*” (along) in Turkology, including Azerbaijani linguistics. Some researchers consider this word as a postposition. (5, 97). Turkmen and Uzbek researchers also use this word as a postposition. (21, 487; 22, 497). A.N.Kononov calls this word “postposition-name”. (17, 326). F.Zeynalov accepts it as postposition. He wrote about it: “the postposition “*Boyunca*” (along) requires the word preceding it be in indeterminate genitive case. It reflects a number of syntactic relationships after its merger. This postposition creates an equally active relationship both between names, and names and verbs.” (15, 93).

It is well-known that in our language there are words such as “*təkcə*, *bircə*” (one, only) that act as moderation, both in whole and in the form of the second component. However, there is no such fact in the postpositions. That is, the fact that the two postpositions come together and create a new complement does not appeal to us. Thus, researchers who use the word “*boyunca*” (along) as a postposition also consider the word “*boyu*” (along the way) a postposition. When it comes to the word “*boyunca*” which is associated with a particular word, here “*boy*” is the root of the word, *-u* affixe affiliation, *-n*-connecting consonant, *-ca* is postposition. Because no matter what they think, that word retains the figurative meaning of the original semantics.

In the second case postposition *-ca²* acts as synonym of the postpositions “*kimi*, *qədər*” (like, as) which means comparison. It is fact that postpositions

“*kimi, qədər*” relate to nouns in nominative and genitive cases, while postposition *-ca*² relates to only nominative case. For instance: *Dəryaca ağıln olsun // Kasıb olsun, gülərlər* (Although you had the mind up to the sea.// If you are poor, you will be ridiculed) (bayati). Here we can replace postposition *-ca* with “*qədər*”.

Finally, postposition *-ca*² acts as synonym of postposition “*görə*” (according) in the third case. In this case, that postposition creates the basic, referenced content. For instance: *İsmin quruluşca üç növü var* (There are three types of noun according to its structure); *Feilin mənacə növləri zəngindir* (the types of verb according to its meaning are rich) and etc. Need to say, the content of this postposition is ineffective compared to others.

2. Synonyms of distance postpositions. It includes postpositions “*kimi, qədər, -dək, -can, -cən*”. The first three of these postpositions were announced shortly. However, it should be noted that the quantitative content of the postposition “*qədər*” can serve as a basis for the formation of both similar and distant postpositions. we can say the same about the postposition *-dək*; As mentioned above, this word has two meanings: 1. similar; 2. to touch. The first of these meanings is the basis for the creation of a comparative, comparable content, and the second, a distance-based postposition.

In Turkology, it is shown that the postposition *-can, -cən* has historically been derived from the word “*çağ*” (age). (15, 110). H. Mirzazade notes that the two variants of this postposition *-can/-caq* are worked out in parallel. (11, 199). On the other hand, it is noteworthy that the postposition was used in the Azerbaijani language in the eighteenth century. (14, 331). It seems to us that there is a need to look for a connection between postpositions *-can, -cən(till)* and morphem “*tən*”. It is well-known that in our modern spoken language, along with the word “*evəcən*” (till home) we also use the word “*evətən*”. The word “*Tən*” means something equal in our language. In our opinion, this word contains both space and time distance in the sense of equality. Therefore, all four of these postpositions, which represent the distance content, are functionally and semantically synonymous with each other. For example: *Qonaqlar yeni əkilmiş sahəyə qədər* (kimi, -dək, -cən) getdilər (The guests went to the newly planted area); *Onlar axşama qədər* (kimi, -dək, cən) çalışdılar. (They worked until late at night)

3. Synonyms of direction postpositions. It includes postpositions “*tərəf, doğru, sarı, qarşı*”. It is not difficult to imagine the initial semantic meaning in these words. The Arabic word “*tərəf*” refers to spatial content and is used in our language as both a noun and a postposition. In fact, sometimes, instead of the first word, the use of this word in the dative case (*evə tərəf – ev tərəfə*) is also related to the meaning. The word is used as a noun, either as a combination (*bizim tərəf, hər tərəf...*) or as a combination of words (*tərəflər razılığa gəldilər*), which have different meanings. Note that as a postposition, this word already has a different lexical meaning in relation to another word, or rather, it adds directional meaning that is directly related to the

original meaning, that is, the meaning of place.

In this synonymic sequence, both “*doğru*” and “*sarı*” (to) postpositions have spatial content in their initial semantics. Bu məzmun həmin sözlərin həm birinci, həm ikinci komponenti ilə bağlıdır. This content is related to both the first and the second components of these words. As is well known, historically, the Turkic languages have been affix with the direction content- *qaru, -qəri, -ru, -rü* (19, 281-282). This affix was presented as dative case affix. This affix participates in the formation of the concept of place orientation in the context of the direction, and the relevant words derived in this way are also active in our modern language. The words “*Ora, bura, içəri, geri*” (here, there, in, back) are of this kind. In some Turkic works, postpositions of this type are referred to as “*-ra, -ru*” adverb group postpositions. (20, 495).

Although there are different views on the etymology of the postposition “*doğru*”(to) most turkologists are of the opinion that the word meant “to touch”. Researchers note that this postposition does not exist in ancient Turkic monuments (13, 36), but the fact is that the relevant adjective is used in these monuments (9, 106). In our opinion, both the lexical unit with the spatial content and the directional affix are combined and strength. Therefore, the postposition formed from that word forms exactly the directional content.

However, it is important to say that the concept of direction itself is quite meaningful, and in different semantic shades the direction can act as general content, where space and time are leading. burada məkan və zaman aparıcı yerə malikdir. The same applies to the postposition “*doğru*”. Thus, this suffix forms temporal meanings when connects with words expressing time. For example: *Axşama doğru hava soyumağa başladı*. (By evening, the air began to cool.) Unless the postposition is used here, there may be inaccuracies in the contents of the sentence, or when used without the postposition and case affix, there may be differences in the content, therefore, the postposition at this point serves to clarify the timing.

The synonym of “*Sarı*” (to) in the same context is also related to the origin of the word. In our modern language, this postposition has space content. There are different opinions in this regard in Turkology, but I think that Zeynalov's judgment according to V.V.Radlov is more logical. According to the author, the postposition “*sonra*” has historically been the product of the combination of pronoun “*sən*” (you) and the morpheme *-ru* which means direction.

This postposition participates in the creation of other meanings in the modern spoken language, especially in the dialects; thus, creates reason, purpose motives connecting with nouns in instrumental case and acts as a synonym of postpositions “*yana, ötrü*”, sometimes “*görə*” (for). For example: *Mən uşaxdan sarı gəlmişəm* (I have come for the child); *Görrəm çox darıxırsan uşaxlardan sarı* (I see that you are missing for children) (10, 22).

One of the postpositions with directional content is the word “*qarşı*”(to, against). When referring to this postposition, it is referred to as one of the postpositions

pointing towards a particular object (15, 119). This word was formed in Turkish later as well as in the Azerbaijani language. For most Turkologists, the word has historically been derived from the verb “bax” (watch).

This word, which differs from previous postpositions in terms of origin, is also differs for synonymous specialities. Researchers note that this postposition creates different meanings: a) expresses the content of competition without any contradictions; b) denotes direction-oriented content without any conflict; c) express the exact opposite; d) represents the content of the competition; d) denotes conflicting referral content (6, 225-226). Some Turkic languages are even mentioned as expressing time and an abstract concept (15, 121). In some works, however, it is shown that the postposition created only the content of confrontation and conflict (8, 341).

From these explanations it appears that the postposition “qarşı” is synonymous with other postpositions mentioned in the directional content. However, it should be noted that expressing “direction-orientation without any contradiction” of the postposition “qarşı” coupling of differs from that of others involving the directional content. In other postpositions, the directional content is usually linked to space. Therefore, the first three postpositions can replace each other. For example: *Sadiq əsəbi halda qapıya doğru (sarı, tərəf) addımladı (Sadiq nervously walked towards the door.)* (H.Ibrahimov).

Here are some examples of the fact that postposition “qarşı” means direction: *Maya Pərşanın sözlərində Şirzadə qarşı qaribə bir ərk və tənə olduğunu hiss etdi* (Maya felt reproof towards Shirzad in the words of Parshan) (M.Ibrahimov); *Şirzadənin Salatına sərt cavab verməsi Rüstəm kişiye xoş gəldi, ona qarşı hörmətini artırdı* (Shirzad's tough response to Salatin satisfied Rustam and increased his respect for him. (M.Ibrahimov) (6, 225-226).

As you can see, none of the examples have spatial content, but there is an abstract directional content. In this respect, the previous three postpositions cannot replace this postposition in that position. It is no coincidence that although the first three postpositions were presented as synonyms in language history works, the postposition “qarşı” is not mentioned in the line, this postposition is only learned as a contradictory and reciprocal postposition. (11, 196; 14, 330).

Thus, the four postpositions presented as synonyms in terms of direction cannot be considered completely synonymous with the meaning that they have joined; thus while “tərəf, doğru, sarı” (to, towards) are synonymous with both functional and substitute meaning, the synonyms of “qarşı” are not complete. Although they are functionally synonymous with a group, they cannot be synonymous with semantics.

4. Postpositions which means possession. It includes “aid, dair, məxsus, haqqında, barədə (barəsində)” (belong, related, about). Although these words are combined under one heading, they cannot be considered synonymous with each other. The first three

are presented as reference postpositions in grammar books. Postpositions “aid, dair, məxsus” are of Arabic origin and have been observed in our language lately. The relationship between these postpositions is not the same as the words they communicate. Since the postpositions “aid” və “dair” have a more abstract concept, it is easy to replace them as synonyms. For example: *Torpaqların kəndlilərə paylanmasına dair(aid) sənədlər tapılmaq bilmirdi. (Documents related to the distribution of land to peasants could not be found)* (M. Hussein).

Apparently, these postpositions cannot be replaced by “məxsus” (belong to). In fact, in other cases the postposition “məxsus” can be synonymous with these postpositions separately, although it is not possible to completely replace them. For example: *Kərim baba uşaqlara məxsus bir təbəssümlə cavab verdi* (Grandfather Karim responded with smile belong to children) (M.Hussein).

In this example, it is not even possible to think of postposition “dair” instead of “məxsus”. As you can see, the word “məxsus” is also explained by the word “aid”. We also find this fact in our Explanatory Dictionary of the Azerbaijani language: “Dair prep. About, related, belong to.” (2, 518), or: “Məxsus adj. 1.belong to only one”(3, 328). Note that the ability to substitute for “aid” and “məxsus” is to preserve their potential lexical meaning. The fact is that they are even involved in word creativity. Thus, sözümdən the words “aidiyyət, aidiyyətli, aidiyyəti, aidlik” were derived from the word “aid”, sözümdən isə the words “məxsusən, məxsusi, məxsusiyyət” were derived from the word “məxsus”.

Note that if the postposition “məxsus” is associated with both concrete and abstract concepts, postpositions “dair, aid” are mainly related to the abstract concept. On the other hand, while postpositions “məxsus” and “aid” have content of belonging, postposition “dair” is more likely to reflect the content of the word "about." We have seen this in the previous explanation. Therefore, it is usually not possible to substitute postposition “dair” with others.

Result

As postpositions are quantitative and qualitatively rich, they have the potential to be synonymous.

Synonyms of postpositions are distinguished by their productivity. Thus, the postpositions are divided into different groups of meanings, each of which has several postpositions. As postpositions in the same group serve to create the same tones, they alternate and create a synonymic line. Obviously, the chances of replacing each other in the same meaning group are not the same. Here we are talking only about the more productive.

References

1. Abdullayeva S. A. Language of Azerbaijani tales and epics. Baku: ADD, 2006, 26 p.
2. Explanatory dictionary of the Azerbaijani language, I volume, Baku: Şərq-Qərb, 2006, 744 p.
3. Explanatory dictionary of the Azerbaijani language, III volume, Baku: Şərq-Qərb, 2006, 672 p.

4. A dictionary of synonyms of the Azerbaijani language. Baku: Yazıçı, 1990, 472 p.
5. Jafarov S. On the case study of the turning to postpositions of nouns in modern Azerbaijani language / teaching methodology of linguistics subjects. Baku: API publication, 1987, p.86-93
6. Huseynzadeh M. Modern Azerbaijan language. Part III, morphology, Baku: Şərq-Qərb, 2007, 280 p.
7. Kashgari M. Diwan Lughat al-Turk. IV volume, Baku: Ozan, 2006, 752 p.
8. Kazimov G. Modern Azerbaijani language, morphology. Baku: Elm və təhsil, 2010, 400 p.
9. Dictionary of ancient Turkic monuments. Baku: API publication, 1992, 128 p.
10. Manafov N.R., Behbudov J.M. Auxiliary speeches in Azerbaijani dialects and accent. Baku, 1992, 85 p.
11. Mirzazadeh H. Historical grammar of the Azerbaijani language. Baku: Maarif, 1990, 376 p.
12. Rajabli A. Morphology of Goyturk language. Baku: BU publication, 2002, 475 p.
13. Shukurov A. Historical grammar of the Azerbaijani language. Baku: API publication, 1981, 100 p.
14. Tanriverdi A. Historical grammar of the Azerbaijani language. Baku: Elm və təhsil, 2010, 458 p.
15. Zeynalov F. Auxiliary parts of speech in modern Turkic languages. Baku: Maarif, 1971, 312 p.
16. İvanovna Q.İ. Syntactic synonyms in the Mari language. AKİ, Yoşkar-Ola, 2011, 21 p.
17. Kononov. A.N. Grammar of the modern Uzbek literary language. WPI. AN SSSR, Moscow-Leningrad, 1960, 295 p.
18. Malov S.E. Monuments of ancient Turkic writing. Moscow-Leningrad, 1951, 92 p.
19. Serebrennikov B.A. About some problems of historical morphology of Turkic languages. – The structure and history of Turkic languages. M.: Hayka, 1971, 211 p.
20. Comparative historical grammar of Turkic languages. Morphology. «Hayka», Moscow, 1988, 560 p.
21. Nowadays Turkmen language, Ashgabat, 1960, 487 p.
22. Nowadays Turkmen language. Tashkent, 1957, 497 p.

Kudrathodjaev Sh.T.

Rector of Journalism and Mass Communications

University of Uzbekistan,

Candidate of Political Sciences

Irnazarov Sh.K.

researcher

ANOTHER LOOK AT PR-COMMUNICATION

Abstract. This article is about the fact that recently criticism has been intensified against the modern infosphere in general, public relations services separately. In particular, it is argued that they cannot be completely trusted, because they often manipulate public opinion and do not adequately perceive the processes that are taking place in reality. In contrast to this point of view, the idea is being made that they, with knowledge of the fundamentals of media education, help individuals and social groups make the right decisions, which gives the right to talk about the infosphere and PR activities as a navigator in an increasingly complex world. In addition, most importantly - they have accumulated rich experience that has been successfully used in various areas of human life.

Keywords: *infosphere, media virus, protopiar, public opinion, fake news, branding, press service, brand, media theoreticians, communication service, public relations, PR sources.*

In recent years, among intellectuals engaged in the field of media theory, more and more acute questions have arisen: how much does humanity, which created the modern infosphere, control the processes taking place in it? Is an uncontrolled increase in information volumes threatening the emergence of dangerous media viruses that distort the perception of reality? [1; 4]. From the point of view of media controllers, the infosphere was created as a means of controlling the public, because “The broad masses are too stupid to understand the difficulties that governing the country are associated with” [1; 29]. Therefore, the authorities “need to determine the best course of action, and then “fabricate” citizens' consent to measures that they do not want, but which are taken in their own interests. Instead of convincing the public with the help of intellectual arguments, public relations experts seek to

primitize problems and often cause emotional reactions in viewers” [1; 4].

As if in continuation of this thought, one of the most prominent historians of our time, Yu. Harari, notes: “Not only religions and ideologies, but business rely on fiction and fake news. Branding involves an endless repetition of one fictional story until people believe in it” [2; 289]. And he explains: “What picture pops up in your mind when you think about Coca-Cola? Healthy young people involved in sports? .. Or obese diabetics in a hospital bed? Drinking a lot of Coca-Cola will not make you young, healthy or athletic - it will more likely increase the likelihood of obesity and diabetes. Nevertheless, Coca-Cola spent billions of dollars over several decades to be associated with youth, health and sports - and millions of people unconsciously believe in this connection” [2; 289-290].

In the present context, one can refer to the recall of the famous Russian international journalist, writer V.N.Snegireva about the activities of another communications service. "Press services exist," she says. - not to share information, but to hide information. It's, as you understand, it's about the information that interests the media, and not about the information that shows the agency or commercial structure in exclusively pink colors". <https://artem-kazhdy.livejournal.com/326603.html>

From the foregoing, we can conclude: the modern infosphere, including PR communication among media theorists and some part of the public, causes a far from unambiguous reaction. A popular American specialist in the field of mass media D.Rushkoff, one of the sections of his book "Media virus. How pop culture secretly affects your consciousness" in the first chapter of the "Infosphere", one of the paragraphs entitled "The End of the "PR Age" [1; 9].

However, one tendency is now clearly outlined: they often resort to PR for purely propaganda purposes, i.e. imposed certain values, a special philosophy of lifestyle. But is it worthwhile to completely deny this type of communication on this basis. And is this not reminiscent of a story when the appearance of photography was declared the end of painting, the emergence of radio heralded the end of newspapers, television - newspapers and broadcasting, etc. Although the past provides a lot of interesting and instructive experience in the formation and development of public relations.

Let us dwell on some significant events of the past, especially since they are successfully used to this day.

"Public relations", "press service", "information service", "communication service", "public information department", "consumer relations department"- all of them are synonymous with the concept of PR (public relations). This field of activity, which has gained wide popularity today, has a long history and we have the right to say that it originates in ancient times. Its formation and development took place ambiguously and smoothly, and often - contradictory. A clear idea of evolution, its main stages, allows a deeper understanding of the place and importance of PR in the modern world, as well as their effective use to achieve the desired results. Comprehension of these processes is dictated not only by obtaining the necessary knowledge and information, but also to use the experience of the past, where there are examples of successful actions to establish favorable relations with the public.

It is enough to give an example when the methods born back in ancient times are effectively applied today, in particular, in the teaching of law and business at Harvard. This refers to the practice of Socrates, who was the first Athenian mentor who built his moral teachings through dialogue. Subsequently, they were adapted by Aristotle to each specific discipline. He conducted classes in the form of a walk, conducting dialogue with his students. Subsequently, they were adapted by Aristotle to each specific discipline. He conducted classes in the form of a walk, conducting

dialogue with his students. Guided by these methods, classes at the Harvard Law School were first conducted on the basis of real court cases, and then lawyers followed the example at Harvard Business School, where the practice of dialogue analysis is built on specific life situations. In both cases, this is done to strengthen the assimilation of theoretical and practical materials of the courses taught. "Nowadays this methodology, as one of the world's leading experts in the field of business strategies P.Bowes notes, "is used by higher educational institutions of the whole world: not only future lawyers and managers are trained this way, but also doctors, journalists, teachers and even priests - they are taught not only to conduct services, but also to solve problems that they may encounter in their parishes ... Now this is a common picture that clearly illustrates the process of extracting wisdom and knowledge, and knowledge from information" [3; 26-27]. In conclusion, P.Bowes writes: "The companies that hired graduates of the business school were pleased that the new employees were well versed in the everyday business management practices, and not just learned abstract book knowledge" [3; 27-28]. And there are many such successful examples taken from the experience of the distant past.

Many research papers claim that Ivey Lee and Arthur Page are pioneers in public relations. Without denying their outstanding contribution to this area and paying them a well-deserved tribute, we note: the secrets of skillful communication between the "leader" and "followers", the monarch and subjects, overlord and vassals, originated even earlier: almost with the advent of a reasonable person. Since ancient times, this sphere of communication was born and functioned using methods and techniques, about which we can say that they were the forerunners and prototypes of public relations.

The proto-forms of public relations consisted not only in the exchange of information and communication between people, but primarily in the fact that always and at all times there were problems between people that required regulation and reaching agreement. Some studies even say that the first example of establishing public relations is the veneration of a deity by a person, who, in turn, created a person who, as it were, created his first image maker (ancient Greeks, Romans, Egyptians, as well as other nationalities of that period, many gods were worshiped).

The leaders of the primitive communities also used protopiar, seeking the location of their environment, not only through coercive measures, but also by forming among the representatives of the clan a certain positive opinion of themselves, or, using modern terms, creating some kind of desired image. Such situations, being an urgent need for human communication, and of social life itself as a group, arose in different regions at the same time, therefore it is impossible to determine exactly which country, who specifically are the homeland or founder of the early forms of PR. So, E.N.Pashentsev wrote: "The ritual dances of the shaman, the first drawings on the cave

walls of the first artist of the Earth, the bloody sacrifices, the leader's speech in front of his fellow tribesmen - all these forms of social communication were a distant prototype of modern PR" [4; 34].

This was due to the fact that people tried to achieve mutual understanding and trust. Long before the letters and numbers appeared, they used cuneiform writing and pictograms. In the caves of primitive people you can see wall paintings. Messages in the form of paintings are also located on such ancient structures as the pyramids. By the time preceding the emergence of Egyptian writing, there are several finds that are examples of descriptive and graphic way of visual communication. The most famous of them is the Narmer palette, dated around 2850 BC, which is a slate plate with the feats of a certain lord depicted on it.

Unfortunately, no one today will name a person who has taken the first step for the development of science and art such as PR in the future, as well as the first farmer, inventor of the wheel, scribe and calligrapher, etc. It just so happened that history cared about preserving only famous personalities in memory.

The preparatory phase was quite lengthy. A microscopic embryo, from which many centuries later developed and grew into a PR, which now has become an important component of the modern infosphere. Even in ancient Mesopotamia, wine, grain and livestock traders had their own brand names - emblems that allowed them to identify their products. The presence of the stigma with which skillful artisans (potters, jewelers, gunsmiths) marked their goods should also be attributed to the most ancient elements. Along with them, the property sign was widely used - a brand that was burned not only on domestic animals, but also on "living goods" - slaves. This was the development and implementation of iconic means, which over time, after many centuries, were transformed into logos, brands, trademarks.

About this V.G.Korolco explained briefly: "Monuments, various forms of monumental art of the ancient world are evidence of the first attempts to influence people. Pyramids, statues, temples, tombs, paintings and ancient monuments of writing are all examples of the perpetuation and deification of rulers, whose strength rested on religious beliefs. Ancient art and literature also glorified the heroic deeds of commanders and leaders, presenting them to the public as gods or like gods. It was not by chance that the speech of the leaders or those who strove to belong to them was full of eloquence ... " [5; 25-26].

But who initially threw the "grain" from which subsequently the PRs themselves "sprouted"? Is it not a merchant of living human goods (slaves) from Ancient Rome who said: "He hears well with both ears, sees with both eyes. I guarantee his abstinence in food, honesty, humility. " Or was it a plotter-plotter? He knew how to create them, was a rather respected person in the society of those years. It was believed that the deity could read such a tablet and fulfill what is written on it. Or maybe it's the ancient Egyptian priests, ideologists? According to Egyptologists, they did not set out to suppress the will of the Egyptians by religion

and did not intimidate ordinary people with it. Moreover, religion for that civilization was the key to social development and personal improvement.

We still know little about the origins of "civilization" (the organization of people in sustainable communities). Nevertheless, it seems that we owe many of the achievements of modernity to the ancient Babylonians. In particular, they were experts in the field of astronomy, and there is evidence that twelve zodiac constellations and division of the circle by 360 degrees, just like an hour by sixty minutes, and minutes by sixty seconds, ascend to them.

The question of what knowledge the Egyptian priests possessed is still an open question. But one thing can be said for sure: the vast majority of scientists do not deny the version that humanity today uses their discoveries and technologies. In addition, the priests were engaged in science: they made astronomical observations, made mathematical calculations during the construction of buildings, observed various natural phenomena, conducted, as they say, "opinion polls", reporting on the results of their work personally to the pharaoh.

Centuries later, Timur ibn Taragai Barlas left a similar inscription during his campaign against Tokhtamysh in 1391. He ordered the inscription in Chagatai to be knocked out near Mount Altyn Shoky in Uyghur letters - eight lines and three lines in Arabic containing the Quranic text. "In the name of Allah the Merciful, the Merciful!" Lord of the Existent, Sanctuary of Truth, Vigilant Protector, Almighty and Almighty, Wise Giver of Life and Death! In the summer of seven hundred and ninety-third, in the middle month of the spring of the year of the sheep [April 6, 1391], the sultan of Turan Timur-bek rose with three hundred thousand troops for Islam to the Bulgarian Khan Toktamys Khan. Having reached this area, he erected this mound to have a memorial sign. God willing, God grant justice! May the Lord show mercy to the people of the country! May they remember us with a prayer!" [6].

Or maybe the countdown should begin with ancient sculptors, who, with their sculptures of statues of rulers, commanders, eminent citizens and panegyrics (laudatory inscriptions) to them, laid the first brick for the initiation of public relations activity. Does their work not remotely resemble the work of modern image makers engaged in the formation of a positive image of a particular personality.

The rudimentary elements of public relations are also found in descriptions of the "official duties" of royal scouts in ancient India. In addition to the actual tracking, they were charged with keeping the king informed about the mood of his subjects, public opinion, creating a favorable image of his overlord in society and spreading rumors beneficial to the government as a whole. Already in those days, the need for a third party was recognized, which would provide information communication and settle problems between the ruling elite and the people.

There is a large, albeit little-known literature proving that in all the ancient states - Babylon, Egypt,

India and China - such primary forms of PR as dialogue and the art of communication were highly valued. In many ancient manuscripts that have survived to this day, one can guess the features of commercial PR. Thus, the British Museum stores a unique papyrus with inscriptions, and in Shanghai - a wooden plate dated to the 10th century with an engraved image of goods.

A historical analysis of public relations shows that many of its features as a social institution were laid long before BC. For example, the laws of the Babylonian ruler Hammurabi regulated the economic, and family relations of Mesopotamia at that time. They limited and regulated private property relations, asserted state control over economic life. According to some researchers, the modern principle ("innocent until proven otherwise") actually follows from the Hammurabi Code. In the case of self-mutilation, the principle of talion (eye for eye) is consistently carried out, although if the social status of the guilty party is higher than that of the victim, the punishment is much milder. Currently, the post with the laws of Hammurabi is stored in the Louvre.

In this context, it is interesting to refer to G.G.Pochepstova, who quoted Frank Jeffkins, probably implied the ideas of his work Public Relations (London, 1992): "You can also say that the holy books of world religions are a form of public relations in which ancient scribes tried to convey an understanding of their faith" [7; 32]. Therefore, it can be argued that the scriptures of the main world religions that have survived to this day contain in one form or another the elements of modern PR, since the ancient scribes tried with their help to gain an understanding of their beliefs.

The heralds who have been widely circulated throughout the world, both in the East (hot) and in the West, have contributed to the birth of this sphere. The purpose of their activity was to disseminate information in crowded places - markets, squares, where, in addition to trade, public meetings were held, where socially significant information was publicized: on honoring famous commanders, on ambassadors who were in the city, on upcoming battles of gladiators, government orders. The latter often hid all kinds of political appeals, which we have the right to consider as structural elements of political PR.

These processes have become more dynamic, and the use of information has become more pragmatic since the inception of cities, where social life expanded, took various forms. The division of labor, the emergence of politicians, and the formation of political institutions - all taken together contributed to the increasing role of heralds in public life. In the same period, speakers began to appear who were highly respected in society.

Science and practice of antiquity have given excellent examples of the protoforms of PR. One of them was publicity, to which the rulers of those times willingly resorted. This is evidenced by the call "vote for Caesar. He is a good man, discovered by archaeologists during excavations of ancient civilization, which in 59 BC. was placed in the protogazette "Acta Diurna". To glorify the emperor's

achievements, the Commentaries of the same Caesar were widely distributed.

One of the most popular in ancient Rome was the saying "vox populi - vox dei" ("the voice of the people is the voice of God"). Not only the great scientists Socrates, Plato, Aristotle, but also prominent figures in political and public life (Demosthenes, Cicero) tried to achieve a positive attitude of people by using, in addition to logical evidence, psychological and emotional techniques to achieve a friendly disposition of listeners. Certain phrases and ideas that were present in the political dictionary of the ancient Romans, as well as in the writings of medieval scholars, resonate with modern concepts of the formation of public opinion. In particular, the well-known word "dialectics" meant at the time of its appearance coming to an agreement as a result of mutual discussion of the problem in question in the form of a philosophical debate.

In the activities of famous speakers, important rudiments of harmonizing relations in society were laid, which are now directly related to PR-technologies. The skill and art of influencing the masses, which have an ideological and psychological influence on them, formed opinions, perceptions, aspirations that prompt one or another action.

Such an impact could be exerted by the rhetoric that social need brought to life; the main trends in the development of this art correspond to the underlying political and philosophical processes. The historical excursus shows that there were two different trends in its development: on the one hand, the desire to create a system of functional interaction based on sound philosophical and moral foundations within the framework of the triad speaker - speech - audience; on the other, to turn rhetoric into a servant of politics. The tragedy of insolubility and at the same time the splendor of the insights of ancient rhetoric theorists lies in the fact that they tried to determine all the possible regulators that ensure the effectiveness of speech interaction. She began to flourish when the ability to speak publicly became an integral characteristic of a citizen. Aristotle defined rhetoric as "the ability to find possible ways of convincing with respect to each given subject", distinguishing three types of speeches: deliberative (which are intended to incline or reject some opinion), judicial and epidemic (which are intended to praise or censure something). Socrates noted that in this case, not novelty should be valued, but "the skill and brilliance of the performer, not the originality in choosing a topic, but the ability to excel in its development" [8; 40-41].

In conclusion, we note: PR communications, both in the past and in the present, helped not only to establish trusting relationships between people, various groups of the public, but also helped to navigate the environment. Now they help in the selection of goods and services, participate in political and social processes. The world is becoming more complex from year to year, where it's hard for individuals to do without the appropriate navigators, which are just PR and political technologies.

REFERENCES:

1. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра. Культура. 2003.
2. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад. 2019.
3. Боуз П. Стратегическое искусство Александра Македонского. Вне времени: урони строителя величайшей империи. - М.: «Олимп-Бизнес». 2005.
4. Пашенцев Е.Н. Паблик рилейшнз: от бизнеса до политики. 2-е изд. М.: Финпресс, 2000.
5. Королько В.Г. Основы паблик рилейшнз. М.: "Рефл-бук", К.: "Ваклер" - 2000.
6. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки, Вып. XXI. СПб. СПбГУ. 2004.
7. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М.: Рефл-бук: Киев.Ваклер. 2000.
8. Кондратьев Э.В., Абрамов Р.Н. Связи с общественностью: учебное пособие для высшей школы. М.: Академический Проект. 2008.

Rakhimova Gulbakhor Valijonovna

*Lecturer at Fergana Regional Center
of Public Education Training and Retraining Staff,
Uzbekistan*

IMPROVEMENT THE CULTURE OF USING MEDIA FUNCTIONS OF ADOLESCENTS

Abstract. The scientific article highlights the functions of shaping the culture of using media by adolescents and their quality formation in practice.

Key words: modern information, free use information, information force, and activity motivation.

Enhancing the pupil's world-view through modern sources of information, increasing his or her mind, is undoubtedly one of the main advantages of the 21st century. However, information circulating around the globe, including innumerable propaganda for adolescent personalities, contributes to the decline of moral standards and endangers the mental and physical health of the younger generation.

Nowadays, children have tremendous freedom of information. One of the main problems that students interact with in the information environment is their inability to distinguish between the good and the bad of the information; excessive access to information is the lack of information security. That is why the question of the ability to receive information has become the most important issue today.¹

In today's globalized world, information plays an important role in international and interstate relations.

The unanimous opinion is that the media evoke new ideas that are incompatible with the national mentality. Therefore, the media require and the development of a culture of media use in teaching and learning to identify what is important in educating students, controlling their influence, and establishing a culture of use.

We all see that modern information technology gives mankind tremendous opportunities. However, as with both sides of the coin, such technologies support the implementation of various destructive, malicious goals. Such words as "information war", "computer crime", "cyber terrorism", "information attack" are emerging in our language. Information can also be seen as a major means of provoking an information attack at

the hands of malicious people. The main reason for this is the ease and speed of information dissemination. Given the ever-evolving nature of information technology, it is easy to see that increasing awareness about the use of information not only for young people but also for older users is important. Today, even our mobile devices are connected to the Internet. According to scientists, 85% of the information is obtained by viewing information and the remaining 15% by hearing. Therefore, the role of television and the Internet in this regard is ever increasing.²

In the context of globalization, it is not only a positive impact, but also an understanding of the essence of the moral dangers posed by the media, the moral dangers posed by art. However, as the first President of the Republic of Uzbekistan I.A.Karimov wrote, "today, in some parts of the world, as a result of such actions, there is a great moral loss, the age-old values of the nation, national consciousness and way of life, morality, family and community life. And that their behavior is in serious danger".

As the scholars of the East said, "The greatest riches are intelligence and knowledge, the greatest legacy is good education, and the greatest poverty is ignorance!" Therefore, the acquisition of modern knowledge, genuine enlightenment and high culture must be a lifelong commitment for all of us.³

Education plays an important role in adolescence. They like independent forms of training. Successful adolescents in science, their interest, and the ability of the teacher to explain the teaching material in relation to children of other times are dependent on the subject.

¹ Ф.М.Кучукбаев, Д.Ф. Абдуазимова, Р.Х.Джураев, М.С.Диванова, М.Э.Иноятова "Ўқувчи шахсига салбий таъсир курсатувчи интернет сайтлари ва телекурсовларнинг уларда салбий ҳис-туйғуларни вужудга келтиришнинг олдини олиш бўйича профилактик коррекцион дастур". Тошкент-2016 й. 9 бет

² Ахборот кураши – ахборот хуружими? www.biznes-daily.uz. 6 февраль 2017йил.

³ (Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Олий Мажлисга Мурожаатномаси 2020 йил 24 январь)

Based on the learning needs, a gradual positive attitude towards learning disciplines is gradually formed. During this period, new motivations for learning are emerging. These motivations are related to the adolescent's life plans, future profession, and ideals. Since the early adolescence, children have a particular need and desire to expand their life, scientific and artistic knowledge.

The intensity of the information age, information security reforms, and the need to educate students to understand and accurately understand the essence of the information flow and the ability to sort information, to focus students' ideological competencies.

The following characteristics should be used to help students avoid the negative impact of the information presented on their students' motivation.

First of all, it is necessary to develop the skills of selection, analysis, use and perception of the information provided, and skills of critical evaluation. The ability to select information, to understand the content of the ideas presented in the information, to eradicate the ideological and negative aspects of the information, to create a culture of perception.

An educated child is respected by his peers. Knowledge gives adolescents a special joy and enhances their ability to think. Because of the large amount of material available to students during this period, it is difficult to remember or absorb it through repetition. To do this, it is important for the learner to analyze the content of the material and understand its logical structure. During this period, children develop their perceptions, attitudes and imaginations, but this development is unnoticed by themselves and those around them.

At the same time, the child's memory, speech, and thinking processes are rapidly developing. These changes will be significant to those around you. As a teenager, his or her self-awareness is expanding and deepening his knowledge of other people and the universe. The game's activity will gradually decrease and new activities will emerge. At the same time, the child's memory, speech, and thinking processes are rapidly developing. These changes will be significant to those around you. As a teenager, his or her self-awareness is expanding and deepening his knowledge of other people and the universe. The game's activity will gradually decrease and new activities will emerge.

As each person grows up, he usually has a tendency towards a particular type of activity, which can determine his or her way of life and destiny. Psychologists try to prove this tendency towards human activity on the basis of experimental conclusions. According to psychologist B.I.Dodonov, a person can achieve not only the development of all the virtues of proportionality, but also proportionality. As a person evolves, his or her different goals seem to compete with one another, and this conflict can be overcome by merging others around them. In other words, the fact that a situation takes precedence over a person's aspirations does not mean that he is restricting others, but that one of them is a leader. "It's a certain combination of the

individual's aspirations and others are united around their best leaders."

Thus, as an adolescent reader, as a direct observer of the media, the story is being imitated by different individuals in relation to events.

If the media product has a positive or negative impact, the emerging future will accept it as such. This is especially evident at younger ages.

Indeed, the purpose of education is to form a fully developed person and to train well-trained professionals. Upbringing fully developed individuals is a key factor in the development of society.

The following points should be considered when addressing such an important issue.

First, the need for teachers to use and equip teachers in the learning process with a wide range of modern media;

Second, to create a culture of student-youth attitude to the media as a source of knowledge and a culture of their use;

Third, parents in each family should be more active in educating their children about the media coverage of the information provided through the media and fostering a critical attitude towards the information presented and so on.

Therefore, it is important to instill in students a culture of media use that will not cause negative consequences as a result of the learner's motivation.

In the future, our main task is to protect students from the negative impact of their work on motivation, by enhancing the educational nature of the formation of a positive, responsive media.

The more the media outlets have been on the topics that are meant to foster youth, the more appropriate it is to take into account the demands of today and complement it with time.

REFERENCES:

1. Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Олий Мажлисга Мурожаатномаси 2020 йил 24 январь
2. Ахборот кураши – ахборот хуружими? www.biznes-daily.uz. 6 февраль 2017 йил.
3. Р.С.Касимов ва бошқалар. “Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Олий Мажлисга Мурожаатномасини ўрганиш ва кенг жамоатчилик ўртасида тарғиб этишга бағишланган илмий – оммабоп қўлланма” Тошкент “Маънавият” -2018й. 119, 243 бетлар
4. М.Пардаева, О.Мусурмонкулова, А.Қўшмонов., “Ўқитувчиларнинг таълим – тарбиясидаги муҳит: МУАММО ВА ЕЧИМ”. Ўзбекистон Республикаси Халқ таълими вазирлиги Республика Таълим маркази; Тошкент-2015, 152-бет
5. Ф.М.Кучукбаев ва бош. “Ўқувчи шахсига салбий таъсир кўрсатувчи интернет сайтлари ва телекўрсатувларнинг уларда салбий хис – туйғуларни вужудга келтиришнинг олдини олиш бўйича профилактик коррекцион дастур”. Тошкент-2016 й. 10 бет

THE ROLE OF HEADLINE IN INCREASING THE EFFECTIVENESS OF MEDIATEXT

Abstract. In this article, the headline is analyzed as a component of the text, and the theoretical types, functions and ways of expression are theoretically investigated. It also provided information on the topic by scholars who have done research on topics such as headline selection skills, title language, and style.

Keywords: headline, speech communication, reader, media, media text, content of the text, information, title, importance of headline.

There are a number of requirements for creating text, the most important of which is choosing a headline that fits the text.

Headline is the main position of the text. The function of this important element is to influence the addressee's admissions process. From the point of view of the headline, the approach to the title helps to understand the structure of the header and its features. It is important to consider the position of the recipient. Because each recipient is a separate person and takes the key points in the process of learning material through words.

As we know, the headline is the beginning of a dialogue between the author and the reader. The extent to which he/she grabs the attention of the reader (interviewer) is so relevant to the problem of information efficiency and effectiveness. "The headline is a very important and primary means of communicating with the reader. The more attractive it is, the faster and more effective it becomes"⁴.

Headline and introduction are the main means of determining the content of the text, representing the most important information in the text. It is precisely these elements of the text that serve as a basis for the reader to understand the text at first glance. The headline is a universal component of scientific, advertising, and the Internet through text-based media (publicist newspaper). Whatever the text is, the headline of the title is to help the recipient understand what the article is about, encourage it to accept the information, and help the reader understand it.

In fact, the headline is an important element and should be chosen in a compact manner that is consistent with the content of the text. In the book "Тараққиёт мезони" (Criteria of Development) by scholar Yu.Khamdamov, this is the view: "In addition to the language and style of journalism, the headline is also an important element. The headline is the title of a specific article, which is selected based on the content of the article. The headlines should be short and compact. There is a tendency for headlines in the materials of the republican newspapers"⁵.

Modern journalism emphasizes that the headline is one of the main elements of the media text. Despite its outward simplicity, the headline reflects various

facets of reality: the author's personal priorities, editorial positions, political and ideological attitudes, cultural values, technical capabilities of the print publication, and so on.

Many researchers prefer not to emphasize the role of the title in the modern media text, it is spoken about in passing, the wording is given in a vague form, after which the authors switch to the classification and function of the title. The role of the headline by S.M.Gurevich is most detailed. He writes that "Headings of publications in a newspaper are an integral element of its design. The face of a periodical depends in many respects on their nature and design. Their most important function is to attract the attention of the reader. The headings help him quickly familiarize himself with the contents of the issue, understand what his publications inform about, what is important in the information that he is offered, which is of particular interest to him"⁶. He believes that the ability of newspaper designers to use headings in the next issue often determines the reader's decision - to read those publications whose headings aroused interest in him, or to put the number aside. Newspaper practice gives numerous examples of how, as a result of poor choice and design of headlines, the effect of important newspaper speeches on readers is sharply reduced: they do not notice a meaningful article with an incorrectly selected, inexpressive, illiterate heading. Conversely, a bright headline, which attracted the reader with its content and form, prompts you to read the text following it or to consider the illustration below it. It plays the role of a hook, swallowing which, the reader gets acquainted with his "catch" - the entire publication.

Today, no publication can do without a headline, but its role has grown significantly since the first headings appeared. Now this is not only navigation, and not even information about the text, but a way of attracting the reader's attention and encouraging him to read this or that material.

⁴ Тошмухамедова Л. Сарлавҳа услубияти. – Т.: —Фан ва технология, 2008. – Б.23

⁵ Хамдамов Ю. Тараққиёт мезони. – Т., —Ўзбекистон, 2013. – Б.204

⁶ Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра. Учебное пособие для вузов / С. М. Гуревич, - Москва: Аспект Пресс, 2004.

Z.M.Turaeva believes that each headline has three main functions⁷:

- 1) nominative
- 2) information
- 3) advertising.

S.P.Suvorov in the article "Peculiarities of the style of newspaper headlines" defines the function of the headings as follows:

- 1) to separate one message or one material from another;
- 2) to draw attention to a particular material;
- 3) briefly inform the main content of the posted material;
- 4) interest the reader;
- 5) have a certain emotional impact on him.

Researchers, in particular T.G. Dobrosklonskaya, note that in the field of mass media "the traditional definition of text as a combined semantic connection of a sequence of symbolic units, the main qualities of which are connectedness and integrity, goes beyond the verbal level, approaching a semiotic interpretation of concepts, implying a sequence of any, not just verbal, signs. The text in the media sequentially unfolds at once on several levels: verbal, video-graphic and sound level, forming a single whole"⁸.

The more lines in the headline, the more difficult it is to type it correctly. The multiline heading, typed in large print, occupies a very large area on the strip and as a result forms a dark spot that needs to be balanced. For this reason, multi-line headers are recommended in smaller fonts. In addition, the use of multi-line headings is hindered by the presence of additional headings of different levels (sub-heading, headings, etc.).

Thus, we can conclude that the headline is one of the main elements of modern mass media, as it is considered as a visual image, a separate text and carries a nominative, informative, dividing, advertising, integrative and evaluatively expressive functions. At the same time, depending on the type of text, the headline will highlight either an informative, evaluative-expressive, or advertising function. By the degree of predominance of the function, one can judge the types of heading - non-informational or informational.

In our opinion, the main function of the headlines of modern media is to attract the attention of the reader, interest him and arouse the desire to continue reading. Therefore, the characteristic features of the headlines are considered originality and catchiness.

Thus, the headlines of the media can relate to the text of the article directly (to reflect its main idea and content), or indirectly, peripherally (to be a simple addition to the content of the article).

It should be noted that the headings also vary in structure type. Researcher A.V.Kolesnichenko proposes to distinguish between nominative and predicative headings. Nominatives are just a combination of words (several nouns, or noun + adjective). However, such a headline may be accompanied by a subheading for a more complete understanding of what happened: "A nominative headline usually contains an assessment of the news and is accompanied by a subheading - a common sentence outlining its essence"⁹. Whereas a predicative headline is a whole sentence or a group of them. Such a title is independent and does not require detailed decryption, additions. In the process of studying the newspaper headline, it was found that usually the nominative headline is used over large, expanded articles, while the predictive headline is used in short news.

In the newspaper headline methodology, "The title must always be clear and concise. One headline for newspapers should always be the same as the headlines on other pages, not duplicates, but with the same language and style"¹⁰.

By the way, choosing the title requires great responsibility from the author. After all, the chosen title is primarily relevant to the text, ensuring the title and text compatibility, shaping the reader's initial perception of the text, as well as informing the reader about the text, explaining, encouraging, instructing the reader, as well as various additional functions. In a word, the titles should be not just the title of the material, but the full meaning of the author's ideas and purposes, as well as the development of different approaches to the text.

Well-known publicist A.Meliboev in his book "Forty-Five Station" comments on the peculiarities of choosing a headline for the material: "Finding a headline in a newspaper is half an achievement. I don't know what the other colleagues are saying, but in my lifetime, I have found that finding a good headline is not an easy task. Sometimes you finish writing a large article, copy it, edit it, but you don't know how to name it".¹¹

The headline allows the reader to select information texts and distinguish them from each other. In this case, journalists have a special responsibility. That is why it is important for future writers to get acquainted with the newspaper headline methodology and gain experience.

Headline must meet the following requirements:

- Short (as short as possible);
- Visible;
- Reassuring;
- Written in modern times;

⁷ Тураева З. М. Лингвистика текста: структура и семантика: учебное пособие / З. М. Тураева, – Москва: Просвещение, 1986. – 54 с

⁸ Добросклонская Т.Г. «Язык средств массовой информации»: науч. изд. / Т.Г. Добросклонская, – Москва: «КДУ», 2012. – 48 с.

⁹ Колесниченко, А. В. Практическая журналистика. Учебное пособие. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. — 180 с.

¹⁰ Тошмухамедова Л. Сарлавха услубияти. – Т.: —Фан ва технология,,2008. – Б.33

¹¹ Мелибоев А. Қирқ бешинчи бекат. – Т.: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2008. – Б.52

- Interesting
 - Attractive;
 - Rough or misleading - word play, use of pen
 - To have a "musical" jar with rhythm, rhyme, alliteration;
 - Typographic differences in the main text. Font, background, and more.¹²

The headline is a full-fledged component of the newspaper text, included in it and associated with other components of the whole work. Anticipating the text, the heading carries certain information about the content of a journalistic work. The headlines of the newspaper strip are emotionally colored, arouse reader interest, and attract attention. The headline is perceived as a speech element that is outside the text and has a certain independence. The importance of the title in terms of impact on the reader is determined by the fact that, along with the conception and ending of the text, it occupies a stylistically strong position. It is these components of the work that attract the most attention; information contained in the title, conception, ending, is assimilated in the first place.

In short, people are primarily interested in their problems and needs. If the headline provide directly or indirectly serves those needs, the reader will be more likely to read the caption text. In any case, the title can be specific. But the principles of how the titles affect

the audience are general. Given these principles, your exposure rate will increase several fold.

REFERENCES:

1. Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра. Учебное пособие для вузов / С. М. Гуревич, - Москва: Аспект Пресс, 2004.
2. Тураева З. М. Лингвистика текста: структура и семантика: учебное пособие / З. М. Тураева, - Москва: Просвещение, 1986. - 54 с
3. Суворов С. П. Особенности стиля английских газетных заголовков. Язык и стиль: учебное пособие / С. П. Суворов, - Москва: Просвещение, 1965. - 27 с
4. Добросклонская Т.Г. «Язык средств массовой информации»: науч. изд. / Т.Г. Добросклонская, - Москва: «КДУ», 2012. - 48 с.
5. Колесниченко, А. В. Практическая журналистика. Учебное пособие. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. — 180 с.
6. Тошмухамедова Л. Сарлавха услубияти. — Т.: —Фан ва технология, 2008. — Б.33
7. Мелибоев А. Кирк бешинци бекат. — Т.: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2008. — Б.52
8. Colin Macfarlane. Hit the Headlines Exciting journalism activities for improving writing and thinking skills. © 2012.P. 150.

Khasanova Gulsanam Khasanovna

PhD in Pedagogical Sciences,

Senior Lecturer at Journalism and

Mass Communications University of Uzbekistan

MAIN TRENDS OF MODERNIZATION OF EDUCATION SYSTEM: NATIONAL AND INTERNATIONAL ANALYSIS

Abstract. This work is dedicated to one of the most pressing issues of today - the study of the formation and development of the national education system, study and comparison of experience the functioning of educational systems. Based on an analysis of the current state of education system of the Republic of Uzbekistan, practical proposals were developed for further improving the prospects of education system based on international experience.

Keywords: *integration of education, quality of education, science and industry, international analysis, continuity of education, competence, professional skills, labor market.*

One of the priorities for reforming, improving and enhancing the quality of education is to share best practices with the world's leading countries, to actively participate in global education, and to overcome the artificial barriers faced by teachers and students.

At the present stage, under conditions of accelerated socio-economic development of the world community, further progress of science, technology and culture, each state pays close attention to improving the requirements for content and quality, forms and methods of teaching in the education system [5].

Today, scientific and technological progress has not only compressed time and reduced distances. It pushed the boundaries in the field of international

communication, contributed to a deep understanding of the world experience in the organization of education. Therefore, starting to reform the Uzbek system of education, it is necessary not only to seriously study the national educational experience, unique and significant in content, which has absorbed the best of the cultural heritage of our peoples, but also the educational achievements of other countries that have centuries-old, progressive in many relationship of tradition [4].

In Uzbekistan from the first years of independence, a special attention has been paid to radical reform of the education system, to the education of our children at the level of international standards, to acquire modern knowledge and skills, to grow up

¹² Colin Macfarlane. Hit the HeadlinesExciting journalismactivities forimproving writing and thinking skills. © 2012.P. 150.

physically and spiritually mature, to reveal their abilities and talent, intellectual potential, loyalty and self-sacrifice. Presidential Decree "On the Strategy for the Further Development of the Republic of Uzbekistan" of 7 February 2017 sets out a set of tasks for the social sphere, in particular, in the areas of education and science [1].

Issues of development of education depend largely on the study of the world experience. The educational system of each country has its own specifics, expressed in actual goals and objectives, methods and forms of training of students, the material basis of features, the system of selection and training of students, staff and others. The world experience of training is useful to study all regardless of the level of material welfare of the population, social and economic development of the country analysis of international experience is becoming the most important resource of modernization of education.

Globalization and international integration are both a joint process of work and a process of struggle of developing countries to protect national interests. The development of education is considered a key objective of strategic socio-economic development. The educational system, programs and teaching methods in the country are changing in order to eliminate any division in schools, to provide modern knowledge, to meet the new requirements of society [11].

In the world, special attention is paid to the study of the development strategy formed on the joint learning strategy, conceptual features and the main directions of modernization of the education system, modern and global trends and reforms in the education system, comparative analysis and the dynamics of education systems. In this context, the need to eliminate errors in the organizational and pedagogical process of education through the exchange of best practices, as well as the development of new approaches, technologies and principles, is explained.

The Strategy for the Further Development of the Republic of Uzbekistan sets the task of further improving the "education system, increasing the availability of quality educational services, increasing the effectiveness of mutually beneficial cooperation in realizing the tasks of the country's socio-political and socio-economic development" [1].

Given the leading principles and experience of developed countries, Uzbekistan has developed its main directions in the development of education. They include the following [7]:

- identification of specific trends in the development of education;
- the creation of new types of educational institutions adapted to modern technologies, the creation of new e-learning plans, electronic journals and textbooks;
- creation of material and spiritual conditions for the free creativity of youth;
- development of professional skills in the face of changing economic needs;

– integration of Uzbekistan into world educational standards.

The state pays particular attention to further improving the system of continuing education, providing quality educational services, training highly qualified personnel in accordance with modern requirements of the labor market. In recent years, in the process of reforming the education system, a solid legal, organizational, material and technical base has been created in the country, which contributed to the renewal of the education system and the upbringing of the developed young generation [10].

In order to improve education system on the basis of international best practices, to train qualified and competitive personnel for the labor market, a Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated September 6, 2019 "On additional measures to further improve the vocational education system" was adopted. From the 2020-2021 academic year, a new system of primary, secondary and secondary-specialized, vocational education and differentiated educational programs will be created corresponding to the levels of the International Standard Classification of Education.

The President's Decree "On measures to radically improve the system of general secondary, specialized-secondary, vocational education" of January 25, 2018 identified important tasks in the system of training personnel in the field of vocational education [2]. It is planned to train qualified specialists capable of applying modern information and communication technologies, which are in great demand in the respective sectors. These specialists should be trained taking into account the prospects and priorities of the economy, modern technical and technological trends, and be fluent in at least two foreign languages. In addition, the decree provides for the coordination of the professional skills of graduates of professional colleges with the aim of fundamentally improving the quality of training of specialists in the fields of economics and sectors, taking into account the real needs of the staff, the employer's proposals.

The formation of the pedagogical process aimed at the development of moral and ethical qualities based on the rich scientific, cultural and spiritual heritage of the people, the development of these qualities in the spirit of patriotism and devotion to the ideas of national independence, the formation of the young generation using modern pedagogical technologies and approaches are defined as leading tasks.

The decree also provides for the development of comprehensive cooperation with leading local and foreign educational institutions, the attraction of highly qualified foreign specialists in the field of vocational education for the joint implementation of modern innovative training programs. Compliance with national standards of vocational education in the classification of international education standards, the harmonization of international qualification requirements and the gradual adaptation and recognition of national qualifications to international peers are envisaged. It also emphasizes the importance of effective integration of the non-formal education

system with the state education system, the systematization and further implementation of accumulated experience in organizing a differentiated educational process, as well as vocational training, as well as component general education.

Based on the analysis, it can be concluded that the system of general and professional education in Uzbekistan is characterized by rapid development. The analysis showed that at different stages of the country's development, professional training solved urgent problems. Like any other, the system of professional education with all indicators of its development is a copy of the dynamic changes taking place in society.

Currently, Uzbekistan is implementing reforms based on new approaches, which is an important factor in the development of the professional education sector. This gives each employee of the education system a high responsibility for constantly improving the quality of education in accordance with the modern pace of development of science, technology and production.

At present, international experience in the development of education and vocational training, as well as experience in interacting on these issues, the creation of a more advanced and relevant professional education system in the modern world are needed [10].

The experience of developed countries shows that in the preparation of highly qualified and competitive personnel, the following factors are crucial:

1. Mutually beneficial relations between education, science and industry.
2. A variety of educational institutions and professional education programs, their latest achievements in science and technology, the use of the highest standards and manifestations of economics and technology.
3. Transformation of the vocational education system into a priority and profitable economic zone.
4. Providing educational institutions with modern educational and methodological literature, creating their material and technical base and strengthening their financial indicators.
5. Attracting highly qualified teachers and specialists to the education system.
6. Informatization and computerization of the educational process.
7. Implementation of a quality management system and an objective monitoring system.
8. Conducting psychological and pedagogical research on personality development, measurement, quality and behavior, the ability to evaluate skills and professionalism.
9. Encouraging teachers to provide material support and social protection.

Foreign experience in the field of education and professional training deserves special attention, since a international analysis and identification of specific approaches to the content of education make it possible to highlight the prerequisites and trends in the formation of a single educational space.

The use of foreign experience in national system of training highly qualified personnel will give a positive effect only if the specifics of the Uzbek education are preserved.

REFERENCES:

- [1] Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated February 7, 2017 "On Strategy for the Further Development of the Republic of Uzbekistan", Collection of Laws of the Republic of Uzbekistan, 2017, No. 6, Article 70, Article 20, Article 354, Article 23, Article 448, Article 37, Article 982.
- [2] Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On measures to radically improve the system of general secondary, secondary special and vocational education". Tashkent, January 25, 2018 People's word. January 26, 2018 №17 (6975)
- [3] Узбекистан Обзор системы высшего образования (адаптировано с Европейской/Эврики) Erasmus+. Февраль 2016 г.- С. 4
- [4] Development of education system in Uzbekistan. 2000-2004. UNDP Statistical bulletin. 2005. - P. 9
- [5] Khasanova G.Kh. Vocational education systems of Uzbekistan and Japan: a comparative analysis // Handbook – Lambert Academic Publishing, 2019. –P10-11
- [6] George F. Kneller. Introduction to the Philosophy of Education. New York: John Wiley and Sons, 1971. -P. 20-21
- [7] Yuldashev D. // Education in Uzbekistan.- <http://www.tashkent.org/uzland/educate.html>.
- [8] Mushtaq. S. Contemporary Educational System in Uzbekistan. / International Journal of Social Science and Humanities Research. T.: 2015.-P.131.
- [9] Education for All 2015. National Review. - P.6.
- [10] Таълимда илгор хорижий тажрибалар. Ўқув-услубий мажмуа. ТДПУ. Т.: 2016 йил. – С.22-32
- [11] Бюллетень о сфере образования. Выпуск № 11. Март 2017. Реформа среднего профессионального образования (отечественный и зарубежный опыт). Россия. 2017. - С. 21-22.

A METAPHOR IN THE POETRY OF AZAM UKTAM AND MINKHOJIDDIN MIRZO

Abstract. This article analyzes the metaphors in the poems of famous poets Azam Uktam and Minkhojiddin Mirzo.

Keywords: portable value, metaphor, metonymy, lexical unit, semantic essence.

In literary discourse, the word serves to represent both the nominal meaning and the connotative meanings. The more versatile and unpredictable aspects of the word can be, the more artistic it is, and the potential for creativity.

"The name, sign, or use of words in a literal sense is called trop (portable value) to enhance the artistic value, expressiveness of a literary work"¹³. Portables usually enrich poetry, creating new words or phrases that express new content, allowing the poet to express his attitude toward the object of his image. The poet individualizes the subject of the picture by means of the passages and opens it more clearly and brightly: the reader has an image of it"¹⁴.

The linguistic nature of poetic portables in modern poetic discourses, in particular metaphor, metonymy, the artistic and aesthetic and semantic nature of irony, their grammatical and stylistic features are important.

One of the most widely used methodological tools in fiction is metaphor. In particular, the role of metaphor in creating images in poetry, creating clear, convincing and vivid images. In his poems, Minkhojiddin Mirzo effectively uses metaphors to reveal artistic and aesthetic meanings.

There are two types of linguistic phenomena through metaphor:

- 1) naming an object,
- 2) renaming an item (second name)

The need to name an unknown thing can create a new seam of the word. In the second case, the existing name appears when the speaker fails to provide the same speech environment.¹⁵

M.Yuldashev categorically divides metaphors into three groups:

- 1) usual metaphors
- 2) revival metaphors
- 3) synesthetic metaphors.¹⁶

A.Khasanov emphasizes that the revival event should be studied not as a metaphor but as a separate independent visual instrument.¹⁷ E.Khudoyberdiev uses the term "living metaphor".¹⁸ M.Kasimova welcomes the "live metaphor" from the linguistic point of view that revival is based on this "live metaphor"¹⁹ and M.Yuldashev classification as follows:

- 1) usual metaphors,

- 2) live metaphors,
- 3) synesthetic metaphors.

We also considered the classification of M.Kasimova as a logical need for classification laws.

A. A typical metaphor.

Azam Uktam:

*Қалб бор манов ерда, унда бор туғун,
Сўзим хоҳ тушунма ва ё хоҳ тушун,
Сенга рост сўзлагим келяпти бугун,
Фаришта эмасдир даданг ҳам, Тумор.*

In the pragmatic sense, the word *tugun* "knot" can be distinguished from the following:

- 1) to tie,
- 2) can be solved,
- 3) the sum of the necessary and unnecessary things,
- 4) can be discarded

The lyricist points to the pain of the painful past that can be abandoned by the notion of a "knot in the heart" that traces a painful past that can be "thrown away" and "blows away" feelings of guilt. The phrase "not your angel is your angel" helps us to understand this more clearly.

B. In a living metaphor, "Characteristics of the person and the living being are transferred to natural phenomena, objects and concepts." It is common in the works of our poets to bring nature events into the lyrical heroic spirit. In particular, Minkhojiddin Mirzo effectively uses live metaphors in his poems to create artistic and aesthetic meanings. In his poem "The Morning of the Village", the mood of a lyric hero with a heart full of joy is illustrated by reviving scenes of nature.

Minkhojiddin Mirzo:

The Morning of the Village

*Қайгадир шошилар, анҳор тўла сув,
Мажнунтол соч ювар ором не билмай.
Булбулни туш қўрар қизил гул – сулув,
Райҳонлар шеър ўқир бедор, ухламай.
Юлдузлар маҳлиё бўлиб аксига
Кўзларин қисади ангорга боқиб.
Саболар соз чалар гуллар рақсига
Булбуллар дилида рашиқ ўтин ёқиб.
Кўзларин ишқалар уйқуга тўймай,
Тун бўйи тўлғониб чиққан ялтизлар.
Қалбидан учуриб орзуларини,*

¹³ Шомақсудов ва бошқ. Ўзбек тили стилистикаси. Т., Ўқитувчи, 1983 й. 236-б.

¹⁴ Бобоев Т Адабиётшунослик асослари. Т., Ўзбекистон, 2002 й. 325-б.

¹⁵ Қобулжонова Г. Метафоранинг системавий лингвистик талкини. Филол. фан. номзоди...дисс. автореф. Т., 2000 й.

¹⁶ Йўлдошев М. Чўлпон сўзининг сирлари. Т., Маънавият, 2002 й.

¹⁷ Хасанов А. Абдулла Қахҳор ҳикоялари тилининг бадииятини таъминловчи лексик-стилистик воситалар.

¹⁸ Худойбердиев Э. "Адабиётшуносликка кириш" Т., 2003 й. 139-б.

¹⁹ Қосимова М. Ўша жойда

*Айвонда жилмайиб ухлайди қизлар.
Теракнинг шохиди гуррак гуриллаб,
Офтобни чақирар кўзлари кулиб.
Чинорнинг шохиди мизгиган шамол,
Тунроқ кўча бўйлаб кетар югуриб.
Атиргул шохидан узганим гунча,
Ариқда хушлашиб кетади оқиб.
Қўшни қиз қўлида қаймоқ кўтариб
Субҳидам чиқади шу гулни тақиб...*

To "sleep" is only human, and to "run" is to act as a human and an animal, that is, to a living being. The poet extends the semantic capacity of the verb by applying them to the wind. Bubbling live metaphors like "rush of water", "hair washing", "dream of a nightingale", "poetry recitation", "winking stars", "jealousy in the nightingale of nightingales" it promotes emotional dyeing in describing the condition by creating. Many poems by Minkhojiddin Mirzo in his poems illustrate the harmony of human and nature, and enhance the conceptual-aesthetic function of lexical units.

Minkhojiddin Mirzo:

*Кашта тикар оппоқ атиргул,
Тизасида япроқ – кўк шойи.*

Or:

Мажнунтолнинг сочларин ўриб

Ғир-ғир эсар парвона еллар.

While the lively metaphors in the lines of Minkhojiddin Mirzo provide a lyrical mood, the paintings of nature by Azam Uktam remind us of strong social and psychological relationships.

It should be noted that G.Mukhammadjanova analyzes how Azam Uktam is able to make unique images using vivid visual aids based on live metaphors. [See: G.Mukhammadjonova, "Linguopoetic research of Uzbek poetry in the late 1980s and early 1990s."].

"In Azam Uktam's works, the nature is characterized by the figurative reflection of nature, not a direct reflection of the landscape. It reflects the natural phenomena of the person and the ability to feel, to act, even to live, as in a human being".²⁰ Especially in the poem "Пишиқчилик" (Ripening period), live metaphors that carry pragmatic meanings have been able to bubble up the image.

Azam Uktam:

Ripening period

Тегирмон шодланиб айтар ашула –

Тўлишган бугдойга қучоги тўлар.

Уни ўйлай-ўйлай

жонидан тўйган

Бугдойлар қовоғин очмасдан келар.

Овози борича ҳайқирар тандир:

"Қийқиринг, болалар:

Ризқингиз бутун!"

Нон юзи қизарар жилмайданидан,

Жилмаяр қизариб кетгани учун.

Бу пайтда

Бугдойзор чиқармай нафас,

Тегирмонни ўйлаб, сесканиб кетар.

У эса

Тумтайган бугдой ҳақида

Энтикиб-энтикиб қўшиқлар айтар.

According to the principles of system-structural linguistics, the meaning of any word consists of several small meanings. In the metaphor, one of the existing semas in the word is taken as a leader and applied to another subject or person. At the same time, the common designation for those subjects remains in the concept.²¹

The metaphorical emphasis on the metaphorical combinations of "joy of the mill", "full wheat", "saturated wheat", "drifting wheat", "shouting of the stove", "shaking the grain", "the whistling of the mill". For example, the wide openness of the tandoor can cause the person to shout, the wind vibrations in the wind, the physiological state of the person, and the noise of the mill's sound resembles that of the singing.

Azam Uktam:

Ҳайбатидан дол бўлиб

Турибман настда шу чоғ.

Атай бу ҳолим билиб-

Хўмрайиб қарайди тоғ.

Or:

Қўқонда аския қилаётгандек

Туялади ҳатто чойхоналар ҳам.

Энгашиб гап ташилар пиёлаларга,

Гўёки қиқирлаб чойнаклар бу дам.

Чолларнинг соқоли хушнуд силкинар

Янги бир пайровга шайланар лаби.

Пиёла чайқалиб кулар қўлларда,

Узоқ наиъа қилар чойнакнинг гапи.

In a beautiful image based on national color, the teapot and the details of the bowl served as a vehicle to describe the cheerful mood of the old men sitting in the tea room.

Thus, the poets try to express reality in a new, unique way, without duplicating the other creator by using the language material specifically in the poetic speech.

References:

1. Шомаксудов ва бошқ. Ўзбек тили стилистикаси. Т., "Ўқитувчи", 1983 й. 236-б.
2. Бобоев Т Адабиётшунослик асослари. Т., "Ўзбекистон", 2002 й. 325-б.
3. Қобулжонова Г. Метафоранинг системавий лингвистик талқини. Филол. фан. номзоди... дисс. автореф. Т., 2000 й.
4. Йўлдошев М. Чўлпон сўзининг сирлари. Т., Маънавият, 2002 й.
5. Ҳасанов А. Абдулла Қаҳҳор ҳикоялари тилининг бадиятини таъминловчи лексик-стилистик воситалар.
6. Худойбердиев Э. "Адабиётшуносликка кириш" Т., 2003 й. 139-б.
7. Қосимова М. "Бадий нутқ индивидуаллигининг лингвистик хусусиятлари

²⁰Мухаммаджонова Г. «80-йиллар охири, 90-йиллар бошлари ўзбек шеъриятининг лингвопоэтик тадқиқи» филол.фан.номз... дисс.

²¹Ирискулов М. Тилшуносликка кириш. Т., Ўқитувчи, 1992 й.

(Тоғай Мурод асарлари асосида)» мавзусидаги номзодлик дисс. 2007 й.

8. Худойбердиев Э. Адабиётшуносликка кириш. Т., 2003 й.

9. Муҳаммаджонова Г. «80-йиллар охири, 90-йиллар бошлари ўзбек шеъриятининг лингвопоэтик тадқиқи» филол.фан.номз... дисс.

10. Ирискулов М. Тилшуносликка кириш. Т., Ўқитувчи, 1992 й.

УДК 81.

ГРНТИ 16.21.07

Hajiyeva T.I.

*doctor of Philology, assistant professor
Baku Engineering University*

ARTISTIC THINKING AND LANGUAGE AS A METALINGUISTIC PROBLEM

Гаджиева Т.И.

*доктор филологических наук, доцент
Бакинский инженерный университет*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК КАК МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Summary. The article explores the meaning of literary notion, artistic thinking and language from the metalinguistic aspects of the language. It is noted that such approach to the problem also raises the question of whether the literary genre of the actual problems of modern philology is a thought or linguistic phenomenon, and the fact that the language is a problem of philosophical thought is not a synonym for the content of the work, its poetic characteristics. The fact that different poetic terms, period, ethnos, genre requirements and diversity do not affect national poetic thinking, mentorship, presence of conscious, coded literary language, special expressions and expressions, different level language units in national poetic thinking.

It is believed that various styles and levels of artistic sources linguistics, literary criticism, studying philosophy and other social sciences linguopoietic analysis, which proves the connection between language and consciousness, speech and thinking, is also a derivation of metallurgistics. At the same time, the linguopoietic analysis of folklore and classical poetry shows that the literary language is directly related to the national mentality: psychological parallelism is the beginning of syntactic parallelism; verily, its material shell is closely related to the content, poetic characteristics, and other factors. The meaning of the concept in the literary language should not be regarded as aesthetic value but also as a metallurgical condition, since it is the appropriate relation between judgment and sign.

Резюме. В статье исследуется значение литературных представлений, художественного мышления и языка с металингвистических аспектов языка. Отмечается, что такой подход к проблеме также ставит вопрос о том, является ли литературный жанр актуальных проблем современной филологии мыслительным или лингвистическим феноменом, а тот факт, что язык является проблемой философской мысли, не является синонимом Содержание произведения, его поэтические характеристики.

Тот факт, что различные поэтические термины, период, этнос, жанровые требования и разнообразие не влияют на национальное поэтическое мышление, наставничество, наличие сознательного, кодированного литературного языка, специальных выражений и выражений, языковых единиц разного уровня в национальном поэтическом мышлении.

Считается, что различные стили и уровни художественных источников лингвистики, литературоведения, изучения философии и других социальных наук, лингвопоэтического анализа, который доказывает связь между языком и сознанием, речью и мышлением, также являются производными от металлургии. В то же время лингвопоэтический анализ фольклорной и классической поэзии показывает, что литературный язык напрямую связан с национальным менталитетом: психологический параллелизм является началом синтаксического параллелизма; воистину, его материальная оболочка тесно связана с содержанием, поэтическими характеристиками и другими факторами. Значение понятия в литературном языке следует рассматривать не как эстетическую ценность, а как металлургическое условие, поскольку оно является надлежащим отношением между суждением и знаком.

Keywords: *metalinguistic, artistic thinking, national language, meaning, folklore, ashug poetry, classical poetry*

Ключевые слова: *металингвистика, художественное мышление, национальный язык, смысл, фольклор, ашугская поэзия, классическая поэзия*

Formulation of the problem. The importance of form and content unity in literary criticism has been widely discussed, and this conclusion has been widely accepted by most researchers. However, the fact that

the artistic thinking is not fully influenced by the language environment is a scientific, more accurate, ecolinguistic fact. This factor contributes to the relevance of research.

Analysis of recent research and publications.

Factor in the twentieth-century literary criticism, the term "Meaning of Meaning" is the result of mentalistic analysis of the literary language. The term "meaning of meaning", which eventually forms a harmonious relationship between judgment and sign, is a term that can be explained by the combination of linguistics and other social sciences. English critic I.A. Richard, explaining the essence of this term, opposes the notion that the meaning of the term is purely aesthetic, and rightly considers it a "psychoanalytic condition" [1, p. 59].

Highlighting previously unresolved parts of a common problem. Whether the literary genre is a thought or a linguistic phenomenon requires that the problem be studied in terms of language and consciousness, speech and thinking. This is the first time this article has been explored as a problem of literary thinking and language.

Research Methodology. The article was conducted using empirical, descriptive, comparative, comparative, comparative, hierarchical methods of analysis.

The purpose of the study is to show that the differences in poetic terms, the requirements of the period, ethnos, genre and diversity do not influence the way of national poetic thinking and mentorship, to explain the existence of conscious, coded literary language, special expressions in our national poetic thinking. Such an approach to problem also illuminates the question of whether the literary genre, or language, of a controversial issue of modern philology is to some extent controversial.

Statement of the main material. The fact that language is also a problem of philosophical thinking necessitates such a metalinguistic approach to the content of the work, its poetic characteristics, and the smallest unit of the language.

In our view, the words "meaning of meaning" do not create a tautology or duplication, but serve as a clear explanation of the idea as synonyms. This reasoning can be seen more clearly in the example of onomastic units and expressions that serve to describe and unravel. For example, the terms "Baku" and "Land of Fire" have different meanings, although they have the same meaning. This is because the difference in the forms of expression is the result of scientific and artistic thinking encoding words, words, words and phrases. While the first expression is purely nominative in nature, the second expression is a product of analytical thinking. Expressive expressions that serve as descriptive or metaphorical meanings should be regarded as a philosophical and artistic reality. A clear example of this is the use of the concept of "love", "Jabbaru Jami", "Janan" in the metalinguistic confrontation of written poetry and folklore literature, which is the object of research.

Folklore, which is the most obvious consequence of artistic national thinking and, therefore, the most favorable object for metalinguistic, is such a wealth that changes in the results of historical processes are reflected here. Since the stages of creation, transmission, and actualization are an absolute and characteristic feature of all genres of folklore, it is a product of national thinking. Folklore is a phenomenon that is metalinguistic and at the same time ethnographic, psychological, aesthetic, sociological, mystic, and other source of national identity. That is why any author of the socio-philosophical, religious-philosophical, mythological, psychological, culturological, sociological research cannot ignore this source. This peculiarity makes it a subject of research for the content and philosophy of folklore genres for modern scientific searches.

It is scientific fact that ashug art, a unique folklore genre, is an example of oral and written art, with both classical and modern examples, and the emergence of other folklore genres. For this reason, although the study of classical ashug creativity in folklore has not been very high in recent years, the idea that it has been considered a "top-to-bottom folklore phenomenon" in scientific literature [2, p.140] shows how important Ashig's poetry research has been for philology, including linguistics. confirms.

It is well known that the linguistic study of the language of classical ashug poetry can be considered important to clarify some issues in terms of language history. In the history of the development of each national language, folklore plays a special role. The scientific legitimacy is that the importance and role of folklore in linguistics have been interpreted in various aspects, and the important role of folklore in the development of national literary language as a functional method has been unanimously recognized in these studies.

The content and form of Ashug's poetry, that is, the national expression of national thinking, and the richness of the language, provide many opportunities for its exploration, not just for one, but for many purposes. From this point of view, the study of classical ashug poetry on religious and philosophical content is of particular importance. Conducting the research from this point of view demonstrates the interconnection of folk and classical poetry with philosophy and content, the similarity and the diversity of expressions, and demonstrates the richness of the forms of public and poetic thinking.

It should be noted that the ashug art, which has a long history, is important not only in linguistics but also in many humanities. As ashug art has played an important role in the aesthetic upbringing of the people for many centuries, and does not go beyond political, social and moral issues, the study of ashug poetry also allows to speak about the history of people's thinking. Since the emergence of ashug art, they have responded to religious and philosophical issues, theological and social processes, and have developed various traditions of dervish and shamanism in different contexts.

Since the emergence of ashug art, they have responded to religious and philosophical issues, theological and social processes, and have developed various traditions of dervish and shamanism in different contexts. In this regard, in the article of folk scholar A.Nabiyev "Ashug art in Azerbaijan" we consider it appropriate to replace the word "only" with "more" in the phrase "Ashug art lived in the early XI-XII centuries and continued the tradition of mourning in the various sects of Islam" [2, p.138].

Although the earliest examples of Azerbaijani ashug poetry are related to the Gurbani, it is undoubtedly that many Ashugs were created and created by him. The ashug poem, which began with the Gurbani, is a literature that has been developed and enriched on its ancient roots. Inspired by the ashugs, it is at least Dede Korkut. Dede Korkut's poems are considered to be the great grandfather of the Ozan who has come to us. At a time when the prose was still in full swing, Korkut created patterns and the Ozans who followed them continued this art. Ozan, whose poems did not reach us between Dede Korkut and the victim, prepared the ground for the ashug art. Light is a continuation of the art of Ozan. Inheritance in the historical philosophy of the art of ashug, or, conversely, the etymological richness of the understanding, led to the interpretation of the expression "ashug" in various meanings.

The classic folklore scientist M.Tahmasib writes: "This word has been used in a number of meanings in our time" [3, p.27]. The world of science is known to explain the word "ashug" by V.V. Bartold, M. Kashgarli and V.V. Radlov in the sense of buttons, helmets, and game lights. S. Alizadeh, in a more detailed study of the word, commenting on various points of view, suggests that "ashug/light" in Kitabi Dede Gorgud is the "iron head" worn by the warriors [4, p.18-25].

In our opinion, ashug art, which has its roots in the light of history, has gone through various stages of development throughout its history - from the "sufism" to the status of "folk musician" [5, p.28]. Although the works of the Sacrifice, Sick Qasim and Tufarganli Abbas (XVI-XVIII centuries) coincide with the transition of lover to love, the poems clearly show the initial stages of surrender - love and Sufism. This aspect also brings together the 16th-18th-century Ashug poetry "Dastani-Ahmad Harami", the legacy of Gazi Burhanaddin, Yunus Imra, the True and other classics.

One of the masterpieces inspired by classical ashug poets is Yunus Emra. The light of Yunus Emra is clearly chosen in ashug poetry. Yunus Emra is believed to have been created in the 13th century. His poems express great respect for man and humanity. Yunus Emra also loves, is a poet, and his language is closer to Azerbaijani than modern Turkic scholars. The closeness allows Yunus Emra to be taken as the Gurbani, Abbas Tufarganli and the patient of Khasta Gasim. The poems on any topic show the similarity of Yunus Emra – Gurban, Abbas Tufarganli and Khasta Kasim.

The words of Jonah Imran, "yüyürəm ildən-ilə, Şeyx anaram dildən-dilə, qürbətə dərdim kim bilə, gəl gör, mənə eşq neylədi", the sound that "xəstə düşüb qürbət eldə yataram, bir kimsənəm yoxdu oyada mənə, o siyah tellərin, şirin dillərin, salıbdı sönməyən oy, oda mənə". The content is the same, and the difference is in the individuality of the expression of poetic emotions. Content links between Yunus Emre and classical ashug representatives should be regarded as dogmatic in accordance with mentalization. It is known that Sufism and ancient Turko-Shaman culture were still integrated in the 12th century thanks to the services of Ahmad Yasawi: In the context of the formation of Islamic culture in the 11th and 12th centuries, Turkish national thought was an important indicator.

Both Yunus Emra and classical Azerbaijani ashug poets are skilled at conveying ideas far beyond simple language. The religious and philosophical expression of a didactic intoneme loaded with the mystical shades of divine love is a clear example of this:

Yunus İmrə : Gəl gedəlim, qalma iraq,

Dost üçün cəlalım yaraq.

Şeyxin dərgahıdır duraq,

Gəl dostə gedəlim, könül.

Xəstə Qasım: Dəli könül, məndən sana amanat,

Demə, bu dünyada qalam, yaxşıdı.

Bir gün olar, qohum-qardaş yad olar,

Demə, ulusum var, elim yaxşıdı.

The widespread use of symbols and symbols and figurative expressions in Eastern Sufi poetry is of a peculiar nature. "Symphonic expressions and symbolic writings play a great role in Sufism. There are a number of symbolic meanings that are used in their own sense, in other words, in a different meaning than their true meaning. That is why it is often mentioned that Sufism, a religious and philosophical trend, has its own symbolic language" [6, p. 46].

The singing of the Sufi stages in Yunus Emra is sometimes found in the classical poetry, which is different and sometimes the same. The words of Yunus Emra mentioned above, along with Khasta Gasim, constitute the basis of many poets of the arts, including Nasimi. The word Yunus Emra selects and presents meaning in accordance with the ideology of Sufi ideology.

The connection between Nasimi and Khatai with classical ashug poetry is stronger than any subject. As Nasimi and Khatai have made great strides in the genre of folklore, they have gained a strong place in the history of literature with their compositional, bayat, and hoofs. It is precisely in these poems that the words of the spoken language have become an integral and successful means of the literary language.

The words of sympathy, supplication, hatred, sympathy, applause, cursing and cursing in the live language are also successfully reflected in the poems of Nasimi, Khatai, Qurbani, Abbas Tufarganli, and Khasta Qasim. The ashugs and poets used their creativity, not blindly, but in personal language. These artists felt that "simple, dry words are not enough to express ideas, for which phrases expressing national wisdom are needed,

and expressions that are the product of individual authorship" [7, p.117].

The richness of the language of the representatives of Nasimi, Khatai and classical ashug poets, and the coherence of the words chosen in the figurative expression of thought are more pronounced in semantic poems:

Nasimi: Ey könül, hər yanə pərvaz eyləmə,
Çün kəbutər tömey-i-baz eyləmə,
Kimsənin sirrini kimsə saxlamaz,
Dəgməyi sən məhrəmi-raz eyləmə.
Xətai: Şah Xətai aydır: sirrini yayma,
Qıla gör namazın, qəzaya qoyma.
Şu yalan dünyada heç sanam deymə,
Tənin tənəşirdə, sirrin saldadır.
Xəstə Qasım: Üz vermə nadana, sirr vermə pisə,
Axır qəlbin ya inciyə, ya küsə.
Ot bitər kök üstə, əslə nə isə,
Yovşan bəsləməklə çəmənəzəz olmaz.

The thought of the genre, the statement that the expression is a language phenomenon, is further confirmed by the study of Ashig's poetry lexicon. Ashigs also did a great job of enriching the literary language in the national context of their time, which is a mentalistic logic. If the way of thinking is national, the form of expression must also be in the national, folk language. It is enough to look at a fact in a compact way to give the verdict of the genre and the form of expression to be a language phenomenon. Thus, the significance of the sixteenth century in the history of literary language is undeniable. As the Safavid state united the west and south, making Tabriz an important cultural center, prominent scholars, poets, and scholars gathered there.

A comparative analysis of the content and expression of different literary language samples in the same article allows us to arrive at the following conclusion: artistic thinking is a mental value, while consciously coded units that allow expressive forms of content constitute genetic linguopoetics of the language. So, the genre of artistic genre thinking, its expression in appropriate poetic codes, is a language phenomenon.

Conclusions and offers. Linguopoetic analysis of language and consciousness, speech and reasoning is considered to be the origin of linguistic research, examining the coexistence of linguistic, literary, philosophical, and other social sciences with different styles and levels. Linguopoetic analysis of folklore and classical poetry shows that the literary language is directly related to the national mentality: the fact that psychological parallelism is the beginning of syntactic parallelism, its close relationship with its material shell, its poetic characteristics, and other factors. Of course, no master of artistic words makes a deliberate choice of language units at that moment for the unintentional expression of the idea, the process stems from the linguistic dependence of the language. Indeed, the semantics of chanting require a subtle, sonor, chilling harmony, and the content of anger and fear creates a deaf, thick, explosive phonetic background,

УДК 81'374:001.4:61]-047.37

synthesizing, comparing syntactic parallels, expressing expressions, intensity lexical and syntactic, The introduction takes place in a fictional book, with links to history, traditional and periodic factors, and so on. The requisite and expected condition of a literary master to be able to make the right choice of such rich expression possibilities is to have national and clear poetic thinking and vocabulary, while appropriate poetics and optimal language units flow spontaneously. In our view, in the history of the artistic language of Azerbaijan, due to the socio-political factors, the purposefulness of the expression forms cannot be considered as an exception. For example, at the beginning of the twentieth century, the richness of Turkism in the literary language was due to the poetic thinking of political ideology, or in the language of Nasimi and Fuzuli in the language of Arabic and Persian. The popularity of the Mohammed Hadi language four centuries later is the result of thinking, not a direct language phenomenon, but a form of collective or individual thinking. If the artistic thinking of the master of the word is national, the poetic characteristics of the artistic genre that it addresses cannot completely undermine the language and nature of the language.

REFERENCES:

1. Understanding I.A.Richards. Principles of Literary criticism. Delhi, Atlantic Publishers and Distributors, 2002. 250 p.
2. Nəbiyev A. Azərbaycanca aşiq sənəti. QMMI_LIBRARY_383506_10-05-2018.pdf_1570533558.pdf 3.
3. Təhmasib M. Azərbaycan xalq dastanları (orta əsrlər), Bakı, Elm, 1972. 305 s.
4. Əlizadə S. Bir daha «Dədə Qorqud» kitabındakı aşiq/işiq sözü haqqında. «Dədə Qorqud» jurnalı, Bakı, 2002, №1(2), s.18-25
5. Qasımlı M. Aşiq sənəti: qaynaqları, tarixi təşəkkülü və mühitləri. Bakı, 1997. 50 s.
6. Babayev Y. Təriqət ədəbiyyatı: sufizm, hürufizm. Bakı, Nurlan, 2007. 132 səh.
7. Məmmədov M. Publisist sözün qüdrəti. Bakı, Yazıçı, 1992. 143 s.
8. Azərbaycan klassik ədəbiyyat kitabxanası. 20 cildə, II cild. Bakı, Elm, 1982. 512 s.
9. Azərbaycan klassik ədəbiyyat kitabxanası. 20 cildə. V cild. Bakı, Elm, 1985. 366 s.
10. Ustad aşıqlar. Qurbani. 55 şeir. Bakı, Gənclik, 1972. 64 s.
11. "Abbas və Gülgəz" dastanı. Azərbaycan dastanları toplusu. II cild. Bakı, Yazıçı, 1962. s. 113-174
12. Türk xalq şeirindən seçmələr. Bakı, Gənclik, 1980. 174 s.
13. Qazi Bühranəddin. Divan. Bakı, Azərbaycan Dövlət Nəşriyyatı, 1998. 656 s.
14. Ustad aşıqlar. Xəstə Qasım. 46 şeir. Bakı, Gənclik, 1975. 65 s.
15. Azərbaycan klassik ədəbiyyat kitabxanası. 20 cildə. III cild. Bakı, Elm, 1984. 544 s.

Gordiyenko O.V.

PhD in philology, associate professor,
foreign languages department,
Zaporizhzhia State Medical University

GENERAL AND MEDICAL TERMINOGRAPHY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

Гордиенко Елена Вячеславовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Запорожский Государственный Медицинский Университет

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕРМИНОГРАФИИ В ЦЕЛОМ И МЕДИЦИНЫ В ЧАСНОСТИ

Summary. The article is devoted to LSP lexicography with the focus on terminography in the field of medicine. The analytical review of the literature has revealed gaps in terminographic studies. There has been suggested a methodology for the study of English medical terminography with a systematic approach. The developed methodology consists of a comprehensive study of the linguistic and extralinguistic phenomena of English medical terminography, using diachronic and synchronic approach. The following phenomena are considered under linguistic: the history of the English language; genesis, development and current state of lexicography; terminology (history of medical terms creation, their structural and semantic characteristics, standardization, peculiarities of use) and terminography (terminographic tools for describing all the features of a medical term depending on a dictionary user). Including the application of existing methods in general and special lexicography, but adapted to the peculiarities of medical terminology. As well as the use of an interdisciplinary approach cooperating with researchers from the fields of medicine and computer science. The prospect of our further research is the development of terminographic methods for creating dictionaries of various types and their implementation, taking into account the requirements of modern users.

Аннотация. Статья посвящена вопросам LSP лексикографии с фокусом на терминографии области медицины. Аналитический обзор литературы позволил выявить лакуны в теоретических разысканиях в области терминографии. В работе сделана попытка разработки методологии исследования англоязычной медицинской терминографии, имеющей системный подход. Данная методология предлагает комплексное исследование лингвистических и внемлингвистических явлений англоязычной медицинской терминографии, как в диахронии, так и на синхронных срезах. Под лингвистическими рассматриваются следующие явления: история английского языка; генезис, развитие и современное состояние лексикографии; терминоведение (история и формирование медицинского термина, его структурно-семантические характеристики, стандартизация, особенности употребления) и терминография (терминографические инструменты описания всех особенностей медицинского термина в зависимости от адресата). Включая применение методов, уже разработанных в общей и специальной лексикографии, но адаптированных к особенностям медицинской терминологии. А так же использование междисциплинарного подхода, позволяющего привлечь исследователей из областей медицины и информатики. Перспективой является разработка методов терминографирования для создания словарей различных типов и их имплементация с учётом требований современного пользователя.

Key words: *terminology, lexicography, terminography, medical term, English language, methodology, systematic approach, linguistic and extralinguistic phenomena.*

Ключевые слова: *терминоведение, лексикография, терминография, англоязычный медицинский термин, методология, системный подход, лингвистические и внемлингвистические явления.*

Стремительное развитие современных технологий в глобальном научно-техническом пространстве требует от лингвистов своевременного решения проблем, связанных с осуществлением плодотворной коммуникации между специалистами различных областей знаний. Особенно актуальным сегодня является решение таких вопросов в медицине на глобальном уровне, когда человечество сталкивается с появлением новых вирусов, влекущих за собой повышение уровня смертности и многими другими сложностями, имеющими непосредственное

отношение к диагностике, правильному лечению и постоянной профилактике болезней.

Применение междисциплинарного подхода в лингвистике и разработка комплексной методологии в терминографии (LSP lexicography/лексикографии для специальных целей), является одним из способов, который сможет решить эти проблемы и существенно улучшить профессиональную коммуникацию в области медицины. Достижение данной цели возможно посредством создания новых англоязычных медицинских словарей разных типов, удовлетворяющих потребности

пользователя 21 века, который сталкивается с рядом сложностей при понимании терминов: неологизмы, аббревиатуры, сокращения, многозначность, топонимия, эпонимия и т.д.

В лингвистике существуют отдельные работы, посвящённые вопросам терминоведения, исследованию истории создания и типологии терминологических словарей, частным проблемам практической и теоретической терминографии. Однако лакуна, посвящённая разработке комплексной методологии изучения современной терминографии в теории лингвистики, не заполнена. Особенно актуальным остаётся вопрос методологии исследования англоязычной медицинской терминографии в условиях глобализацию английского языка, несмотря на традиционно сложившееся мнения о латинском языке, как языке медицины.

Наше исследование выполнялось в несколько этапов: 1. проведение аналитического обзора теоретической литературы, изданной в рамках терминоведения и терминографии в целом; 2. изучение существующих подходов в изучении терминографии медицины; 3. разработка комплексной методологии исследования англоязычной медицинской терминографии; 4. сопоставление полученных результатов; 5. формирование выводов и перспектив исследования.

Целью работы является разработка комплексной методологии исследования англоязычной медицинской терминографии как основы для создания методов и принципов терминографирования медицинской терминологии с учётом современных требований глобального научно-технического пространства.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие **методы**: аналитический обзор литературы для определения лакун в теории терминографии; описательный метод для характеристики существующих подходов в изучении терминографии; метод системного подхода для разработки комплексной методологии в теории терминографии; сопоставительный метод для подведения результатов и определения перспектив. Материалы статьи сделаны с использованием каталогов Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского и интернет ресурсов. Аналитический обзор литературы не является исчерпывающим, в силу многочисленности и мультидисциплинарности работ в данном направлении во всём мире и сфокусирован на исследованиях, которые коррелируют с целью данной работы.

Научны разыскания, опубликованные в материалах работы конференций лексикографических сообществ (например, AFRILEX (African Association for Lexicography), ASIALEX (Asian Association for Lexicography), AUSTRALEX (Australasian Association for Lexicography), DSNA (Dictionary Society of North America), EURALEX (European Association for

Lexicography), ISHLL (International Society for Historical Lexicography and Lexicology), PANGAEALEX), лексикографических школ (например, *Ивановская лексикографическая школа* под руководством Ольги Карповой), терминографических научных центров (например, *Харьковское лексикографическое общество, терминологическая группа при Черновицком государственном университете и госуниверситете «Львівська політехніка»*), а так же публикациях ежегодных изданий (например, *International Journal of Lexicography, Dictionaries: Journal of the Dictionary Society of North America, Lexicographica. Series Maior. Supplementbande zum Internationalen Jahrbuch für Lexikographie, Lexicographica. International Annual for Lexicography*) свидетельствуют об **актуальности** данного направления в лингвистике. В указанных выше разысканиях чётко прослеживается отсутствие исследований, в фокусе которых было бы системное изучение англоязычной медицинской терминографии.

Обсуждение основных результатов.

Аналитический обзор литературы показал, что развитие теоретической терминографии следовало непосредственно за созданием первых терминологических словарей параллельно с развитием терминоведения. Ещё Платон, Аристотель, И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегель поднимали тему онтологического единства мира в своих работах по философии, делая попытку описать и обосновать термин, как таковой.

Первые работы, посвященные не только прикладным, но и теоретическим проблемам терминографии были представлены в предисловиях, написанных к первым терминологическим словарным справочникам.

Дальнейшее развитие теоретической мысли в терминографии было посвящено формированию теоретического аппарата в области терминоведения, специальной лексикографии (LSP lexicography) и, как следствие, терминографии [1; 21].

Закономерным является последующая фиксация и стандартизация теоретической базы в области терминоведения и лексикографии [3; 4; 8; 10; 22], которая хотя и остаётся сегодня дискуссионной, но достаточно широко изучена в лингвистике, чего нельзя сказать о терминографии [12; 16]. Как следствие, параллельно с термином *терминография* мы встречаем несколько его синонимов и дефиниций при описании прикладных и теоретических вопросов терминологической лексикографии различных предметных областей.

Одни исследователи трактуют этот термин как *научно-техническая лексикография*, другие как *лексикография для специальных целей (LSP лексикография)*, третьи – *терминологическая лексикография* (чётко разграничивая лингвистические термины в теории языка и терминологию языков для специальных целей (отраслевые термины), четвертые используют их,

как дублетные наименования, пятые вообще не относят терминологию к металексикографии и рассматривают её только разделом терминоведения [1; 19].

В нашей работе мы отдаём предпочтение термину *терминография* (*terminography*) и понимаем его, следуя за R.R.K. Hartmann как “a complex of activities concerned with the design, compilation, use and evaluation of terminological dictionaries” [22, с. 139] и даём следующее определение. *Терминография* (от лат. *terminus* (предел, граница) и греч. *gráphō* (пишу)) – это область лексикографии, занимающаяся теорией и практикой создания терминологических словарей.

Наряду с вопросами терминологического аппарата в терминографии научные дискуссии так же охватывают ряд следующих проблем, связанных с **общими и частными вопросами терминографии**:

- общие вопросы терминографии [2; 9; 26; 27; 28];
- особенности типологии терминологических словарей [32];
- методология лексикографии и терминографии [34];
- диахронические исследования национальных лексикографии, неотъемлемой составляющей которых является терминографическая [7; 36];
- дискуссии о единице описания в терминографических словарях [30];
- терминографическое описание различных предметных областей, описания принципов отбора терминов и создание словарей разных типов [27; 31];
- компьютерная терминография как пример междисциплинарного решения проблем терминографии посредством накопленных знаний в лингвистике и информатике [17; 18; 23; 24].

Так же активно идут научные дискуссии в области вопросов о инструментах терминоведения и лексикологии, противопоставлении понятий и функций терминографии и лексикографии, описании понятийной структуры терминологии, моделировании логико-понятийной схемы предметных областей, когнитивном терминоведении и терминографии, ономастологии в терминографии.

Далее остановимся подробно на теоретических размышлениях в области **медицинской терминологии и терминографии**. Данные исследования не так широко и комплексно представлены в лингвистике, как описанные выше, но имеют свои тенденции и особенности, сформировавшиеся в конце 20 века.

Результаты исследования показали, что работы, посвящённые медицинской терминологии и терминографии, носят междисциплинарный характер. Лингвисты, медики и педагоги проявляют интерес к изучению вопросов образования и употребления медицинского

термина, некоторым прикладным аспектам создания медицинских словарей разных типов.

Так, исследования посвящённые особенностям **медицинской терминологии** охватывают следующие направления:

- структурно-семантические особенности медицинского термина [11; 14];
- медицинское терминоведение, изучение медицинской терминологии, как системы [13; 14].

Работы, посвящённые вопросам **медицинской терминографии**, хотя не имеют ещё комплексного изучения и носят в целом прикладной характер, но уже занимают свою нишу наряду с терминографическими исследованиями других подязыков:

- общие вопросы медицинской терминологии и терминографии в комплексе [14; 20; 29];
- описание системы отбора медицинских терминов и методология создания словарей [33; 35];
- история создания медицинских словарей [15; 20].

Сопоставление наши собственных наблюдений и гипотез [5; 6; 25] наряду с аналитическим обзором теоретической литературы показало, что для изучения англоязычной медицинской терминографии, как основы для создания методов и принципов терминографирования медицинской терминологии с учётом современных требований глобального научно-технического пространства, должно иметь комплексную методологию.

Данная методология должна носить системный характер и базироваться на изучение как *лингвистических*, так и *внелингвистических явлений* в терминографии медицины. Исследование англоязычной медицинской терминографии в диахронии и на синхронных срезах, как системы, что позволит разработать принципы и методы составления медицинских словарей разных типов, удовлетворяющие потребности современного пользователя.

Под *лингвистическим явлениям* мы рассматриваем следующие составляющие: историю английского языка; генезис, развитие и современное состояние *лексикографии* (принципы создания словарей, типология словарей, лексикографический анализ, особенности мега-, макро- и микроструктур медицинских словарей); *терминоведение* (история и формирование медицинского термина, его структурно-семантические характеристики, стандартизация, особенности употребления) и *терминографию* (терминографические инструменты описания всех особенностей медицинского термина в зависимости от адресата).

Под *внелингвистическими явлениями* в данном контексте рассматриваются общая история, история медицины, этапы и достижения научно-технического прогресса в медицине, лексикографическая традиция создания фактических медицинских словарных

справочников: номенклатур, компендиумов, атласов, каталогов.

Вызовы наших дней так же требуют междисциплинарного подхода к разработке методологии исследования англоязычной медицинской терминологии и привлечения к работе не только лингвистов и терминографов, а и исследователей из таких областей, как медицина и медицинская информатика. Данный подход в перспективе позволит дополнить уже разработанную методологию.

Так, перед медиками стоит задача стандартизации терминов со строгим соблюдением международных норм, зафиксированных в номенклатурах и рекомендациях ВОЗ с учётом современного состояния научно-технического пространства медицины. Перед программистами – разработка программ и приложений для унификации и кодификации терминологической системы методами медицинской информатики и программирования. А лингвисты и терминографы, в свою очередь, должны разработать чёткие методы терминографирования всех особенностей медицинского термина на уровне мега-, макро- и микроструктур словарей, принимая во внимание потребности пользователя и находясь в постоянном диалоге со специалистами смежных областей.

Результаты исследования позволяют прийти к следующим **выводам**: методология изучения терминологии в целом имеет комплексный характер и использует методы, разработанные в общей лингвистике, терминоведении и лексикографии; методология исследования англоязычной медицинской терминологии недостаточно разработана и должна иметь системный и комплексный характер. В статье предложена следующая методология изучения англоязычной медицинской терминологии: исследование лингвистических и внелингвистических явлений, как в диахронии, так и на синхронных срезах; применение методов, уже разработанных в общей и специальной лексикографии, но адаптированных к особенностям медицинской терминологии; использование междисциплинарного подхода, привлекающего исследователей из областей медицины (научных сотрудников и практических докторов) и информатики (программистов и других специалистов, имеющих опыт в медицинской информатике).

Перспективой дальнейшего исследования является разработка методов терминографирования (инструментов терминологии) англоязычной медицинской терминологии для словарей различных типов и их имплементация с учётом требований современного пользователя.

Список литературы:

1. Авербух С.Я. LSP-лексикография: теоретические подходы и пути решения // Английская лексикография: формирование, развитие, современное состояние. Юб. сб. научн.

статей / Отв. ред. Ф.И. Карташкова. – Иваново : Ивановский гос. у-т, 2006. – С. 172-187.

2. Английская лексикография: формирование, развитие, современное состояние. Юб. сб. научн. статей / Отв. ред. Ф.И. Карташкова. – Иваново : Ивановский гос. у-т, 2006. – 252 с.

3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.

4. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 70 с.,

5. Гордиенко Е.В. Зарождение медицинской терминологии сквозь призму формирования и развития медицинской терминологии // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. Материалы IX Международной научной конференции, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель, Беларусь, 25 октября 2019. – С. 130-134.

6. Гордиенко Е.В. Периодизация и тенденции развития переводной англоязычной терминологии области медицины // Наукові записки Національного Університету Острозька Академія. Науковий журнал. Серія «Філологія». Острог, 2019. – Випуск 8 (76). – С. 141-145.

7. Гордієнко О.В. Генеза канадської англійської лексикографії в етнолінгвістичному аспекті: Автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. Наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / Олена В'ячеславівна Гордієнко. – Одеса : ОНУ, 2010. – 22 с.

8. Гринев С. В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения : (Учеб. пособие) / С.В. Гринев; М-во общ. и проф. образования РФ. Моск. пед. ун-т. – М. : Моск. пед. ун-т, 2000. – 96 с.

9. Гринев С.В. Введение в терминологию. М.: Моск. пед. ун-т, 1996. – 161 с.

10. Дубичинский В. В. Основные принципы и понятия терминологии // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр. / отв. ред. В. Ф. Новодранова. М. : Пресса, 2003. – С. 79-85.

11. Ечина Н. Д. Английская медицинская терминология: опыт анализа структурных параметров // Нова філологія. – 2005. – № 2 (22). – С. 35-43.

12. Карпова О.М., Щербакова Е.В. PR : проблемы терминографического описания. – Иваново : Иван, гос. ун-т, 2005. 184 с.

13. Маджаева С. И. Медицинские терминосистемы : становление, развитие, функционирование : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Сания Ибрагимовна Маджаева. – Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2012. – 37 с.

14. Маджаева С.И. Проблема лексикографического описания медицинских терминов // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2009. № 1 (9). – С. 179-184.

15. Петрух Л. Історія розвитку медичного словникарства // Праці наукового товариства ім. Шевченка. Лікарський збірник. Медицина і біологія. - 2014. - Т. 38, Т. 24. - С. 22-33.
16. Суперанская, А. В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. Изд. 3-е. – М. : Наука, 2008. – 288 с.
17. Широков В. А. Комп'ютерна лексикографія. – К. : Наук. думка, 2011. – 356 с.
18. Широков В. А. Лінгвістичні та технологічні основи тлумачної лексикографії / Широков В. А., Білоноженко В. М., Бугаков О. В. та ін.] ; відп. ред. Широков В. А. – К. : Довіра, 2010. – 295 с.
19. Alberts M. Lexicography versus Terminography // Lexikos 11 (AFRILEX-reeks/series 11: 2001): P. 71-84 <https://lexikos.journals.ac.za/pub/article/view/840/378>
20. Ambrose Charles T. A short history of medical dictionaries //The Pharos of Alpha Omega Alpha-Honor Medical Society. Spring, 2005. v. 68, no. 2, P. 24-27.
21. Bergenholtz, H., Kaufmann U. Terminography and lexicography. A critical survey of dictionaries from a single specialised field//Journal of linguistics. Hermes, 1997. – no.18. – pp. 91-125.
22. Dictionary of Lexicography / edited by Hartmann R.R.K. and G. James. – London and New Yourk:Routlege, 2002.
23. Electronic Lexicography / Ed. by S. Granger, M. Paquot. Oxford: Oxford University Press, 2012. 517 p.
24. e-Lexicography: The Internet, Digital Initiatives and Lexicography / Ed. by P. Fuertes-Olivera, H. Bergenholtz. Bloomsbury, 2011.
25. Gordiyenko O. English Medical Lexicography: Diachronic Analysis // International Conference “Language and Modern Technologies V: Issues of Historical and Etymological Lexicography”. Tbilisi, Georgia. December 15-17, 2019. – P. 36-37.
26. Lexicography and Terminology: a Worldwide Outlook / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. 205 p.
27. Manual of Specialised Lexicography: the Preparation of Specialised Dictionary / Ed. by H. Bergenholtz, S. Tarp. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. 254 p.
28. Martin Willy, Hennie van der Vliet. Design and production of terminological dictionaries // A practical guide to lexicography / edited by Piet van Sterkenburg. (Terminology and Lexicography Research and Practice, v.6) – John Benjamins Publishing Company. Amsterdam/Philadelphia. – 2003. – P. 333-350.
29. Micic S. A New Bilingual Dictionary for Medical Profession //American Journal of Translation Studies, July-September 2009, Volume I Number I, P. 24-37.
30. Milic M. Defining terminographic requirements on the basis of the main characteristics of the term // Современная лексикография : глобальные проблемы и национальные решения. Иваново : Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2007. – С. 171-173
31. Nielsen S. Mourier L. Design of a function-based internet accounting dictionary // Dictionary Visions, Research and Practice. Selected papers from the 12th International Symposium on Lexicography, Copenhagen. – John Benjamins Publishing Company. Amsterdam/Philadelphia – 2004. P.119- 139.
32. Nielsen Sandro (2018). Lsp Lexicography And Typology Of Specialized Dictionaries. In John Humbley, Gerhard Budin, Christer Laurén (Eds.), Languages for Special Purposes: An International Handbook (pp. 71–95). Berlin, Boston: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110228014-004>
33. Norri, J., Junkkari, M. & Poranen, T. Digitization of data for a historical medical dictionary. Lang Resources & Evaluation (2019). <https://doi.org/10.1007/s10579-019-09468-2>
34. Schierholz Stefan (2015). Methods in Lexicography and Dictionary Research. Lexikos, 25(1). P. 323-352. doi:<https://doi.org/10.5788/25-1-1302>
35. Sidney I. Landau BA, MFA (1989) Editorial Preparation of the International Dictionary of Medicine and Biology, Science & Technology Libraries, 9:3, 97-106, DOI: 10.1300/J122v09n03_10
36. Skybina V. Australian Lexicography: A History and Typology / V.Skybina// New Trends in Lexicography: Ways of Registering and Describing Lexis / ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishuing, 2010. Ch. 11. P. 100-119.

Smaglii V.M.

Candidate of philological sciences,
associate professor,
head of the philology department
at the Odessa National Maritime University

MARGINAL ZONE OF THE VERBALIZED WORD CONCEPT

Смаглій Валерія Михайлівна

кандидат філологічних наук, доцент
завідувач кафедри «Філологія»

Одеського національного морського університету

МАРГІНАЛЬНА ЗОНА ВЕРБАЛІЗОВАНОГО КОНЦЕПТУ WORD

Summary. The analyzed sector WORD / LANGUAGE / SPEECH Nominal Complex Field below contains, first and foremost, articles that explain the word nominative unit, form the core of the corresponding field, as well as articles to which references refer and form the periphery and marginal zone of such field. The link is the word / phrase in the dictionary definitive article, which is highlighted in a specific font. References are most often internal, that is, they link to articles in the same dictionary. Sometimes we also register external links that mention publications by scholars in other publications, with or without relevant bibliographic data. The marginal zone of the field is attributed to the second degree references (that is, used in the peripheral articles in the segment articles), as well as external references to the theories of other scholars and lists of sources accompanying the References dictionary article.

Анотація. Аналізований далі сектор WORD номінативного поля комплексного концепту WORD / LANGUAGE / SPEECH містить передусім статті, в яких наведене тлумачення номінативної одиниці word, вони формують ядро відповідного поля, а також статті, до яких відсилають посилання і які утворюють периферію і маргінальну зону такого поля. Посиланням є слово/словосполучення в дефініційній статті словника, яке виділене певним шрифтом. Посилання частіше за все є внутрішніми, тобто такими, що відсилають до статей цього ж словника. Іноді реєструємо і зовнішні посилання, які згадують публікації науковців у інших виданнях, із наданням відповідних бібліографічних даних або без них. До маргінальної зони поля уналежнюємо посилання другого ступеню (тобто ужиті в посилочних статтях периферійної зони), а також зовнішні посилання на теорії інших науковців і переліки джерел, що супроводжують словникову статтю у форматі References.

Key words: nucleus, morpheme, marginal zone, speech unit, microfield.

Ключові слова: ядро, морфема, маргінальна зона, мовна одиниця, мікрополе.

Постановка проблеми. У науковій картині світу відбивається розуміння галузевими фахівцями певного фрагменту світоустрою, людської цивілізації, явищ духовної і матеріальної культури. Наше дослідження на цьому етапі концентрується на науковому, а саме лінгвістичному розумінні феноменів мови і мовлення. Таке розуміння є динамічним, його тяглість і трансформації відображаються зокрема у академічних дослідженнях, у епохальних публікаціях наукових шкіл, а також у спеціалізованих довідникових виданнях, на кшталт енциклопедій і термінологічних словників. Подібні видання фіксують як наукові знання минулого, так і теперішнє розуміння сутності мови і законів її функціонування.

Мета статті. Даний розділ дослідження присвячено аналізу англomовних спеціалізованих енциклопедій і словників, в яких зафіксовано наукові знання про мову і мовлення, а також про зміну наукових парадигм, напрямків, шкіл, що вивчали і вивчають феномен людської мови.

Викладання основного матеріалу. Одним із найвагоміших (в термінах даного дослідження) внутрішніх посилань із **ядерної** статті **word** є,

звичайно, посилання на лексичний аспект феномену **слово**, тобто на словниковий запас мови, який традиційно називаємо **вокабуляр**. У ядерній статті читаємо: [lexemes are the units of vocabulary, and as such would be listed in a dictionary]. Графічно виокремлена в статті номінативна одиниця **lexeme** була розглянута вище, оскільки вона входить до зони **ближньої периферії** аналізованого поля. Звернімося до номінативної одиниці зони **дальшої периферії**, яка також виокремлена в ядерній статті графічним акцентом *індивідуального* посилання I ступеня. Це номінативна одиниця **vocabulary**. Відповідна стаття в словнику Crystal пропонує лаконічний опис цієї одиниці, указуючи, що **vocabulary** є не фаховим позначенням того, що фахівці іменують термінами **lexis** та **lexicon** і відсилає користувача до відповідних статей: [linguistics uses the term **vocabulary** in its everyday sense, reserving for its technical study the use of terms **lexis**, **lexicon**].

Посилання II ступеня **lexis**, **lexicon** «уводять» користувача у **маргінальну зону** номінативного поля, де звернувшись до відповідних статей, він дізнається про суто наукове трактування словникового запасу будь-якої мови. Показовим є

початок *посилочної* статті II ступеню **lexis**: [term **lexis** is used in linguistics to refer to the **vocabulary** of a **language** in a variety of technical phrases. A unit of vocabulary is generally referred to as a **lexical item**, or **lexeme**. A complete inventory of the lexical items of a language constitutes that language's **dictionary**, or **lexicon** – a term particularly used in generative grammar].

Посилочні статті II ступеня у їх порівнянні із статтею I ступеня посилання **vocabulary** набагато детальніше описують феномен **vocabulary**, надаючи фахові (*technical*) позначення **lexis** та **lexicon** і роз'яснюючи різницю між ними, уточнюючи, що **lexicon** – це термін, яким оперують в межах генеративної граматики, описуючи структурні характеристики лексичних одиниць мови, використовуючи спеціальні графічні позначки для граматичних класів: [**lexicon** refers to the component containing all the information about the structural properties of the lexical items in a languages...and formalized as features, and put in square brackets; e.g., word-class assignments include noun [+N], etc]. Натомість терміном **lexis** фахівці послуговуються аналізуючи такі мовні структури лексичного рівня, як *лексичні поля*, *лексичні системи*, *лексичні групи* (*lexical field*, *lexical system*, *lexical set*). У фокусі уваги лінгвістів відповідного фаху опиняються, зокрема, явища *лексичних прогалів* (*lexical gaps*), тобто відсутність структурно передбачуваної лексичної одиниці в системі її *lexis* (ми б сказали «в системі її *вокабуляра*»), наприклад, при наявності гендерної опозиції в лексичних парах *brother* VS *sister*, *son* VS *daughter* в англійській мові відсутні дві різні лексичні одиниці на позначення *cousin*, які до речі є в українській мові (*кузен* VS *кузина*, або *двоюрідний брат* VS *двоюрідна сестра*).

Посилочні статті II ступеню набагато перевищують свою *материнську* статтю (I ступеню) **vocabulary** як за текстовим обсягом, так і за кількістю посилань (наприклад, стаття **lexis** більше ніж у 9,5 разів осяжніша і пропонує у 4 рази більше власних внутрішніх посилань). Отже користувач словника має можливість ознайомитись із темою *слово в системі вокабуляру* у кількох форматах: у стислому вигляді (коротка фраза в *ядерній* статті **word**), від неї посилання I ступеня і коротка інформація у статті *дальньої периферії vocabulary*), від неї посилання II ступеня і розлогий виклад у *посилочних статтях маргінальної зони lexis* та **lexicon**, не кажучи вже про можливі «мандри» різномною мережею подальших посилань, що пронизують номінативне поле концепту **WORD**.

Порівнюючи, яким чином тема *слово в системі вокабуляру* віддзеркалюється в *науковій* і *наївній* КС, бачимо наступне. Номінативні одиниці **vocabulary** та **lexicon** в *наївній* КС, на відміну від *наукової* КС, практично не розрізняються. Обидві одиниці мають значення (1) *словниковий запас* (*мови, окремої групи мовців, окремого мовця*), порівняймо: **lexicon** [the vocabulary of a language, a person, or branch of knowledge]; **vocabulary** [lexicon,

a stock of words employed by a language, group, or in a field of knowledge]; і (2) *словник* (*тлумачний, перекладацький*), див.: **vocabulary** [a list of words and often phrases, usually arranged alphabetically and defined or translated, a lexicon] і **lexicon** [a book containing an alphabetical arrangement of the words in a language and their definitions].

Одним із лексико-семантичних варіантів полісеманта **lexicon**, особливо цікавим для нашого дослідження, є семема *загальномовного* словника, маркована як така, що належить царині лінгвістики, тобто є *науковою* семемою [(Linguistics) the total stock of morphemes in a language; the morphemes of a language considered as a group], йдеться про те, що *лексикон* є загальним запасом не *слів мови*, а *морфем*. Проте наша вибірка із *фахових* словників і енциклопедій такого значення номінативної одиниці **lexicon** не фіксує. Мабуть, варто вести мову про певну *лакунарність* досліджуваного нами номінативного поля **WORD** у відбитті *наукової* КС стосовно такого фрагменту, як **lexicon**.

Своєю чергою номінативне поле досліджуваного концепту **WORD / LANGUAGE / SPEECH** у його *наївному*, не фаховому варіанті взагалі не містить такої словникової одиниці, а отже і парцели інформації, як **lexis**. Тут уже йдеться про *лакунарність наївної* КС.

Повертаючись до *ядерної* статті **word** і *посилочних* спрямувань, що йдуть від неї до інших статей, які позиціонують *слово* в різних лінгвістичних ракурсах, наразі звернімося до *фонологічного* ракурсу. Він заявлений лише у дотичний спосіб: стаття розмірковує про *фонологічні* характеристики слова в системі мови, які поруч із *граматичними* і *семантичними* характеристиками слугують маркерами групування слів у частиномовні класи (в статті вони називаються *word-classes*): [word-classes can be established by analyzing the various grammatical, semantic, and phonological properties displayed by the words in a language]. Ще одне вживання *посилочного* слова *phonological* в цій самій статті зустрічається при характеристиці так званого *фонологічного слова* [words are physically definable units which one encounters in stretch of speech (where there may be phonological clues to identify boundaries, such as a pause or juncture features). 'Word' in this sense is often referred to as the **phonological word**] (в наведених дефініції збережені аутентичні словникові графічні виділення).

Зауважимо, що попри неодноразове вживання в межах статті **word** внутрішнього *посилання phonological*, воно є неточним, бо відповідної статті в словнику Crystal немає. Його *вокабуляр* містить статтю **phonology**, дуже розлогу (ціла сторінка тексту, в якій налічується 56 внутрішніх посилань), проте мало інформативну у відношенні до посилки, за якою в даному випадку до статті звернеться користувач. Єдине, що він зможе виокремити із неї, це наступне: [phonology is concerned with the range and function of sounds in specific languages, and with the types of phonetic relationships that relate and

contrast words and other linguistic units]. Тобто *фонологія вивчає зокрема фонетичні відносини, що пов'язують і протиставляють слова і інші лінгвістичні одиниці*. Решта статті інформує про зовсім інші аспекти проблеми фонології, окреслюючи її різновиди (synchronical / diachronical / prosodic / generative phonology, Bloomfieldian phonological theory, Prague School theory) і заглиблюючись у тонкощі кожної із теорій, а також рекомендує звернутись до інших статей, в яких йтиметься про ще сім різновидів фонології (articulatory / atomic / segmental / dependency, metrical / particle, prosodic phonology). Користувачеві такий потік інформації не завжди є затребуваним.

Коментуючи неточність *внутрішніх* посилань в словнику Crystal, зауважимо, що це стосується багатьох прикметникових одиниць, виділених як посилання: *grammatical, hierarchal, lexical, morphemic, prosodic, semantic*. Усі вони відсилають до відповідних іменникових одиниць як вокабул посилочної статті. Пошук додаткових відомостей у такому випадку буває доволі нелегким, оскільки користувачеві пропонується іноді занадто складний для нього пакет інформації у порівнянні із тим, що він шукав.

Дещо простішим для користувача є вживання іменникового атрибутива як *внутрішнього* посилання. Таке має місце в обговорюваній проблемі *фонологічного* статусу слова як це маркується в *ядерній статті word*. Маємо на увазі словосполучення *juncture features*, яке на рівні з *pause* функціонують як внутрішні посилання для роз'яснення, якими можуть бути *фонологічні підказки (phonological clues)* для розмежування слів. Розташована в *зоні дальньої периферії посилочна стаття juncture* (n) надає додаткові відомості про цей різновид *фонологічних підказок*, зокрема: [a term used in phonology to refer to the phonetic boundary features which may demarcate grammatical units such as... word. The most obvious junctural feature is silence, (there are other) various modifications to the beginnings and endings of grammatical units. Word division, for example, can be signaled by a complex of pitch, stress, length, as in the potential contrast between *that stuff* and *that's tough*]. Таким чином користувач дізнається, що стики слів маркуються не тільки *мовчанням (silence)*, але і *комплексом висоти тону, наголосу, довготи (a complex of pitch, stress, length)*. Звернімо увагу на словосполучення *junctural feature*, вжите при описі *мовчання [silence]* як основного *демаркаційного* засобу виокремлення слів [the phonetic boundary feature which may demarcate grammatical units such as... word].

Порівнюючи *наукову* і *наївну* КС, скажемо, що *наївне* розуміння слова як мовної одиниці виявляється взагалі доволі «глухим» до цього аспекту: у нашій виборці загальномовні словники містять *дефініцію word*, в якій згадується його фонетична форма: [a speech sound or series of sounds that symbolizes and communicates a meaning]

(підкреслення наше – В.С.), але головний ракурс уваги до слова – це його *значеннєвий* потенціал.

Стосовно цього потенціалу у *науковому* баченні слова мусимо звернутись до *семантичного* аспекту його лінгвістичного опису. Він так само, як і *фонологічний* аспект, доволі лапідарно висвітлений в аналізованому полі **WORD**. Нагадаємо вище наведений фрагмент ядерної статті **word**: [word-classes can be established by analyzing the various grammatical, semantic, and phonological properties displayed by the words in a language], наразі звернімо увагу на посилання *semantic*. Як і решта прикметникових посилань, воно адресує не до окремої статті *semantic (properties)*, а до статті *semantics* (n.). Вона займає півтори сторінки тексту, але все, що стосується до безпосереднього *посилання*, – це, можливо, тільки вступна фраза *дефініційної* статті: [a major branch of linguistics devoted to the study of meaning in language]. Вже наступна фраза занурює читача у вир наукової полеміки і різноаспектного викладу течій в теорії семантики: [The term is also used in philosophy and logic, but not with the same range of meaning or emphasis as in linguistics....].

У подальших пошуках стосовно *семантичних властивостей слова* користувач може звернутись до *посилання* II ступеня meaning, яке міститься в *периферійній* статті *semantics* і відправляє користувача до статті в *маргінальній зоні* поля. Цього разу він опиниться перед інформативним ресурсом не меншого обсягу і не меншої складності. Стаття *meaning* займає одну сторінку тексту і також перш за все інформує читача про те, що проблемою *значення* займаються із десятків інших, окрім лінгвістів, науковців: [many other academic practitioners are involved in the study of meaning along with linguistics – philosophers and logicians especially, but also psychologists, sociologists, literary critics, theologians and others]. Головним інтересом лінгвістів є, згідно довіднику, *інтеграція значення і граматики, співвідношення семантики і синтаксису*: [linguists' primary interests are distinguished by their attempt to integrate meaning with the other components of a general linguistic theory (especially with grammar). These emphases characterize the linguistic study of meaning, semantics and the place of semantics in relation to syntax]. Чи наближає такий опис користувача до розуміння *пошукуваної інформації про семантичні властивості слова*, ми не певні, але, без сумніву, загальне теоретичне тло сучасної лінгвістичної науки змальовується досить широко і різнобарвно.

Висновки. Порівнюючи обговорюваний аспект номінативного поля концепту **WORD / LANGUAGE / SPEECH** в *науковій* та *наївній* КС, констатуємо, що розуміння понять *семантика* та *значення* мовцем, який не є фаховим лінгвістом, містить більш-менш чіткі і зрозумілі смислові парцели. Загальномовний словник англійської мови Cambridge пропонує наступні тлумачення: *meaning* [the thing that is conveyed by language, import, e.g. *Many words have more than one meaning*]

i **semantics** [the study of meanings], більш розгорнуте тлумачення запропоновано у словнику Oxford: **semantics** [the branch of linguistics and logic concerned with meaning. The two main branches are logical semantics and lexical semantics] та **meaning** через відсилку до дієслова **mean** [have smth as its signification in the same language or its equivalent in another language, e.g. *the name means 'painted rock' in Cherokee*].

СПИСОК ВИКОРИСТАНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

1. Козлова Л.А. Отражение этнокультурных особенностей менталитета в синтаксических категориях агентивности/неагентивности (на материале английского и русского языков). // Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В.И.Карасика: в 2-х частях. – Киев: Издат.дом Д.Бураго, 2013. –Изд-е 2-е испр. – Часть 1. С. 532–538.
2. Кубрякова Е.С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1991. С.141–172.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

5. Теркулов В.И. Части речи и тождество номинатемы. Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В.И.Карасика: в 2-х частях. – Киев: Издат.дом Д.Бураго, 2013. –Изд-е 2-е испр. – Часть 1. С.25–31.

6. Швачко С.А. Диахроническая память слов.// Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летию юбилею проф. В.И.Карасика: в 2-х частях. – Киев: Издат.дом Д.Бураго, 2013. –Изд-е 2-е испр. – Часть 1. С.166–173.

7. Biber D. et al. Longman Grammar of Spoken and Written English Forword by K. Quirk. – Lnd.: Pearson Education Ltd, 1999. 1204 p.

8. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time/ – Chicago, Lnd: University of Chicago Press, 1994. 327 p.

9. Langacker R.W. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin. 1991.

Матеріал дослідження

10. Online Cambridge dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/>

11. Online Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

12. Online Macmillan dictionary URL: <http://www.macmillandictionary.com/>

13. Online Oxford dictionary URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>

14. The American Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition copyright 2017 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. URL: <https://ahdictionary.com/word/search.html>

Dr. Ibragimov Yuldash Matkarimovich

Teacher of Nukus State Pedagogical Institute
city Nukus, Karakalpakstan

RESEARCH OF DIALECTAL KINSHIP TERMS IN UZBEK DIALECT IN THE REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN

Abstract. The term of the Turkic languages of the southern Aral region reflect the common Turkic system of kinship terms. Relationships in the field of kinship terms within individual Turkic languages of the specified region have not yet been the subject of special research. A comparatively historical study of kinship terminology of the Uzbek, Karakalpak, Kazak and Turkmen languages that have been in intensive contact with each other for a longtime and involving all known dialect variant is of interest not only for linguist but also for historians and ethnographers.

Analysis of dialectal kinship terms leads to the following conclusion the terms of kinship in the period of their origin meant related gender and age marriage groups, relative terms of kinship compared with vocative are more stable, with a relatively historical and etymological study of the terms of the terms of kinship is of great importance, taking into account the lexical material of all dialectal variants of the range.

Keywords: *dialect, features, mutual influence, conformity. Central-Asian, Volga-Ural kinship terms of Turkic languages, accounting of lexical materials.*

The terminology of kinship of the Turkic languages of the Republic of Karakalpakstan basically reflects the common Turkic system of terms of kinship. Nevertheless, there are quite significant differences between the individual languages of the region and between the dialects of the inner separate languages in the field of kinship terminology. Dialectical features and inter-dialectal relationships of kinship terms within individual languages of the Republic of Karakalpakstan

have been developed to one degree or another (Begjanov, 1971, 77-81; Beketov 1992: 110-111; Dospanov 1980: 34-35; Ibragimov 1986: 94-112). But relationships and interconnections have not yet been the subject of special research. A comparative historical study of the terminology of kinship between the Uzbek, Karakalpak, Kazakh and Turkmen languages, which have been continuously and intensively contacting each other with all known dialectal variants, is of interest not

only to linguists, but also to historians and ethnographers. The study of the mutual influence of dialectal terms of kinship has shown their great interpenetration both between dialects and between languages.

The kinship terms of the Uzbek, Karakalpak, Kazakh and Turkmen languages are constantly interacting. In the dialects of the Uzbek language of the Republic of Karakalpakstan, the concept of mother is referred to by these words: “*ана апай, аба, абай, эна, энэй*”. In the Gurlen-Beruni subgroup and in the inner transitional subgroup of dialects, the term *apa* is mainly used, and in the dialect of the Khojeli-Kipchak “*ана, апай, аба, абай*” is used in parallel, and in the Turtkul-Ellikkalin and externally transitional subgroup of dialects “*эна, энэй*”.

The term *ана* gradually expanding its range, from the Gurlen-Berunian dialect penetrated into the Turtkul-Ellikkali and externally transitional subgroups of dialects, while, as often happens in such cases, it changed its meaning. In some dialects of the flowing Kipchak type of the Uzbek language of the Republic of Karakalpakstan, *apa* is mainly used in the meanings of an elder aunt, an older sister and as a form when politely addressing women older than their parents, but not elderly. In many Turkic languages, including Uzbek dialects and Uzbek literary language, it is used in the same meaning (UzRD, 305).

But the area of distribution of the term “*апа*”, spreed than “*эна* and *аба*”. This is also evidenced by the fact that of the Turkic-speaking peoples of Central Asia and Karakalpakstan, “*эна*” and “*аба*” are represented only in a narrow-dialect form in the Uzbek language of the Republic of Karakalpakstan “*энэй, абай*” are a vocabulary of “*эна*” and “*аба*”, dating back to the more ancient form of *a*. It has correspondences in the Central Asian, Middle Asian and Volga-Ural Turkic languages. Karakalpak “*апа*” mother, sister, appeal to the husband’s sister and to all older women (KKRD, 46), Kazakh-*апа*, Turkmen-*эже*, Uyghur-*ача* older sister, Chuvash- *апай*, *ама* mother, Bashkir. *эсэ, энна*, in the dialects of the Tatar language there are four main phonetic variants of the term: *ана, эни, энэй инэй инэ (й)*, Altai- *же, shore. jsa*, blown away. *aza* prototurkic mother *эпа*, *апа* is the eldest relative, in modern Turkic languages it is reflected as an “*апа*” older sister, mother. And the ancient Turk “*апа*”- *achy* by the term of kinship, used in relation to elders by age (Malov, 1951,359); “*ача*”-older sister, *ah*-older woman (DLTI, 35); old uzbek –“*апа*”. As L.A. Pokrovskaya notes, in the monuments of ancient Turkic writing this term is found in three phonetic variants: *aci, эci, эci*, the older relative is very broad (Pokrovskaya, 1961.28).

This common meaning in the future in connection with the development and emergence of new forms of family-kinship, in the Turkic languages, the term *apa* has become so diverse both in terms of its external form and in terms of content (within the concept of an older relative) that sometimes words hard to put in one nest.

Now the dialectic term “*апа, апай*” mother in ancient Turkic was widespread. The main meaning of this term in old Turkic is an older relative. In the

context of a large patriarchal family, the term “*апай*” denoted all the older relatives in the family — older sisters, mother, aunts, etc. Only the grandmother, the oldest woman in the family, was called *эна эна йэна, йенэй, йенэ, йэнэй*. After the death of the grandmother, the term *эна* mother was called the mother. Traces of such a peculiar use of the term “*апа, апай* and *йэна, йенэй, йенэ, йэнэй*” are preserved in the dialects of the Republic of Karakalpakstan.

The genonym “*аба*” mother and the vocal form of “*абай*” have parallels in some Turkic languages: Altai-*аба* grandfather, *chigatay-аба* ancestor, Kyrgyz-*аба* father, in the Tabriz dialect of the Azerbaijan language *аба* mother, in the Cuban dialect of the Azerbaijan language *аба* father (Zerinzade). It is also found in the ancient Turkic languages (other Turkic. *Aba*). In the Turkic languages, two forms are used as independent lexical units: voiced-*аба* and deaf-*апа*. E.V.Sevortyan connects the etymology of this foundation with the verb *ab* to be elderly (EDTL, 1974, v.1.16).

However, the semantics of the foundation, ranging from Azerb. *аба* child and to *аба* mother in the dialects under study, suggests here the existence of the original name component of the *ap*-with a hypothetical meaning genus. It is possible that this root is represented in the Oguz term *аба* clan, family settlement. See also *mong.* the genus *Abur*, the Turkic term *Aba* can be elevated to the *Abag* form and suggest its connection with the Mongol-Turk form of *Abag*. It is possible that both bases contain in their composition a single root component *ap*: *ab*.

So, in some dialects “*йэнэй, йэнэй*” the grandmother on the father’s side, the eldest sister-in-law, remained in the meanings. In the process of forming in dialects the Gurlen-Beryunian, Khojeli-Kipchak, Aral Uzbeks and the internal transitional subgroup of Uzbek dialects of the Republic of Karakalpakstan, the term “*йэнэ, йэнэй, йэнэ, йэнэй*” ancestress, the oldest woman in the family, has the meaning mother (vocative term), and in Turtkul-Ellikkala and an external transitional subgroup of dialects of the Uzbek language of the Republic of Karakalpakstan, this meaning was assigned to the term “*эна, энэй*” mother, older relative. Already in ancient Turkic terms “*эна. энэй*” began to be used in the meanings of mother, mother. Due to the fact that the *apa* in the Uzbek dialects of the Republic of Karakalpakstan and in neighboring Karakalpak, Kazakh languages are more often used in the meaning of mother than in meaning older sister, the complex term “*qiz apa, ajapa, ayapa*” was formed to denote the latter concept, which can be qualified as one of appearances of differentiation of genonyms.

To determine the specific ways of development of the term in various Turkic languages, the facts of contacting the studied languages should be taken into account. So, for example, it can be assumed that in the Karakalpak, Kazakh languages, “*йене*” has changed under the influence of “*инэ, эна*”, who beat in the Uzbek dialects of the Republic of Karakalpakstan, since the Karakalpaks, Kazakhs live in the territory of the South Aral region, adjacent to the Uzbeks.

We also note that the term “энэ, инэ, йэнэ” is used in relation to animals in the meaning of a female, while others related to “энэ” by the term of kinship (ana, etc.) occur in this meaning. Cf. in the dialects of the Khojeli-Kipchak and Aral Uzbeks, “энэ кой” dairy sheep. In the same meaning, this word also exists in the dialects of the Turkmen, Kazakh, and Karakalpak languages: “ене кой” milk sheep (KKRD). The detailed use of this word, apparently, is a specific feature of the Aral and Khojel-Kipchak subgroups of Uzbek dialects. In this connection, we point out the assumption expressed in the literature that it is possible to distinguish “инак, энэк”-cow, which is characteristic of the Uzbek dialects of the Bukhara and Samarkand regions and a number of Turkic languages of “инэ” element: инэй, энэ with the primary meaning of the mother (Shcherbak, 1961.97) .

In Uzbek dialects of the Republic of Kazakhstan, the maternal grandmother is denoted by the term mother. The word mother is also recorded in other Uzbek dialects, which have seven meanings for this word (DUzD, 350-351). In the Uzbek dialects of the Republic of Kazakhstan, four meanings are recorded for the word mother: mother, great-grandfather, sister-in-law, uncle’s wife on the mother’s side, grandmother, old woman, great-grandmother in the Uzbek literary language. In UzRD, the word mother is noted in the meanings of a nurse and with a litter of obl. grandmother (UzRD, 1959,266). Wed kcal mother grandmother (KKRD, 445), Turkm. ma: ma maternal grandmother (TurkmRD); Mongolian mother, child (MRD, 1957,238), Uyghur.mom, grandmother, grandmother’s elder sister (Pokrovskaya, 1961,22). Apparently, the aforementioned tokens are associated with the ancient Turkic mother, a woman who remains with her bride on their wedding night (OTD 335).

In some Uzbek dialects of the Republic of Kazakhstan, paternal grandmother and maternal grandmother are designated by the same word. In the internal transitional subgroup of dialects of the Uzbek language of the Republic of Kazakhstan, for both grandmothers, there is one term - mother grandmother in general. In the Khodzheiy-Kipchak dialect subgroup, this term appears in the pronounced form of moms and denotes the wife of the father’s older brother and mother’s grandmother, in this dialect subgroup the word mother, speaking in combination with the word энэ. forms the new term йэнэкэ mother, which has the mean midwife, which is transmitted in other ways: йэнэкэ кэмпир. It should be noted that in the language of the Chandir tribe of the Ilyaly district, the maternal grandmother is called the word mother, the great-grandmother of the mother is 1n1. In the village of Karamazy, the maternal grandmother is called the word энэ, and the great-grandmother of the mother is descriptively -энэмиң энэсии etc.

A comparative analysis of the dialectal terms of kinship of the Turkic-speaking peoples of the Republic of Kazakhstan allows us to draw some conclusions: 1) the terms of kinship at the time of their origin meant related, gender and age groups, marriage groups; 2) the reference terms of kinship, compared with the

vocational, have greater stability and relatively weakly penetrate from one language to another; 3) in a comparative historical and etymological study of the terms of kinship, the completeness of the lexical material and the consideration of all dialectal variants of the range are of great importance.

REFERENCE

1. Babaev. S.K. On the role of the Persian language // Vestnik (Kaab.-Balk). NII. Vol. №7. - Nalchik.-1973,p.358.
2. Baeva-Maksutova N.H. Bashkir dialect of Ay river valley.-:Bashkir dialectological collection.-Ufa,1959,p.27.
3. Thesaurus of Bashkir dialects (Башкорт сойлаштеренен сузлиги (Словарь башкирских говоров), т.2.-Ufa,1970,77.
- 4.Begjanov.T. From issues of dialectology of Karakalpak language. Nukus: Karakalpakstan,1971,P: 77-81.
5. Beketov B. The language of Kazakhs in Karakalpakstan.-Almaty:Rauan,1992,p: 110-112.
6. Borovkov A.K. Vocabulary of Central Asian Tefsir X11-X111c.-M.:Nauka,1963,p.51.
7. Bekbulatov N.V. The historical development of kinship of the Bashkir kinship system.-Ufa,1980,p.12-23.
8. Vladimirtsov B.Ya. Comparative grammar of the Mongolian written language and the Halka dialect. Introduction and Phonetics.-L.:1929,p.250-251.
9. Dospanov U. Dialect vocabulary of Karakalpak language.- Nukus:1980,c.34-35.
- 10.Egorov N.I. The etymologization experience of the Chuvash terms of kinship and property. Father (parent). – Research on etymology of Chuvash language- Cheboksary,1981,p.3-46.
11. Zerinzade H. Azerbaijan words in Persian language (Форс дилинде ишланан азербайжан созлери). Baku,1962,p:436.
12. Ibragimov Yu.M. Vocabulary of Uzbek dialects of PreAral-Nukus: Bilim,1996,p94-112.
- 13.Katarinsky V.V. Kirgiz-Russian dictionary. - Orenburg,1897, p.17.
- 14.Kuzeev R.G. The origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of resettlement.- M.:1974,p.132-133,139.
15. Malov S.E. Monuments of ancient Turkic writing.-M.-L.:Pub. AS USSR.1951.
16. Pokrovskaya L.A. Kinship terms in Turkic languages.- : Historical development of Turkic languages.-M.:1961.
17. Rasyanen M.R. Materials on historical phonetics of Turkic languages.- M.:1955
18. Sevortyan E.V. Etymological dictionary of Turkic languages. Vowels.-M.:1974,p.1,p.16.
19. Sherbak. The main features of South Khorezm dialect in comparative lighting.-Tashkent:1961.

The list of abbreviations:

1. Old Turkic dictionary (ДТС.-Древнетюркский словарь).-L.:Nauka.1969.

2. Devonu lugatit turk (ДЛТИ.-Махмуд Қошғарий. Девони лугатит турк).-Tashkent: Fan,1967,p:35.
3. Karakalpak – Russian dictionary (ККРС.- Каракалпакско-русский словарь) (edited by N.A.Baskakov).-M.: 1958. 892p.
4. Mongol-Russian dictionary (МонгРС- Монгольско-русский словарь) (edited by Duvsandandava). -M.: 1957.785p.
5. Turkmen-Russian dictionary (ТуркмРС.- Туркменско-русский словарь) (edited by A.A.Palmbaha). -M.: 1955. 723p.
6. Uzbek-Russian dictionary (УзРС.- Узбекско-русский словарь) (Edited by K.Borovkov).- M.:1959,290p.
7. Etymological dictionary of Turkic languages (ЭСГТЯ.- Э.В.Севортян. Этимологический словарь тюркских языков) (Общетюркские и межтюркские основы на гласные).-М.: Nauka, 1974.
8. Dictionary of Uzbek dialects(ЎХШЛ.-Ўзбек халқ шевалар луғати).-Tashkent: Fan,1971,407p.
9. Explanatory dictionary of Karakalpak language (ҚҚТДС- Каракалпак тилинин тусиндирме сөзлиги).-Nukus: Karakalpakstan, 1978.

Shcherbak H.V.

*Post-graduate student
Zaporizhzhia National University*

ORGANIZATION OF EVALUATION CONCEPT WITHIN MEDICAL DISCOURSE

Щербак Ганна Володимирівна

*Аспірант
Запорізький національний університет*

ОРГАНІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ ОЦІНКА У МЕЖАХ МЕДИЧНОГО ДИСКУРСУ

Summary. The article deals with the functioning of the EVALUATION concept in medical discourse. We analyzed 917 contexts for using EVALUATION lexeme that nominates EVALUATION concept. It is found that in 25% of the examples, the EVALUATION concept is used within medical discourse, which makes it possible to define the EVALUATION as a regular concept for this type of discourse. The features of the modal framework of the EVALUATION that are peculiar to medical discourse are identified. The main components of the EVALUATION, its subject and object, are, respectively, a doctor (a group of doctors, medical institution) and a patient, namely, his/her health and well-being. The binary nature of the evaluative predicate, in medical discourse, is associated with the characteristic "healthy/ill". EVALUATION is rational and is objectively subjective. The basis of the EVALUATION is usually implicit and does not need clarification. Within medical discourse, the evaluation scale begins in the positive zone of the scale.

Анотація. У статті проаналізовано функціонування концепту ОЦІНКА в медичному дискурсі. Нами були досліджені 917 контекстів використання імені концепту ОЦІНКА – лексеми **evaluation**. Встановлено, що у 25% із прикладів використання концепту ОЦІНКА характерне для медичного дискурсу, що дає можливість визначити ОЦІНКУ як регулярний концепт для цього типу дискурсу. Визначені особливості, яких набуває модальна рамка ОЦІНКИ. Головними компонентами оцінки, її суб'єктом та об'єктом, виступають відповідно лікар (група лікарів, медичний заклад) та пацієнт, а саме, його здоров'я та самопочуття. Бінарність оцінного предиката, у медичному дискурсі пов'язана з ознакою «healthy/ill». ОЦІНКА має раціональний характер та є об'єктивно-суб'єктивною. Підґрунтя оцінки, зазвичай, імпліцитне та не потребує уточнення. Оцінна шкала, характерна для медичного дискурсу, має початок відліку у позитивній зоні.

Key words: evaluation, medical discourse, modal framework, subject of evaluation, evaluative scale

Ключові слова: оцінка, медичний дискурс, модальна рамка, суб'єкт оцінки, оцінна шкала

Аналіз основних досліджень і публікацій. У мовознавчих розвідках ОЦІНКА зазвичай активно досліджуються як лінгвістична категорія, причому значна увага приділяється таким її аспектам, як логіко-семантична природа оцінки (Н. Д. Арутюнова [3]; О. М. Вольф [6]; В. М. Телія [15]), проблема оцінних значень і засобів їхньої актуалізації в мові та мовленні (Г.І. Приходько [12]), функціональний характер оцінки у мовленні (В. Г. Гак [7], С. В. Дорда [8], І. І. Рахманова [13] та ін.), оцінка як частина конотативного значення та особливості співвіднесення оцінності, емотивності та експресивності [І. В. Арнольд [2], Й. А. Стернін [14], В. М. Телія [15], В. І. Шаховський [16] та ін.).

Постановка проблеми. ОЦІНКА є невід'ємною частиною процесу відображення дійсності. У процесі пізнання навколишнього світу ми оцінюємо факти та явища, що знаходять відображення в мові. Істотним теоретичним підґрунтям для дослідження концепту ОЦІНКИ є визнання того факту, що зміст ОЦІНКИ, як і будь-якого концепту, обумовлений особистим і суспільним досвідом людини, тому він соціально та культурно закріплений. Відтак, особливо актуальним у наш час є визначення специфіки функціонування оцінки в різних типах дискурсу.

У лінгвістиці дискурс визначається як система когнітивних і комунікативних компонентів, де за

зміст дискурсу відповідають когнітивні, а за його його форму, структуру та стратегії – комунікативні компоненти. [4, с. 122]. Сукупність усіх ментальних одиниць, що актуалізуються у дискурсі у всьому різноманітті їхніх когнітивно-семантичних властивостей та лінгвокультурних рис утворює концептуальний простір цього дискурсу, що охоплює його регулярні та нерегулярні концепти.

Ціль роботи. Проаналізувати особливості буття концепту ОЦІНКА як регулярного концепту у межах медичного дискурсу.

Викладення основного матеріалу. Під час дослідження концепту ОЦІНКА, а саме особливостей функціонування імені концепту – лексеми *evaluation* в англomовному дискурсі було виявлено, що разом із досліджуваним концептом періодично використовується множина інших сталих лексем, що співвідносяться з відповідними концептами:

HEALTH – EVALUATION – MENTAL / MENTALLY – CLINIC / CLINICAL / CLINICALLY / CLINICIAN – HOSPITAL – TO TREAT / TREATMENT – MEDICAL – PSYCHIATRIC / PSYCHIATRIST – PSYCHOLOGICAL / PSYCHOLOGIST – DOCTOR / DOCTORAL – PATIENT.

Як бачимо, виявлені взаємозв'язки переважно складаються з ключових слів та *регулярних* концептів, характерних для медичного дискурсу, та мають у собі *дискурсоутворювальний* концепт MEDICAL. Зазначені номінації зосереджують у собі інформацію, яка є в ментальності мовців, вказуючи на її актуальність для медичного дискурсу. З огляду на частотність використання лексеми EVALUATION поряд з іншими лексемами, що репрезентують регулярні концепти медичного дискурсу, вважаємо концепт ОЦІНКА регулярним концептом для медичного дискурсу.

У результаті дискурсивної діяльності концепт ОЦІНКА наповнюється додатковим змістом, а отже, додаткового відтінку значення отримує й саме визначення ОЦІНКИ. Доказом цього є тлумачення поняття ОЦІНКА як медичного терміна. Медичний словник дає такі визначення лексеми EVALUATION:

- 1) *determining whether expected outcomes were met; measuring effectiveness of nursing care, medical care, and forms of health care by other providers;*
- 2) *synthesis of examination findings into defined cluster of diagnostic classifications.*

Відтак, оцінка в медичному дискурсі трактується як, по-перше, огляд пацієнта та встановлення відповідності між його станом та нормою; діагностування хворого. По-друге, як встановлення відповідності якості послуг медичного догляду встановленим нормам.

У дослідженнях ОЦІНКИ більшість науковців (Г. І. Приходько [12], О. М. Вольф [6], Т. В. Маркелова [11], Г. І. Коротких [9], В. Д. Шинкарук [17] та ін.) як загальну характеристику цієї категорії вказують на модальну рамку, до складу якої входять суб'єкт оцінки, об'єкт оцінки, оцінний

предикат, підґрунтя оцінки, шкала оцінки, та оцінний стереотип, які, залежно від дискурсу, набувають своїх особливостей.

Оцінка визначається науковцями як висловлювання про цінність об'єкта, його корисність, здатність задовольняти потреби [3, с. 58]. Якщо об'єктом оцінки є окремий предмет або індивід, то оцінюється тільки той його аспект, що на думку суб'єкта, є найціннішим, найістотнішим у певних ситуативних умовах. У медичній сфері такою найістотнішою ознакою особистості є її здоров'я та здатність функціонувати як повноцінний член суспільства.

Характеристикою концепту ОЦІНКА як і самої категорії оцінки є її зв'язність із будь-яким предметом та ознаками реального світу [10, с. 89]. У медичному дискурсі ця зв'язність обмежується взаємовідносинами між пацієнтом та лікарем, або ж медичним закладом загалом. Відтак, головними компонентами оцінки, її суб'єктом та об'єктом, виступають відповідно лікар (група лікарів, медичний заклад) та пацієнт, а саме, його здоров'я та самопочуття.

Суб'єкт оцінки зазвичай маніфестується:

1) загальним іменником на позначення медичного працівника **doctor**: *"If we want our doctors to do a comprehensive evaluation... they need time."*

2) іменником, що вказує на спеціалізацію окремого лікаря: *At my psychiatric evaluation, a female clinical psychologist asked me: "When you say you think people are staring at you on the street – are you not staring at them first?"*;

3) займенником: *Given the situation, in line with our societal responsibility as outlined in our professional ethics, we performed a mental capacity evaluation of the president with the information that Mr. Mueller provided;*

4) особовим ім'ям людини: *According to the board review, in 1997 one of his patients died of a heart attack after Pole failed to do proper testing and evaluation for the patient's chest and abdominal pain.*

Об'єкт оцінки вводиться у висловлювання у вигляді:

1) іменника на позначення людини або групи людей загалом: *Lantzer said 15 people injured in the blast were transported to hospitals for evaluation.*

2) загального іменника на позначення хворого/пацієнта: *According to the board review, in 1997 one of his patients died of a heart attack after Pole failed to do proper testing and evaluation for the patient's chest and abdominal pain.*

3) іменника, що вказує на професію людини, або належність до певної соціальної групи: *The pilot and passenger were taken to a hospital for an evaluation;*

4) займенником: *She was taken to a hospital for medical evaluation.*

5) особовим ім'ям людини: *Moreno-Berrios remained under a doctor's care for psychiatric testing and evaluation through the weekend.*

Крім того, об'єктами оцінки в медичному дискурсі виступають:

– ліки: *Polygenic scores will need to undergo rigorous evaluation by the medical community before being incorporated into clinical practice;*

– країни: *But the Ebola epidemic of 2014 showed that many countries were not able to stop infectious diseases, and recent independent and objective evaluations show that most countries are still woefully underprepared.*

Іншими суб'єктами оцінки в медичному дискурсі є лікарі як:

– спільнота: *Polygenic scores will need to undergo rigorous evaluation by the medical community before being incorporated into clinical practice.*

– медична організація: *In new guidelines, the American Society of Clinical Oncology recommends the evaluations for patients aged 65 and up, particularly before making decisions about chemotherapy.*

Взаємодія суб'єкта та об'єкта зафіксована у вигляді оцінного предиката у структурі оцінки, що пов'язаний з ознакою «добре /погано». Бінарність оцінки з площини позитивний / негативний у медичному дискурсі трансформується у площину здоровий /хворий для абсолютної оцінки. У мові це реалізується, головню, лексемами *healthy, in good health, sound, all right, sane, fit, stable, good, competent, normal* для позитивного оцінювання, та *ill, sick, diseased, unsound, out of health, unfit, disabled, healthless, afflicted, diagnosed* для негативного оцінювання. Одночасно з цим поняття норма пов'язується з позитивним компонентом бінарності «healthy».

Для порівняльної оцінки бінарність набуває значення покращення / погіршення стану пацієнта, що знаходить своє відображення у використанні таких мовних засобів як *better, to get better, improve, develop, recover, progress / worse, worsen, get worse, lower, decay, break down, fall*.

Об'єктивно-суб'єктивний характер оцінки в медичному дискурсі має своє особливе втілення. Суб'єктивний складник передбачає людський чинник у встановленні оцінки та компетентність лікарів, які встановлюють діагноз. У результаті, постає питання про істинність/хибність оцінки: *According to the board review, in 1997 one of his patients died of a heart attack after Pole failed to do proper testing and evaluation for the patient's chest and abdominal pain.*

У той час як об'єктивним складником є норми встановлення оцінки, які спираються на встановлені факти, що були отримані емпіричним шляхом та є частиною наукового знання: *The aim of this study is to establish an objective skin evaluation*

system through testing skin data and scoring conducted by general dermatology experts.

ОЦІНКА в медичному дискурсі має раціональний характер. Крім безпосередньої реакції суб'єкта (лікаря) на об'єкт (пацієнта) засадами для її встановлення мають бути різні діагностичні процедури, що суворо регламентовані державою: *Patient evaluation is made through medical history, physical examination, routine laboratory tests, and other diagnostic procedures.*

Підґрунтям оцінки (мотивом чи критерієм), тобто нормою, з огляду на який здійснюється оцінювання, є відповідність здоров'я пацієнта загальноприйнятим стандартам. Підґрунтя в медичному дискурсі, зазвичай, виражається імпліцитно, комунікативна реакція англомовних пацієнтів на діагноз лікаря (тобто його оцінку стану хворого) взагалі не виражена вербально [1, с. 201]. Підґрунтям оцінки слугують знання лікаря-суб'єкта оцінки своєї спеціалізації, огляду та збору анамнезу об'єкта, що оцінюється, та інформації, представленої суб'єктом оцінки (автором) у попередньому контексті, або впливає з конситуативних умов:

A year later, her son was also diagnosed, following a 10-minute evaluation with a clinical psychologist and formal testing. – Зазвичай результат оцінки повідомляється об'єкту оцінки як факт без мотивування причини, за умови, що авторитет лікаря не викликає сумніву. Явище встановлення довіри до лікаря з боку пацієнта, що стосується найважливіших цінностей пацієнта, **ґрунтується** на авторитеті лікаря і сприймається пацієнтом без критичної оцінки. Воно пов'язане з сугестивністю, що у медичному дискурсі є навіюванням, свідомо здійснюваним лікарем на пацієнта.

Експліцитне вираження підґрунтя оцінки є необхідним у випадках, коли наявна різниця у поглядах лікаря та очікуваннях пацієнта та суб'єкт оцінки ставить за мету переконати реципієнта в правильності свого діагнозу; як підтвердження своєї кваліфікації та необхідності доказу своєї точки зору:

A psychologist said Madulka had not taken his medication for months triggering "acute symptoms" of schizophrenia. – На підтримку встановленого діагнозу «недієздатність» лікар вказує, що пацієнт не приймав ліки, що, так само, викликало симптоми шизофренії.

Невід'ємним структурним компонентом оцінки є оцінна шкала, або ґрадуйоване порівняння зі стандартом. У дослідженнях не має єдиної думки щодо того, якою вона має бути. Частина вчених стверджує, що початок відліку розташовується посередині шкали та збігається з нейтральною (нульовою) оцінкою, яка є основою для оцінних відхилень.

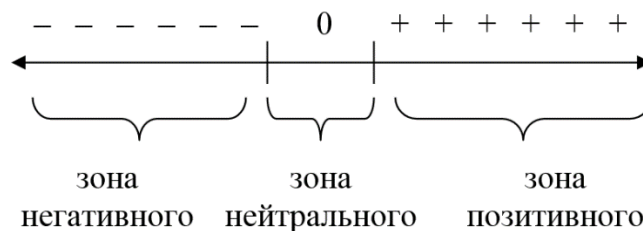

Рис. 1 шкала, у якій точка відліку розташована посередині шкали

Науковці Н. Д. Арутюнова [3], А. Вежицька [5], О. М. Вольф [6] та ін. Обстоюють іншу точку зору, відповідно до якої, норма оцінки (точка відліку) розташовується на «додатному» кінці шкали. На їхню думку, усе нормальне є позитивним, оскільки людина (суб'єкт оцінки) швидше назве «ненормальною» погану, неприємну

ситуацію. Таке твердження виявляється істинним і для медичного дискурсу, у якому характерним є використання зони позитивного як початку відліку.

Lee said his medical condition is "back to normal" now but that he needed to return to Taiwan every three months for evaluation.

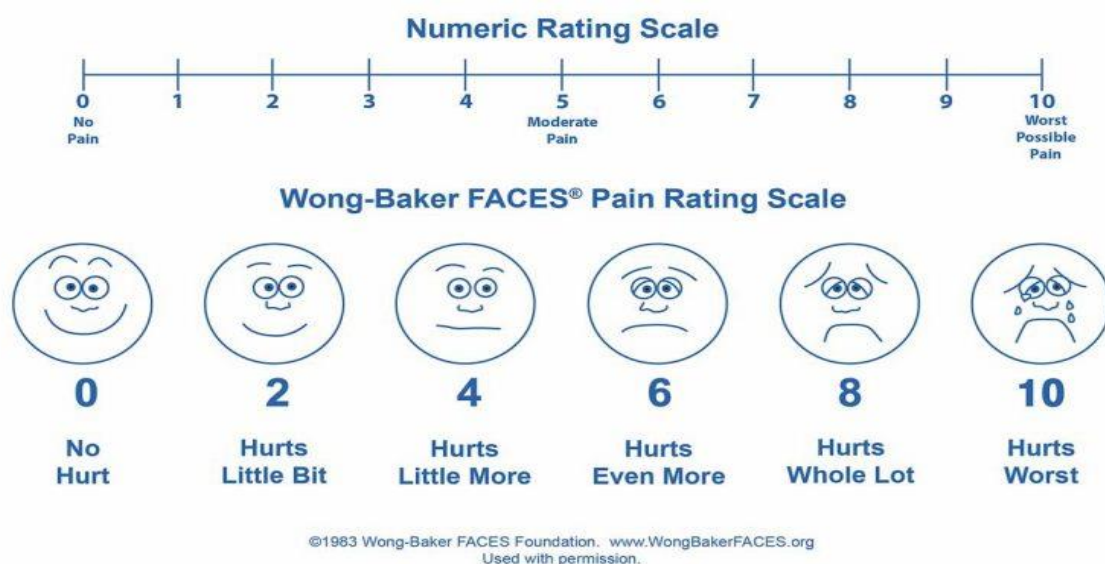

Рис. 2 Приклад використання шкали, у якій точка відліку розташована на «додатному» кінці шкали, для визначення ступеня болю

Висновки. Модальна рамка, що характеризує ОЦІНКУ загалом, набуває додаткових характеристик в межах медичного дискурсу. Головні елементи оцінної структури суб'єкт та об'єкт оцінки втілюються, переважно, у особах лікаря та пацієнта. Головними компонентами оцінки, її суб'єктом та об'єктом, виступають відповідно лікар (група лікарів, медичний заклад) та пацієнт, а саме, його здоров'я та самопочуття. Бінарність оцінного предиката, у медичному дискурсі пов'язана з ознакою «*healthy/ill*». ОЦІНКА має раціональний характер та є об'єктивно-суб'єктивною. Підґрунтя оцінки, зазвичай, імпліцитне та не потребує уточнення. Оцінна шкала, характерна для медичного дискурсу, має початок відліку у позитивній зоні.

Список літератури:

1. Halliday M.A. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. – London: Arnold, 1978. – 256 p.

2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. – М.: Просвещение, 1990. – 301 с.

3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

4. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк. – Благовещенск : БГК имени И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. : 122;

5. Вежицькая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежицькая. – М. : Радуга, 1999. – 780 с.

6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

7. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 87-95.

8. Дорда С.В. Аксіологічний аспект лінгвістики тексту // Актуальні проблеми функціонування мовних одиниць різних рівнів у тексті: 36. наук. пр. – Суми: Слобожанщина, 1997. – С. 38-43.

9. Коротких Г.И. Лингвопрагматические условия импликации оценки в языке современной английской прессы // Прагматические условия функционирования языка: Сб. науч. тр. – Кемерово, 1987. – С. 21-30.

10. Космеда Т.А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: Формування і розвиток категорії оцінки. – Львів: ЛНУ ім. І.Франка, 2000. – 350 с.

11. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филол. науки. – 1995. – №3. – С. 67-79.

12. Приходько Г.І. Категорія оцінки в контексті зміни лінгвістичних парадигм: [монографія] / Г.І. Приходько. – Запоріжжя: Кругозір., 2016. – 200 с.

13. Рахманова И.И. К прагматической типологии языковых оценок // Романские и германские языки: Функциональный и лингвометодический аспекты описания: Сб. науч. тр. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 56-65.

14. Стернин И.А. Лексическое значения слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.

15. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

16. Шаховский В.И. К типологии коннотации // Аспекты лексического значения. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. – С.29–34.

17. Шинкарук В.Д. Семантичні типи оцінних модусів // Наук. вісник Ізмаїл. пед. ін-ту. – Ізмаїл: Вид-во Ізмаїл пед. ін-ту, 2000. – Вип. 8. – С. 193-197.

#2(54), 2020 część 2

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Ukraina, Kijów)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#2(54), 2020 part 2

East European Scientific Journal
(Ukraine, Kiev)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w Ukraina, Kijów,

Pobedy Avenu, 56/1, Biuro 115

Sp. z o.o."Grupa Konsultingowa

"Образование и наука"

Ukraina, Kijów, Pobedy Avenu, 56/1,

Biuro 115

E-mail: info@eesa-journal.com,

<http://eesa-journal.com/>

Reprezentacja czasopisma naukowego

w krajach afrykańskich.

Republika Angoli.

ADAMSMAT_SU_LDA,

Sede: Rio Longa_ prédio Z11 Quarteirão Z,

N*23, Município: BELAS, província: LUANDA

E_mail: Adamsmat@mail.ru

Contribuinte n* 5417331007

Tel:+244-929527658

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the Ukraine, Kiev, Pobedy

Avenue, 56/1, office 115

LLC "Consulting group

"Образование и наука"

Ukraine, Kiev, Pobedy Avenue, 56/1,

office 115

E-mail: info@eesa-journal.com,

<http://eesa-journal.com/>

Representation of a scientific journal in

African countries:

Republic of Angola

ADAMSMAT_SU_LDA,

Sede: Rio Longa_ prédio Z11 Quarteirão Z,

N*23, Município: BELAS, província: LUANDA

E_mail: Adamsmat@mail.ru

Contribuinte n* 5417331007

Tel:+244-929527658